

Дзугава

*В году
уходящем
мы с вами
шли от
официальной
глазури к
реализму
проблем,
от лжи к
правде —
и нам
продолжать
этот путь
в году
наступающем!*

1988**12**

**LATVIJAS
TAUTAS
FRONTE**

7, 8 и 9 ОКТЯБРЯ — ДНИ НАРОДНОЙ МАНИФЕСТАЦИИ «ЗА ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО В ЛАТВИИ» И УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СЪЕЗДА НАРОДНОГО ФРОНТА ЛАТВИИ.

Фотоколлаж Гунара Янайтиса

42222222

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ЛАТВИЙСКОЙ ССР.
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1977 ГОДА

12 (138)

ДЕКАБРЬ
1988

В НОМЕРЕ:

Проза и поэзия

- Евгения ГИНЗБУРГ.** Крутой маршрут. Хроника вре-
мен культа личности. Продолжение 3
Арвид СКАЛБЕ. Небосклон мой светозарный.
Стихи 51

Литературное наследие

- Марис ЧАКЛАЙС.** Серебро в огне 55
Эрик АДАМСОН. Кровавые слезы. Сострадание.
Преодоление. Рассказы 57

- Марина НИЖЕВЯСОВА.** Туда, вдоль реки, где
кричит зегзица . . . Стихи 69

Публицистика

- Андрис ЯКУБАН.** О Народном фронте Латвии . . . 71
Программа Народного фронта Латвии 72
Виктор АВОТИНЬШ. Свобода, равенство и . . .
наше недалеко 84

- Ингварс ЯКАЙТИС.** Над полем и над лесом. Стихи . . . 90

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК КП ЛАТВИИ.
РИГА

(см. на обороте)

В Н О М Е Р Е (окончание):

Публицистика	
Юрис БОЯРС. Университетам — свободу печати!	93
Правовой аспект	
Илан ПОЛОЦК. Наручники	96
Культурология	
Борис М. ГАСПАРОВ. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Продолжение	105
Обзоры, размышления, рецензии	
Вадим РУДНЕВ. Культура и детектив	114
Искусство	
Маргерис ЗАРИНЬШ. Проба на достоинство	119
Почта «Даугавы»	122
Содержание журнала «Даугава» за 1988 год	123

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Главный редактор

Владлен ДОЗОРЦЕВ

Редакционная коллегия:

Юрий АБЫЗОВ, Виктор АВОТИНЬШ (отв. секретарь), Людмила АЗАРОВА, Астрида АЛЬКЕ, Улдис БЕРЗИНЬШ, Николай ГУДАНЕЦ, Юрис ДИМИТЕРС, Вика ДОРОШЕНКО, Вячеслав ИВАНОВ, Марина КОСТЕНЕЦКАЯ, Петр КРУПНИКОВ, Григорий НИКИФОРОВИЧ, Янис ПЕТЕРС, Кнут СКУЕНИЕКС, Ян СТРАДЫНЬ, Янис СТРЕЙЧ, Роман ТИМЕНЧИК, Леонид ЧЕРЕВИЧНИК (зав. отделом), Адольф ШАПИРО, Андрис ЯКУБАН (зам. главного редактора).

Редакция

Сергей КОЛЬЦОВ, Илан ПОЛОЦК, Вадим РУДНЕВ

КРУТОЙ МАРШРУТ

Хроника времен культа личности

Глава седьмая

ЭЛЬГЕН — ПО-ЯКУТСКИ «МЕРТВЫЙ»

Я упорно писала маме жизнерадостные письма. «Ты ведь знаешь, как я люблю путешествовать. Вот и сейчас я рада, что из Владивостока мы поедem дальше...» Так начиналось мое письмо, отправленное с транзитки «через волю». Из Магадана я тоже посылала ей через своих гостиничных друзей довольно складные описания северной природы, заканчивавшиеся неизменно предположениями, что, мол, наверно скоро поедem дальше.

А она, бедная, писала в ответ:

«Все смотрю на карту и удивляюсь: куда же еще можно ехать дальше...»

Эти ее слова я все время вспоминала во время этапа из Магадана в Эльген. Действительно, вроде дальше было уже некуда, а мы все ехали и ехали, вернее, нас, окоченевших, сгрудившихся, как овцы по дороге на бойню, все волокли и волокли в открытых грузовиках. И казалось, не будет конца этим снежным пустыням, этим обступившим нас сахарным головам сопков.

Как всегда, в начале пути кое-кто еще делился литературными ассоциациями. Слышались чьи-то возгласы о Джеке Лондоне и Белом Клыке, об Аляске. Но очень скоро все замолкло, всех охватило оцепенение и от стужи, и от сознания, что случилось, случилось-таки то, чего все боялись, что везут, везут-таки нас в тот самый Эльген, что висел над нами дамокловым мечом все магаданские восемь месяцев.

Было четвертое апреля, но мороз стоял сорокаградусный, с ветерком. Приближение весны сказывалось только совершенно ослепительным великолепием чистого снега и разноцветного сверкания на нем солнечных лучей. От этого зрелища нельзя было оторвать глаз. Увы, мы тогда еще не знали, что слово «ослепительный» в этом случае надо понимать буквально, что сказочная эта красота коварна, а пресечение ультрафиолетовых лучей на этом снегу слепит по-настоящему. Страшные острые конъюнктивиты и ожоги глаз ждали еще нас впереди.

Ощущение «края света» и удаления от человеческой цивилизации не покидало нас всю дорогу, вызывая страшную тоску.

— Честное слово, я не удивлюсь, если сейчас вон из-за той сопки выйдет мамонт, — шепчет мне, стуча зубами и пытаясь еще больше сжаться в комок, моя соседка по машине.

И я не переспрашиваю. Вот именно мамонт! Мне тоже кажется, что мы едем не только далеко от наших городов, но и далеко назад от нашей эпохи, прямиком в пещерный век.

Густой слоистый туман стоял над Эльгеном, когда наши машины въехали на его главную магистраль, где разместилось низкое деревянное здание управления совхоза. Был час обеденного перерыва, и мимо нас по направлению к лагерю шли длинные вереницы «работяг», окруженных конвоирами. Белые дубленые полушубки конвоиров мелькали как светлые блики на сплошном сером фоне. Все работяги, как по команде, поворачивали головы в сторону нашего обоза. И мы тоже, стяхивая с себя этапное оцепенение, напряженно вглядывались в лица своих новых товарищей.

— Говорили, что в Эльгене одни женщины. Но вот эти... Как ты думаешь, не мужчины ли это?

— Гм... Похоже... Впрочем...

Сначала мы подшучиваем друг над другом. Вот дожили: мужчин от женщин отличить не умеем... Ой баба! Ой нет! Как Чичиков о Плюшкине... Но чем пристальнее всматриваемся в проходящие шеренги работяг, тем больше становится не до шуток. Да, они бесполы, эти роботы в ватных брюках, тряпичных чунях, в нахлобученных на глаза малахаях, с лицами кирпичными, в черных подпалинах мороза, закутанными почти до глаз какими-то отрепьями.

Это открытие сражает нас. На многих, вроде давно и окончательно высохших глазах — снова слезы. Вот что ждет нас здесь. В этом Эльгене мы, уже потерявшие профессию, партийность, гражданство, семью, потеряем еще и пол. Завтра мы вольемся в призрачный марш этих странных существ, что проходят сейчас мимо наших машин, хрустя окаменелым снегом.

— Эльген — по-якутски «мертвый», — разъясняет одна из присоединенных к нашему этапу штрафниц. Она уже была здесь, чудом вырвалась назад в Магадан, а теперь вот снова «погорела» на связи с вольным. Она показывает нам агробазу, конбазу, маячащую в отдалении молферму. Но эти веселые энергичные

слова так не вяжутся с общим пейзажем, что мы пропускаем их мимо ушей. А вот «Эльген — по-якутски «мертвый» — это напрочно оседает в сознании. Правильно назвали якуты.

Вот она — зона. Колючая проволока, симметричные вышки, скрипучие ворота, алчно разинувшие зев навстречу нам. Ряды приземистых, крытых рваным толем барачков. Длинная дощатая общая уборная, поросшая торосами окаменелых нечистот.

И все-таки мы рады, что приехали. Как-никак становище. От недвижимого дыма над отведенным нам барачком тянет жилым, обитаемым. И приходит мало-помалу чувство нестерпимой безоружности и обнаженности, какое охватило всех в этом ледяном этапе, в тисках ослепительной доисторической тайги.

И вот мы уже стоим, сгрудившись, около раскаленной железной «бочки», на которой успокоительно булькает кипящая в огромном баке вода. Пахнет сохнувшими портянками и поджариваемыми на печке ломтями хлеба. Жилье... Понемногу разматываем свои тряпки и скрюченными, как бы стеклянными пальцами вцепляемся в полученные пайки хлеба.

В этот тяжелый момент судьба послала нам одного из тех людей, которые для того, наверное, и рождаются на свет, чтобы быть утешением окружающих. Это была дневальная барака. Марья Сергеевна Догадкина. Простая, поворотливая, чернявая пятидесятилетняя женщина, с теми самыми интонациями московской просвирни, которые умиляли еще Пушкина. Нет, она и не думала говорить нам ласковые слова. Наоборот, она все время кого-нибудь поругивала.

— Дверь-то разве так закрывают? — шумела она, ныряя в густое облако морозного тумана, клубящееся у входа в барачок. И после ее вмешательства перекошенная обледенелая дверь как-то становилась на свое место, сберегая тепло.

— Да разве так просушишь! Комком сунула... Плохо тебя маманя учила... — упрекала она кого-то и, отняв тряпку, ловким движением расправляла ее и развешивала около печки на веревке, где, казалось, уже невозможно было пристроить что-нибудь.

— Ты чего это хлеб-то такими кусищами глотаешь, как чайка? Разве так будешь сыта? Ишь набросилась, точно нападает на пайку! Дай-ка сюда, я поджарю...

И Марья Сергеевна ловко натыкала кусок чьей-то пайки на специально приспособленный железный вертел, мгновенно опалила его на раскаленной железной «бочке» и отдавала владелице горячий кусок, благоухающий священным запахом печеного хлеба.

— Вот так-то сытнее будет...

Как вьюн скользила она по барачку, каждого оделяла своим опытом, своим трудом, своим требовательным и доброжелательным материнским словом. И вот уже кажется, что мы все — гости Марьи Сергеевны. Плохое, конечно, жилье у нашей дорогой хозяйки, да и стол небогат. Но зато нам всем ясно, что «чем

богаты, тем и рады». И как-то сама она вроде и не заключенная (хоть и статью имеет — антисоветская агитация), настолько хозяйские у нее взгляды и движения, каждое из которых направлено на то, чтобы кому-то сделать легче, переносимее.

— С утра вас ждала, снега-то побольше натаяла. Вкусный кипяточек. Пейте от души, согревайтесь. Кружок у кого нет, баночки вон там на полочке берите. И про уборную не томитесь, на улицу ночью не бегайте. Хватит, намерзлись. Вон я в уголку ведро большое приспособила. Вынесу тихонько утречком, надзор и не заметит. Да не сокрушайтесь сильно-то . . . Эльген да Эльген . . . Не так страшен черт, как его малюют. Я вон уж третий год здесь, а жива. Спите себе. Утро вечера мудренее. Поздно уж. Ходит сон по лавочке, а Дрема-то по избе . . .

Я даже вздрагиваю от радости. Это слова из песенки, которой наша няня Фима баюкала маленького Ваську. И я засыпаю на верхних нарах с каким-то странным чувством покоя и прочности очага. Сквозь сон слышу, как Марья Сергеевна подметает пол, звякает ведрами, чудодейственно превращая барак эльгенской зоны в деревенскую избу. Хоть в грязную, нищую избу, где шуршат черные тараканы, но где все же пахнет домовитостью и печеным хлебом, где близко к вечеру по избе ходит Дрема. Сон сладко наваливается на меня. Я слышу голос няни Фимы, качающей моего младшего сыночка.

Где она его найдет,
Тута спа-а-ть укладет . . .

Только наутро грозная реальность снова ощеривается на нас. Опять возникает слово «этап». Как? Значит, и отсюда еще есть куда ехать? А как же! А Мылга! Она считается штрафная для Эльгена. А то есть еще Известковая. Так та штрафная для Мылги. А лесоповал? Сколько точек в тайге, по сравнению с которыми этот барак дворцом покажется! А лето придет — сенокос. По кочкам . . . ну, то еще дожить надо . . .

Марья Сергеевна не из тех, кто любит сказки сказывать. Что есть, то есть. Глаза закрывать нечего, надо правду знать. А пугаться-то все равно нечего. Везде люди. И на лесоповале живут . . . Не все бригадиры звери. Есть и ничего . . .

— Статьи-то у вас больно аховые. Тюрзаки ведь вы . . . Хуже каэртедешников, говорят. Ничего, обомнется . . . Привыкнет начальство. Сначала-то и каэртедешникам пикнуть не давали, а теперь вон одну даже завбаней поставили.

Да, мы попали на Эльген, на штрафную командировку, но не за провинности, а просто «по статье», как тюрзаки. А другие здесь почти все за что-нибудь, чаще здесь самые отъявленные рецидивисты — «оторвы». А еще — мамки.

— Чего-то начальству так подумалось, что здесь самое что ни на есть место подходящее для младенчиков. Право . . . Деткомбинат построили . . . Зона для заключенных деточек. Ну,

и мамок тут полно. Которые младенцы выживут, тех уж из ружья не убьешь . . .

Мамки — этим собирательным именем обозначались все заключенные женщины, пойманные на запретных любовных связях или «уличенные» в беременности. По отношению к ним строгие меры пресечения сочетались с некоторым даже гуманизмом что ли.

Несколько раз в день раздается специальный сигнал с вахты.

— На кормежку!

И те же закутанные в тряпье бесполое фигуры, «разобравшись» по пяти, торопливо топают под охраной тех же дубленых полушубков в деткомбинат, где каждой выдается на руки ее младенец. Перед младенцем стоит замысловатая задача — вытянуть несколько капель молочка из груди той, которая питается эльгенской паечкой, а работает на мелиорации. Обычно уже через несколько недель лагерные врачи констатируют «прекращение лактации», и мамка отправляется в этап на лесоповал или сенокос, а младенцу предлагается отстаивать свое право на жизнь при помощи бутылочек «Бе-риса» и «Це-риса». Так что состав мамок страшно текуч, все время обновляется свозимыми со всей Колымы грешницами.

— Вот это так охрана материнства и младенчества! — восклицает Нина Гвинуашвили, увидав впервые развод мамок в окружении солдат с винтовками наперевес . . .

Но все подробности насчет детского городка и материнских радостей на Эльгене мы узнаем позднее. А сейчас мы снова, после короткой передышки в бараке Марьи Сергеевны, наэлектризованы до предела слухами об этапах, ползущими из УРЧа (учетно-распределительная часть). Там, говорят, уже полным ходом составляются этапные списки на лесоповал. Слухи о том, где всего страшнее, разноречивы. По одним сведениям, на седьмом километре можно продержаться дольше, чем, скажем, на четырнадцатом или на Змейке, поскольку конвой не очень сволочной. По другим, наоборот, на седьмом можно скорее «дать дубаря», там только слава что бараки, а холодина в них, как в лесу . . .

Галя Стадникова отваживается обратиться с вопросом к начальнику режима.

— Скажите, пожалуйста, а не могу я рассчитывать на работу по специальности? Я фельдшер-акушерка . . .

Режимник криво усмехается и отчеканивает:

— Для ваших статей у нас две специальности: лесоповал и мелиорация.

. . . Мне достался седьмой километр. Список смешанный. Группа наших, тюрзаковок, но есть и эльгенские старожилы. Среди них и те, «кто пляшет и поет», то есть блатные, и несколько человек «православных христианок» — религиозных колхозниц из Воронежской области. Этих везут на седьмой как штрафниц, за отказ от работы по воскресеньям.

Целый час стоим у вахты, пока начальство о чем-то тихонько препирается. На вахте сидит начальник санчасти Кучеренко, меднолицый, коренастый человек с наружностью пожарника Кузьмы. Его почтительно именуют доктором, хотя он, как выяснилось в дальнейшем, ротный фельдшер.

— А если падеж в пути? — говорит он громко, так, что нам слышно. — Посмотрите, тюрзаки-то как одеты . . .

Да, мы снова хуже всех. На колхозницах какие-то чудом уцелевшие собственные грубошерстные шали. У некоторых блатнячек даже полушубки. А мы полностью казенные, без единой своей тряпочки, и чуни наши разлезаются, а в дыры набивается снег.

Позднее мы узнали, что есть-таки такая формула официального гуманизма: «Одет и обуто по сезону» . . . И в какие-то периоды, когда «падеж зэка превышал установленные нормы, работников санчасти начинали «тягать» по этому поводу. В данном случае представитель гуманного ведомства, оказывается, переносил неприятности как раз такого типа, почему и возражал против нашего пешего этапирования.

Больше часа стояли мы у вахты возле ворот, коченяя, ожидая исхода начальственной дискуссии и слушая пение блатных. Пританцовывая, они вопили:

Сам ты знаешь, что в субботу
Мы не ходим на работу,
А у нас субботка каждый день . . .
Ха-ха!

Наконец, ура! Гуманное начало одержало верх. Кучеренко удалось доказать очевидное: мы действительно одеты-обуты не по сезону. И вот нас везут, тащат на прицепах к тракторам, поскольку никакой другой транспорт не может пробраться к седьмому, лежащему в стороне от трассы, в глубине почти нехоженой тайги.

Едем . . . Через буераки и лесные протоки, через проклятия конвоя и матерщину блатнячек. А седьмой-то, видно, довольно условно назван. С гаком . . . Безусловно с гаком, да еще с большим. Навстречу ни человека, ни зверя. И зима, зима . . . Хоть это и апрель. Апрель сорокового года.

Глава восьмая

НА ЛЕСОПОВАЛЕ

Наш бригадир — блатарь Костик по прозвищу Артист — существо довольно просвещенное. В какой-то период своей бурной жизни он подвизался во вспомогательном составе провинциального театра. Поэтому он знает такие замысловатые словечки,

как «буффонада», «кульминация», «травести». Это придает его матерщине неповторимо-своеобразный оттенок.

На наш этап он смотрит абсолютно безнадежно. Он ходит вдоль нашего строя, как полководец перед боем, и с глубоким огорчением рассматривает этих вооруженных пилами и топорами оборванцев. Н-да. Видно придется ему по личным делам в Эльген таскаться. Из кого тут выбрать! Блатнячек он не выносит. Человек он чистоплотный, боится Венеры. Монашки — ну, те, известно, тронутые. А тюрзачки эти . . . Может когда-то и были они бабами. А нынче никакой от них серьезности, доходяги натуральные . . . Просто говоря, травести . . .

Костик поправляет челочку на лбу и напевает:

Травести да травести,
Не с кем время провести . . .

Но завидя приближающегося заведующего всеми лесозаготовками по совхозу, переключается в производственный план.

— С такими доходагами разве такую норму вытянешь? Сплошной «архив А».

Павел Васильевич Кейзин, завлесозаготовками, с одинаковым сокрушением рассматривает и наши пилы — плохие, ржавые, без «развода», и нас самих. То еще пополнение! Садистских навыков этот человек на своей нелегкой работе не приобрел, но искусством смотреть на людей как на придаток к пилам и топорам овладел в совершенстве.

От наших хибарок до места работы около четырех километров. Гуськом бредем по целине, по проваливающемуся, с каждым днем все более волглому апрельскому снегу. С первых же шагов ноги промокают насквозь, а когда после обеда начинает снова жать мороз, леденеют чуни, острые боли в отмороженных ногах не дают ступить.

Костик, как только остается наедине с нами, без приехавшего на денек Кейзина, без конвойных, частенько курящих группкой у костра, так и начинает negliжировать своими обязанностями. Инструктаж по лесоповальному делу он проводит примерно так:

— Дерево видали? Не видали? Эх вы, Марь Ивановны! В сугробе стоит, видала? Ну, стало быть, перед пилкой обтопать его надо . . . Вот так . . .

Ему-то хорошо обтапывать снег, в его высоких фетровых бурках с франтовски загнутыми голенищами, со свисающими на бурки по блатной моде брюками. А мы с Галей Стадниковой, моей напарницей, пытаемся повторить его движения и сразу набираем полные чуни снега.

— Теперь топором подрубай спереди. А сейчас с двух сторон берись за пилу и тяни. Да вы что, Марь Ивановны, пилы, что ли, отродясь в руках не держали? Вот это так буффонада!

— Неужели вы всерьез думаете, что мы с Галей сможем свалить такое дерево?

— Не одно такое дерево, а восемь кубометров на двоих — вот ваша норма, — слышим мы сухой деловой ответ. Не Костик, понятно, отвечает так, а подошедший завлесазаготовками Кейзин. А Костик, которому только что было глубоко наплевать и на нас, и на деревья, гнусным подхалимским голоском добавляет:

— Три дня вам на освоение нормы. Три дня пайка идет независимо. А с четвертого дня — извини подвисься . . . По категориям, от выполнения нормы . . . Как потопашешь, так и полопашешь . . .

Три дня мы с Галей пытались сделать немыслимое. Бедные деревья! Как они, наверно, страдали, погибая от наших неумелых рук. Где уж нам, неопытным и полуживым, было рушить кого-то другого. Топор срывался, брызгая в лицо мелкой щепой. Пилили мы судорожно, неритмично, мысленно обвиняя друг друга в неловкости, хотя вслух никаких упреков не делали, создавая, что ссориться — это было бы роскошью, которой мы не могли себе позволить. Пилу то и дело заносило. Но самым страшным был момент, когда искромсанное нами дерево готовилось наконец упасть, а мы не понимали, куда оно клонится. Один раз Галю сильно стукнуло по голове, но фельдшер нашей командировки отказался даже йодом прижечь ссадину, заявив:

— Старый номер! Освобождения с первого дня захотела!

Мы внимательно наблюдали работу воронежских религиозниц. То, что они делали, казалось нам черной магией. Как аккуратно и быстро получается у них подруб. Какие размашистые, согласованные движения приводили в действие их пилу! Как покорно падало в нужную сторону дерево к ногам тех, кто с детства знал физический труд!

Если бы нам дали немного опомниться и накормили досыта, кто знает, может быть и мы «схватили» бы когда-нибудь эту неуловимую «норму». Но в это время командира нашей ВОХРЫ, по общим отзывам не очень сволочного, перебросили на четырнадцатый, а сюда был прислан тамошний. Этот злодей прибыл сюда с несколькими своими злоденятами. И начался режим на уничтожение.

— Не курорт! — этой уже хорошо знакомой нам формулой он начал свое княжение. — Норму! Питание по выработке! За саботаж карцер! . . .

В нем было что-то общее с ярославским Коршунидзе. Правда, ничего кавказского не было в его белобрысом, порченном оспой лице. Но привычная «та» гримаса, в которую он, говоря с нами, складывал губы, придавала ему это фамильное сходство. Все заметили.

— Просто брат Коршунидзе. Ну хоть не родной брат, так двоюродный. Кузен . . .

Так Кузеном и звали его между собой.

. . . Ранним утром, часов так с пяти, мы поднимались от сна. Бока нестерпимо ныли. Никаких вагонок здесь не было, а сплош-

ные нары были сколочены не из досок, а из так называемых «кругляшей». Необрубленные сучки впивались в тело. Каждое утро начиналось с ощущения томящей пустоты внутри. Его надо было колоссальным усилием преодолеть, чтобы встать и сделать первое жизненное движение — подойти к железной печке и отрыть в куче наваленных вокруг печки вонючих тряпок свои портянки и рукавицы. Это было не так-то просто. Ведь впе-вые после «Джурмы» мы находились в одном помещении с гололовными, а это осложняло каждый шаг. Девкам ничего не стоило схватить чужие, более крепкие, портянки или чуни, отсклукуть от печки, вырвать из рук более острую пилу. А никаких жалоб наш Кузен не принимал.

Он был полностью повернут, так сказать, лицом к производству и очень доходчиво объяснял нам на разводах и поверках, что никакой уравниловки быть не может и бросать народный хлеб на контриков и саботажников, не выполняющих норму, он не намерен. На все же вопросы, связанные с поддержанием нашего существования, у него была в запасе какая-то особо выразительная гримаса и все та же короткая формула: «Не курорт!»

Так вошел в нашу лесную жизнь Великий Голод. Кто его знает Костика-артиста, может он и смилоствился бы над нами и стал хоть понемногу приписывать нам проценты. Но Кузен поставил дело научно. Он сам контролировал своих злодечат, чтобы они гоняли нас от костров и проверяли работу бригады. И когда Костик приходил с длинным метром замерять наши дневные достижения, за спиной у него стоял стрелок, так что даже при желании Костик не мог ничего для нас сделать.

— Восемнадцать процентов на сегодняшний день, вот и вся ваша кульминация, — мрачно говорил Костик и, косясь на стрелка, выводил эту цифру против моей и Галиной фамилий.

Получив «по выработке» крошечный ломтик хлеба, мы шли в лес и, еще не дойдя до рабочего места, буквально валились с ног от слабости. Все-таки этот кусочек мы делили на две части. Первую съедали утром, с кипятком, вторую — в лесу, сыпая его сверху снегом.

— Правда, Галя, бутерброд со снегом все-таки больше насыщает, чем пустой хлеб?

— Ну еще бы . . .

Первую неделю голодного режима мы все еще шутили иногда. Например, практиковалась такая игра. Вот, еле волоча ноги, мы бредем с работы. Сгорбленные, с шелушащимися коричневыми лицами, в немислимых лохмотьях. Вот тут и начинается сочинение «великосветской хроники». Вроде некий бульварный листок капиталистического мира живописует светские развлечения какой-то группы фешенебельного общества.

— Веселой кавалькадой возвращались дамы со своего увлекательного лесного пикника, куда они отправились минувшим утром из замка Эльген в долине Таскана. (Эльген считался Тасканского района.) . . . Звонкие голоса дам оглашали тенистые

уголки парка. Особой элегантностью отличался костюм амазонки, которым поразила всех русская княжна Затмилова (заплаты на ватных брюках Гали Затмиловой действительно превосходили все возможные своим причудливым видом) . . . Головной убор баронессы фон Аксенбург (это сплав двух моих фамилий), скопированный с лучших моделей Пакэна, по-видимому явится эталоном моды предстоящего весеннего сезона . . . В замке дам ждал великолепный обед со свежими омарами, сервированный внимательным и опытным мажордомом Кузеном де Коршунидзе . . .

Как ни странно, но такая болтовня в первые дни нашего голодного режима еще как-то поддерживала, утешала, укрепляла в сознании, что мы — люди.

Но скоро стало не до шуток. Кузен пустил в ход свое второе оружие. Теперь невыполнение нормы расценивалось как саботаж и каралось не только голодом, но и карцером. Прямо из леса нас, не выполнивших норму (а не выполняли, физически не могли выполнить ее, почти все наши тюрзаки), вели не в барак, а в карцер.

Трудно описать это учреждение. Неотапливаемая хижинка, скорее всего похожая на общую уборную, поскольку для отправления естественных потребностей никого не выпускали и параша тоже не было. Почти всю ночь приходилось так простаивать на ногах, так как для сидения на трех сколоченных кругляшах, заменявших нары, выстраивалась очередь. Нас загоняли туда прямо из леса, мокрых, голодных, часов в восемь вечера, а выпускали в пять утра — прямо на развод и опять в лес.

На этот раз, казалось, уже не уйти от нее, от постоянно наступающей нас Смерти. Еще капельку — и догонит . . . А мы уже так задыхаемся, убегая от нее. По крайней мере я, увидя свое туманное отражение в куске разбитого стекла, найденного Галей, сказала ей словами Марины Цветаевой:

Я такую себя не могу любить,
Я с такою собой не могу жить . . . Это — не я . . .

И Галя не стала возражать, что, мол, — ты . . . Только посмотрела сухими глазами и сказала:

— Хоть бы он малыша не бросил!

Это она о своем муже. Он у нее как-то не попал, уцелел на воле.

Глава девятая

СПАСАЙСЯ КТО МОЖЕТ

Сначала мы пытались спастись сами. То есть, собственно, идею подал Костик-артист, у которого, видимо, было все же незлое сердце.

— Доходите? — осведомился он как-то у нас с Галей, воспользовавшись отсутствием конвоира. — Тихонько доплываете, стало быть, и лапки кверху? И вся ваша мизансцена, да?

— А что же можно делать еще, бригадир? Проинструктируйте . . .

— Соображать надо. Колыма-то она на трех китах держится: мат, блат и туфта. Вот и выбирай, который кит тебе более подходящий, — загадочно сказал Костик.

Но это была только теоретическая подготовка. Практический урок мы получили от нашей же тюрзачки Полины Мельниковой. Она была в числе немногих, каким-то чудом выполнявших норму. Работала она одна, без напарницы, пилой-одноручкой. Однажды наши участки оказались рядом.

— Смотри, — сказала мне Галя, показывая на Полину, — настоящий памятник Гоголю.

Да, очень похоже. Сгорбившись и закутавшись в свои тряпки, она уже больше часа неподвижно сидела на промерзшем пне, отбросив пилу и топор.

— Когда же это она норму выполняет, если так сидит?

Оказывается, норма у Полины была уже «схвачена». Припертая нами к стене, она, быстренько озираясь, нет ли поблизости конвоя, объяснила нам технику дела.

— Кругом-то ведь штабеля. Ну, старые штабеля, напиленные прежними этапами. Полно ведь их тут и никто не считал, сколько . . .

Ну и что же? Ведь сразу видно, что это старые, а не свежеспиленные . . .

— А что их, собственно, отличает? Только то, что срезы у них потемневшие. А если от каждого бревна отпилить маленький ломтик, то срез будет самый что ни на есть свеженький. А потом — переложить штабель на это же место, только комляками в другую сторону . . . Вот и норма . . .

Эта операция получила у нас в дальнейшем название «освежить бутерброды». Она дала нам передышку. Мы немного видоизменили методику Полины: основание штабеля мы делали из «своих», нами спиленных деревьев, затем оставляли пару сваленных, но еще нераспиленных деревьев, чтобы была видимость разгара работы. А потом принимались таскать бревна со старых штабелей, спиливая с них ломтики и укладывая в свой штабель. Таким образом, из трех китов Колымы избрали пока третий — туфту! И чтобы не отступать от принципа полной правдивости, добавлю, что совесть нас несколько не мучила. Трудно сказать, догадывался ли Костик об источниках нашего трудового подъема, но молчать он молчал.

Передышка кончилась неожиданно. Мы еще не успели хоть немножко окрепнуть от целой стопроцентной пайки, отдохнуть от карцера, как на наш седьмой нагрянули тракторы для вывоза заготовленных дров. В течение трех дней наши «резервы» для выполнения нормы оказались исчерпанными.

Кузен пришел в бешенство, узнав, что мы опять перешли на 18—20 процентов. Туфта теперь обратилась против нас.

— Ведь могли же, когда хотели, сто процентов вырабатывать! А теперь опять за саботаж! Сгною в карцере . . .

Много раз за восемнадцать долгих лет наших «страстей» мне приходилось быть наедине с подошедшей совсем вплотную Смертью. Но привычка все равно не выработалась. Каждый раз — все тот же леденящий ужас и судорожные поиски выхода. И каждый раз мой неистребимый здоровый организм находил какие-то лазейки для поддержания еле теплящейся жизни. И, что важнее, каждый раз возникало какое-то спасительное стечение обстоятельств, на первый взгляд абсолютно случайное, а по сути — закономерное проявление того Великого Добра, которое, невзирая ни на что, правит миром.

На этот раз спасение от неминуемой эльгенской лесоповальной смерти первой начала приносить . . . брусника. Да, именно она, кислая, терпкая северная ягода. Да не та брусника, что по-является, как ей и положено здесь, в конце лета, а брусника подснежная, оставшаяся от урожая прошлого года, отоспавшаяся в сугробах таежной десятимесячной зимы и теперь выведенная из тайников осторожной бледной рукой колымской весны.

Шел уже май, когда я, обрубая сучья на сваленной листовнице и низко склонившись к земле, впервые заметила на исходящей паром проталинке, возле свежего пня, это чудо красоты, это совершеннейшее творение природы — уцелевшую под снегом веточку брусники. Пять-шесть ягодин, до того красных, что даже черных, до того нежных, что сердце разрывалось от боли, глядя на них. Как и всякая перезревшая красота, они рушились при малейшем, даже самом осторожном прикосновении. Их нельзя было рвать, они растекались под пальцами коралловым соком. Но можно было лечь на живот и брать их прямо с веточки пересохшими, обветренными губами, осторожно раздавливая языком на небе, наслаждаясь каждой в отдельности. Вкус их был непередаваемым. Настоящее старое вино, которое «чем старше, тем сильнее». Разве можно было сравнить этот вкус с кислятиной обычной брусники? Здесь была сладость и аромат перенесенных страданий, преодоленной зимы. Какое открытие! Первые несколько веточек я объела одна и только после обнаружения третьей во мне проявился человек.

— Галя, Галя, — закричала я потрясенным голосом, — брось топор, скорее сюда! Смотри . . . Тут «златистогрезный черный виноград» . . .

Да, отлично помню, именно этими северянинскими «изысками» я обозначила свою находку.

Теперь мы шли утром в лес не с отчаянием, а с надеждой. Мы уже установили, что растет брусника больше вокруг пеньков, на кочках. И мы находили ее почти ежедневно. Мы всерьез считали, и с горячностью убеждали друг друга, что эта ежедневная горсть «живого витамина» здорово укрепила наше здо-

ровье. И голова вроде меньше стала кружиться от голода, и разрыхленные цинготные десны стали меньше кровоточить.

Очень поддержали нас в ту смертельно опасную для нас весну и те примеры душевной стойкости, которые преподали нам наши полуграмотные воронежские религиозники. В конце апреля того года была пасха. Несмотря на то, что именно воронежские всерьез, без «туфты», выполняли норму, что на них главным образом и держался производственный план нашего «седьмого километра», Кузен и слушать не стал, когда они начали просить освободить их от работы в первый день праздника.

— Мы вам, гражданин начальник, эту норму втрое отработаем, только уважьте . . .

— Никаких религиозных праздников мы не признаем, и агитацию вы мне тут не ведите! С разводом в лес! И попробуйте только не работать . . . Это с вами там, в зоне, чикаются, акты составляют да опера тревожат. А я с вами и сам управлюсь . . . По-рабочему . . .

И этот злодей дал своим злодентам конкретное указание. Мы увидели все это. Из барака, откуда они отказывались выходить, повторяя: «Нынче пасха, пасха, грех работать», их выгнали прикладами. Но придя на рабочее место в лесу, они аккуратно составили в кучу свои пилы и топоры, степенно расселись на все еще мерзлые пни и стали петь молитвы. Тогда конвоиры, очевидно выполняя инструкцию Кузена, приказали им разуться и встать босыми ногами в наледь, в холодную воду, выступившую на поверхность лесного озера, еще скованного льдом.

Помню, как бесстрашно вступилась тогда за крестьянок старая большевичка Маша Мино.

— Что вы делаете, — кричала она на стрелков, и голос ее срывался от гнева, — ведь это крестьяне. Как смеете вы восстанавливать их против Советской власти! Жаловаться будем! И на вас управу найдем . . .

В ответ — угрозы и даже выстрелы в воздух. Не помню уж, сколько часов длилась эта пытка, для религиозниц — физическая, для нас — моральная. Они стояли босиком на льду и продолжали петь молитвы, а мы, побросав свои инструменты, метались от одного стрелка к другому, умоляя и уговаривая, рыдая и крича.

Карцер в ту ночь был забит так, что даже стоять было трудно. И тем не менее ночь прошла незаметно. Все время шел спор между нашими. Как расценивать поведение воронежских? Фанатизм или настоящая человеческая стойкость в отстаивании свободы своей совести? Называть их безумными или восхищаться ими? И самое главное, волнующее: смогли бы мы так? . . .

Спорили так жарко, что почти полностью отвлеклись от голода, изнурения, вонючей сырости карцера.

Интереснее всего, что ни одна из часов стоявших на льду воронежских не заболела. И норму уже на следующий день они выполнили на сто двадцать.

. . . Иногда в попытках спастись от наступающей нас гибели

некоторые наши пытались найти защиту у местного лекаря. Его отношение к медицине отлично укладывалось в слово «коновал», причем не в переносном, а в самом буквальном смысле: на воле он работал санитаром на ветеринарном пункте какого-то совхоза, такие явления в лагерной медицине были нередки.

Жил наш лекпом в «уютной хавирке», примостившейся к одной из стен рубленой избы, в которой обитали вохровцы. Хавирка именовалась «амбулаторией», но вход в нее нашему брату не разрешался. Услышав стук в дверь, лекарь выходил на крыльцо и совал больному в руки градусник. Так и мерили температуру, сидя на лавке возле «амбулатории». Лекарь был абсолютным единомышленником Кузена в отношении к «контрикам». Он тоже «не чикался», относился «по-рабочему». Освобождение от работы давал, начиная с тридцати восьми градусов и выше. Все остальные заболевания мужественно именовал «туфтой» и «замостыркой». Положенный же ему лимит на освобождение расходовал исключительно на блатнячек, которые расплачивались с ним то продуктами, заработанными у вохровцев, а то и натурой, так как лекпом хоть и был уже лет пятидесяти, но еще вполне бравый мужчина.

И все-таки настоящее спасение пришло ко мне от медицины. Точнее, меня спас заключенный хирург, ленинградец Василий Ионович Петухов, приехавший к нам на седьмой вместе с начальником эльгенской санчасти Кучеренко уже в июне.

— Комиссовка! Комиссовка! — радостным благовестом повторялось кругом в этот день.

Комиссовка — это значит для некоторых перевод на вождевленную «работу в помещении», для других — перевод в ОПЭ, то есть оздоровительный пункт, а это значит вернуться в эльгенскую зону, которая по сравнению с лесоповалом кажется землей обетованной, и недели две, а то и три, получать, не работая, пайку и «усиленную» баланду. Но даже и для тех, кто остается здесь, после комиссовки будет облегчение. Ведь комиссовки бывают неспроста, а именно тогда, когда «падеж» эзка превысил установленные нормы, когда в интересах производства рабочую скотину надо немного подкормить.

И опять мне повезло: Кучеренко, начальник санчасти, с ученым видом знатока ощупав мои «мослы», вдруг вышел из «амбулатории», и я осталась наедине с заключенным доктором Петуховым. Несколько минут мы молча смотрели друг на друга. На фоне лекпомовской «хавирки», с топчаном, заваленным взбитыми вышитыми подушечками, с веерками «художественных открыток» на стенах, я видела умное интеллигентное лицо настоящего врача. Оно воспринималось как сигнал из навеки оставленного разумного мира.

— Не ленинградка? — пользуясь моментом, тихонько спрашивает он.

— Нет. Но там, в Ленинграде, сейчас мой старший сын. У родных.

Через минуту выясняется, что мой ленинградский родственник доктор Федоров, тоже хирург, отлично знаком Петухову.

— Позвольте . . . Мальчик? Лет 12—13? Алеша, да? Так я же видел его с Федоровым. В начале 38-го . . . Перед самым моим арестом. Да, действительно, у него ваши глаза . . .

Я смеюсь и плачу и хватаю этого незнакомого человека за руки. Он мне сейчас ближе всех на свете. Он видел моего Алешу. Всего два года назад. А я не видела своих детей уже больше трех лет . . .

— Я спасу вас, — решительно говорит доктор. — Что за чушь! Конечно, честно. Сравните себя хотя бы с местным медиком. А вы будете людям добро делать. Своим людям. По-латыни читаете, конечно? Ну и все. На Кучеренко это производит неотчитаемое впечатление. Ждите вызова в зону.

Он выписал мне освобождение от работы на три дня с диагнозом «алиментарная дистрофия». Я испытала волшебное счастье — лежать в пустом бараке на нарах с книжкой в руках. Да, с книжкой! Ее дала мне блатнячка Лелька. Достала у вохровцев. Она симпатизировала мне и знала, чем потешить. Это был школьный учебник истории для пятого класса. Видно, они учились в заочной школе, наши злоденыта.

«Боги жили на Олимпе, — читала и перечитывала я. — Они пили нектар и ели амброзию» . . . Какое счастье лежать! Не пилить! Видеть, что из букв по-прежнему складываются слова. Пили нектар. Он, конечно, напоминал подснежную бруснику. А вот амброзия? Какова она была на вкус? Наверно, вроде жареной картошки . . .

К концу второго дня моего блаженства я услышала треск прибывшего из зоны трактора.

— С вещами!

На этот раз эти зловещие слова прозвучали благовестом. Ведь мы, вызванные, знали, что уезжаем с седьмого, с лесоповала, от Кузена . . .

— Ты в деткомбинат едешь. Медсестрой к детишкам . . . — добродушно сказал мне молоденький конвоир, приехавший за нами. Я готова была поцеловать его.

По дороге наш прицеп отцепился от трактора и перевернул нас в ледяную, несмотря на июнь, протоку. Но разве это могло иметь значение? Ведь я опять удачно убежала от Смерти.

Глава десятая

ЗДЕСЬ ЖИЛИ ДЕТИ

Деткомбинат — это тоже зона. С вахтой, с воротами, с бараками и колючей проволокой. Но на дверях обычных лагерных барачков неожиданные надписи. «Грудниковая группа». «Ползунковая». «Старшая» . . .

В первые дни я попадаю в старшую. Это вдруг возвращает мне давно утраченную способность плакать. Уже больше трех лет сухое отчаяние выжигало глаза. А вот теперь (в июле сорокового) я сижу на низкой скамейке в углу этого странного помещения и плачу. Плачу без остановки, вздыхая, как наша няня Фима, всхлипывая и сморкаясь по-деревенски. Это шок. Он-то и выводит меня из оцепенения последних месяцев. Да, это несомненно тюремно-лагерный барак. Но в нем пахнет теплой манной кашей и мокрыми штанишками. Чья-то дикая фантазия соединила все атрибуты тюремного мира с тем простым, человеческим и трогательно-повседневным, что осталось за чертой досягаемости, что казалось уже просто сновидением.

По бараку сновали, ковыляли, визжа, хохоча и заливаясь слезами, душ тридцать ребят в том возрасте, в каком был мой Васька, когда нас разлучили. Каждый отстаивал свое место под колымским солнцем в неустанной борьбе с другими. Они нещадно лупили друг друга по головам, вцеплялись один другому в волосы, кусались . . .

Они пробудили во мне атавистические инстинкты. Хотелось собрать их всех вокруг себя, стиснуть покрепче, чтобы ни один не попал под удары молнии. И причитать над ними хотелось . . . Опять же по-нянькиному. Да вы ж мои касатики . . . Да вы ж мои головушки болезные . . .

Выводит меня из этого состояния Аня Шолохова, моя напарница по новой работе. Аня — воплощение здравого смысла и деловитости. Шолохова она только по мужу. А так-то немка, ментонитка, с детства привыкшая к пунктуальности. Таких в лагерях зовут «аккуратистками».

— Послушайте, Женя, — сказала она, ставя на стол котел, благоухающий неземным ароматом мясной пищи, — если вас в таком виде заметит кто-нибудь из начальства, завтра же отшлют обратно на лесоповал. Скажут — нервная . . . А здесь нужны не нервы, а канаты. Возьмите себя в руки. К тому же пора кормить детей. Я одна не справлюсь.

Нет, грех сказать, чтобы их морили голодом. Кормили досыта и, по тогдашним моим понятиям, кажется, даже вкусно. Но почему-то все они ели, как маленькие лагерники: сосредоточенно, торопливо, старательно вытирая свои жестяные миски куском хлеба, а то и просто языком. Бросались в глаза их не по возрасту координированные движения. Но когда я сказала об этом Ане, она горько махнула рукой.

— Что вы! Это только за едой! Борьба за существование. А вот на горшок мало кто просится. Не приучены. Да и вообще их уровень развития . . . Ну, сами увидите . . .

Это я поняла на другой день. Да, внешне они все мучительно напоминали мне Ваську в том возрасте, когда его разлучили со мной. Но только внешне. Васька в свои четыре года шарил наизусть огромные куски из Чуковского и Маршака, разбирался

в марках машин, рисовал отличные дредноуты и кремлевскую башню со звездами. А эти!

— Что это, Аня? Они еще не говорят?

Да, только некоторые четырехлетки произносили отдельные несвязные слова. Преобладали нечленораздельные вопли, мимика, драки.

— Откуда же им говорить? Кто их учил? Кого они слышали? — с бесстрастной интонацией объясняла мне Аня. — В грудниковой группе они ведь все время просто лежат на своих койках. Никто их на руки не берет, хоть лопни от крика. Запрещено на руки брать. Только менять мокрые пеленки. Если их, конечно, хватает. В ползунковой группе они все толпятся в манежах, ползают, смотри только, не убили бы друг друга или глаза не выкололи. А сейчас — сами видите. Дай бог успеть всех накормить да на горшки высадить.

— Надо с ними занятия проводить. Песни . . . Стихи . . . Сказки им рассказывать . . .

— Попробуйте! У меня так к концу дня еле сил хватает до нар доползти. Не до сказок . . .

Работы, действительно, было невпроворот. Таскать воду чetyрежды в день из кухни, — а она в противоположном конце зоны, — оттуда же переносить тяжелые котлы с едой. Ну и, конечно, кормить, сажать на горшки, менять штаны, спасать от огромных белесых комаров . . . А главное — полы. Чистота полов в лагерях вообще составляла предмет помешательства начальства. Так называемое «санитарное состояние» определялось только белизной полов. Любая удушливая гарь и вонь в бараках, любые окаменевшие от грязи лохмотья проходили мимо взоров хранителей чистоты и гигиены. Но не дай бог, если недостаточно блестят полы. Так же неусыпно блюли «половой вопрос» и в деткомбинате. А полы были некрашенные, и их надо было скоблить ножом до блеска.

Однажды я все-таки попробовала осуществить свой план занятия по развитию речи. Раздобыв огрызок карандаша и кусок бумаги, я нарисовала ребятам классический домик с двумя окошками и трубой, из которой валил дым.

Первыми отреагировали на мое начинание Стасик и Верочка, четырехлетние близнецы, больше всех остальных напоминавшие «материковых» детей. Аня говорила мне, что их мать Соня — чистая бытовичка, не блатная, а какая-то просчитавшаяся бухгалтерша, спокойная хорошая женщина средних лет — работала в нашей лагерной прачечной, то есть на одной из самых привилегированных лагерных работ. Раз два-три в месяц она, пользуясь знакомством с вохровцами, которых она по блату обстирывала, пробиралась в деткомбинат. Здесь она, тихо всхлипывая, расчесывала осколком гребешка Стасику и Верочке волосики и совала им в рот, вынимая из кармана, ядовито-розовые

леденцы. На воле Соня была бездетна, а тут, от случайной связи, сразу пара.

— Так что детей своих она обожает. Да вот перед самым вашим приходом погорела бедняжка. На связи с вольнягой попалась. Так что сейчас она загремела на самый дальний сенокосный этап. С детьми разлучили, — рассказывает Аня своим бесстрастным менонитским голосом.

А я сразу вспоминаю, что Стасик и Верочка — единственные из всей группы знают загадочное слово «ма-ма». А сейчас, когда маму отправили, они иногда повторяют это слово с грустно-вопросительной интонацией и при этом недоуменно оглядываются вокруг.

— Посмотри, — сказала я Стасику, показывая ему нарисованный мною домик, — что это такое?

— Барак, — довольно четко ответил мальчик.

Несколькими движениями карандаша я усадила у домика кошку. Но ее не узнал никто, даже Стасик. Не видели они никогда такого редкостного зверя. Тогда я обвела домик идиллическим традиционным забором.

— А это что?

— Зона! Зона! — радостно закричала Верочка и захлопала в ладоши.

Однажды я заметила, что вахтер на деткомбинатовской вахте играет с двумя маленькими щенятами. Они копошились на какой-то подстилке прямо на вахтерском столе, рядом с телефоном. Наш страж почесывал щенят то за ушами, то под шейкой, и на деревенском лице его выражалась такая умиленность, такой добрый юмор, что я решилась:

— Гражданин дежурный! Дайте их мне! Для детей... Никогда ведь ничего, ну как есть ничего не видали... Кормить будем... В группе остается иногда...

Растерянный неожиданностью просьбы, он не успел стереть с лица человечность и натянуть свою обычную маску бдительности. Я застала его врасплох. И он, приоткрыв дверь вахты, протянул мне щенят вместе с подстилкой.

— Недельки на две... Пока подрастут... А там — вернете. Собаки-то деловые!

В сенях, при входе в барак старшей группы, мы создали этот «живой уголок». Дети дрожали от восторга. Теперь самым страшным наказанием была угроза: «Не пойдешь к собачкам!» А самым большим поощрением — «Пойдешь со мной собачек кормить!» Самые агрессивные и прожорливые ребята с радостью отламывали кусочки своей порции белого хлеба для Бачка и Черпачка. Так называли щенят именно теми словами, которые были хорошо понятны детям, повторялись в их быту. И дети поняли шуточный характер этих кличек и весело смеялись.

Кончилось все это дней через пять. И большой неприятностью. Главный врач деткомбината, вольный главврач Евдокия Ивановна, обнаружив наш «живой уголок», страшно разволновалась.

Очаг инфекции! Нет, недаром ее предупреждали, что эта пятьдесят восьмая на все способна!

Щенят она приказала немедленно сдать охране, а мы несколько дней ходили как в воду опущенные, ожидая репрессий: снятия с этой легкой работы и отправки на сенокос или лесоповал.

Но в это время началась эпидемия поноса в грудничковых группах, и в больших хлопотах, очевидно, главврач забыла про нас.

— Ладно, — сказала Аня Шолохова, — обошлось! Не будем горевать. Тем более, собачки-то действительно были «деловые». Те самые овчарки, которые вырастут и пойдут с нами на развод. А при случае и схватят любого зэка за горло . . .

Да, но ведь это еще когда вырастут! А пока . . . Как «по-матерински» улыбались им наши дети! Как оставляли им еды, приговаривая: «Это — Бачку! Это — Черпачку!»

Впервые догадались, что можно думать не только о себе самом . . .

. . . Эпидемия поноса упорно не шла на убыль. Грудники умирали пачками, хоть их старательно лечили и вольные и заключенные врачи. Но условия, в каких вынашивались эти дети, тюрьмы, горечь материнского молока, да и климат Эльгена — все это делало свое дело. Главная беда в том, что и этого, прогоркшего от горя материнского молока было мало и с каждым днем становилось меньше. Редкие счастливицы пользовались материнской грудью два-три месяца. Остальные все были искусственниками. А для борьбы с токсической диспепсией не было ничего более важного, чем хоть несколько капель женского молока.

Пришлось мне расстаться с моими старшими. Приглашенный на консилиум заключенный врач Петухов посоветовал перевести меня как «культурную сестру» к больным грудничкам. Взятся сам меня проинструктировать. Несколько дней я ходила в больницу заключенных, где работал Петухов, и он в спешном порядке обучал меня всему. Я добросовестно проштудировала «Справочник фельдшера». Научилась ставить банки и делать инъекции. Даже внутривенные вливания. Вернулась в деткомбинат законченной «медперсоной», ободряемая похвалами Петухова.

(За доброту, ум и честность выпало доктору Петухову великое, поистине уникальное в те годы счастье: в том же сороковом его вдруг неожиданно реабилитировали, и он уехал в Ленинград. Говорили, что известный летчик Молоков — брат его жены — лично вымолил у Сталина своего родственника.)

. . . Кроватки младенцев стоят вплитирку. Их так много, что если непрерывно перепеленывать всех подряд, то к первому вернешься не раньше чем часа через полтора. А все подопрели, исхудали, извелись криком. Одни пищат жалобно и тоненько, уже не рассчитывая на результат. Другие орут отчаянно и дерзко, активно отстаивают себя. А некоторые уже не кричат. Только стонут, как взрослые.

Мы как заводные. Кормим из бутылочек, вливаем лекарства, делаем уколы и, главное, — перепеленываем. Крутим без конца бязевые, плохо просушенные пеленки. От этого четырнадцатичасового кружения на ногах, от тяжелого смрада, идущего от огромной кучи измаранных пеленок, — перед глазами туман. Даже есть нам — всегда голодным — уже не хочется. Жидкую манную кашницу, остающуюся от детей, мы глотаем с отвращением, чтобы только поддержать существование.

Но самое ужасное — это то, что каждые три часа, с очередным разводом, приходят «на кормежку» мамки. Среди них есть и наши, политические, рискнувшие произвести на свет эльгенское дитя. С тоскливо-вопросительным выражением лиц они заглядывают в наши двери. И не поймешь, чего они больше боятся: того, что младенец, родившийся в Эльгене, выживет, или того, что он умрет.

Однако основная масса мамок — это блатные. Каждые три часа они устраивают погром против медперсонала. Материнские чувства — отличный повод для бесчинств. С непотребной бранью врываются они в группу, проклиная нас и грозя убить или изуродовать в тот самый день, как умрет Альфредик или Элеонорочка. (Они всегда давали детям роскошные заграничные имена.)

... Когда меня перевели на работу в изолятор, я сначала даже довольна была. Там все-таки поменьше детей, только сложные или острозаразные больные. Там будет физическая возможность каждому уделить внимание. Но оставшись впервые на ночное дежурство, почувствовала почти непереносимый приступ тошноты душевной.

Вот они лежат — маленькие мученики, родившиеся для одних страданий. У того годовичка с приятным круглым личиком уже начался отек легких. Он хрипит и судорожно дергает руками с ярко-синими ногтями. Как скажу матери? Это Маруся Ушакова из нашего барака . . .

А вот этот — за грехи отцов. Порождение проклятого блатного мира. Врожденный люэс.

Те две крайние девочки умрут, наверно, сегодня, при мне. На камфаре держатся. Заключение врач Полина Львовна, уходя в зону, долго просила меня не жалеть иглу.

— Пусть хоть до девяти утра протянут . . . Чтобы экзитус не в наше дежурство.

Полина Львовна из Польши. Только два года до ареста успела прожить у нас. Не то с непривычки к нашим порядкам, не то просто по натуре, но только боязлива она, бедняга, до крайности. Боязлива и рассеянна. Прикладывает фонендоскоп к груди двухмесячного и деловито приказывает ему: «Больной, дышите! Теперь задержите дыхание!» Невропатолог она. Непривычна к детской практике.

Особо запомнилась одна ночь в изоляторе. Не простая, а белая. Одна из последних в том году белых ночей. Нисколько она не была похожа на ленинградскую. Никаких золотых небес и никаких, естественно, спящих громад. Наоборот, нечто первобытное, нечто глубоко враждебное человеку ощущалось в этом студенистом белом разливе, в котором как-то колебались привычные формы: и сопки, и растительность, и строения. Звон ввинчивался не только в уши, но и в сердце. И никакой накомарник не спасал от ядовитых укусов этой летучей нечисти, похожей на обычных материковых комаров в такой степени, в какой разъяренный тигр — на домашнюю кошку.

Свет, как это часто бывало, вдруг погас. Только небольшой ночник слабо мигал на столе, и при его колеблющемся свете я каждый час делала уколы умирающей девочке. Эта пятимесячная дочка двадцатилетней матери-бытовички уже давно лежала здесь, в изоляторе, и каждая дежурная при передаче смены говорила: «Ну, эта, наверное, сегодня...»

А она все теплилась. Скелетик, обтянутый стариковской морщинистой кожей. А лицо... Лицо у этой девочки было такое, что ее прозвали Пиковой Дамой. Восьмидесятилетнее лицо, умное, насмешливое, ироническое. Как будто все-все было понятно ей, на короткий миг брошенной в нашу зону. В зону злобы и смерти.

Я колола ее большим шприцем, а она не плакала. Только чуть покряхтывала и в упор смотрела на меня своими всеведущими старушечьими глазами. Умерла она перед самым рассветом, близко к тому рубежу, когда на безжизненном фоне белой ночи Эльгена начинают мелькать неясные розоватые блики.

Мертвая — она опять стала младенцем. Разгладились морщины, закрылись глаза, преждевременно постигшие все тайны. Лежал изможденный мертвый ребенок.

— Светочка скончалась, — сказала я своей сменщице, передавая дежурство.

— Какая Светочка? Ах, Пиковая... — Она осеклась, взглянув на вытянувшееся тельце. — Правда, на Пиковую больше не похожа. А матери нет... В этап, на Мылгу угнали...

Их нельзя забыть, эльгенских детей. Нет, нет, тут даже и сравнения быть не может с детьми, скажем, еврейскими в империи Гитлера. Эльгенских детей не только не уничтожали в газовых камерах, но еще и лечили. Их кормили досыта. Я должна подчеркнуть это, чтобы не отступить ни в чем от правды.

И все-таки, когда вспоминаешь плоский, серый, подернутый тоской небытия пейзаж Эльгена, то самым немислимым, сатанинским измышлением кажутся в нем именно эти бараки с надписями «Грудниковая группа», «Ползунковая», «Старшая»...

«ВЕТЕРОК В КУСТАХ ШИПОВНИКА»

Откуда они взялись, эти дети? Почему их так много? Неужели в этом мире колючей проволоки, дозорных вышек, разводов, поперек, отбоев, карцеров, этапов — кто-то еще может испытывать чувство любви или хотя бы примитивного влечения?

Помню, в юности (которая, к счастью, прошла до эпохи сексуальной революции) меня волновало гамсуновское определение любви. «Что такое любовь? Ветерок ли, шелестящий в кустах шиповника, или вихрь, ломающий мачты кораблей? . . . Это золотое свечение крови . . .»

Этому противостоял циничный афоризм одного из ранних эренбургских персонажей: «Любовь — это когда спят вместе . . .»

Для Колымы сороковых годов даже и это определение было бы слишком идеализированным. Когда спят вместе . . . Но ведь это значит, что у них есть крыша над головой, общая крыша. И какое-то ложе, на котором они могут спать, принадлежа во сне только самим себе и друг другу.

Любовь в колымских лагерях — это торопливые опаснейшие встречи в каких-нибудь закутках «на производстве», в тайге, за грязной занавеской в каком-нибудь «вольном бараке». И всегда под страхом быть пойманными и выставленными на публичный позор, а потом попасть на штрафную, на жизнеопасную «командировку», то есть поплатиться за это свидание не чем-нибудь — жизнью.

Многие наши товарищи решили этот вопрос не только для себя, но и, принципиально, для всех, с беспощадной логикой настоящих потомков Рахметова. На Колыме, говорили они, не может быть любви, потому что она проявляется здесь в формах, оскорбительных для человеческого достоинства. На Колыме не должно быть никаких личных связей, поскольку так легко здесь соскользнуть в прямую проституцию.

Принципиально возразить тут вроде бы и нечего. Наоборот, можно только проиллюстрировать эту мысль бытовыми колымскими сценами купли-продажи живого товара. Вот они, такие сцены.

(Оговариваюсь: я веду речь только об интеллигентных женщинах, сидящих по политическим обвинениям. Уголовные — за пределами человеческого. Их оргии не хочу я живописать, хоть и пришлось немало вынести, становясь их вынужденным свидетелем.)

Лесоповал на седьмом километре от Эльгена. Наш бригадир Костик-артист идет по тайге не один, а в сопровождении пары «корешей». Они деловито осматривают наших женщин, орудующих пилами и топорами.

— Доходяги! — машет рукой «кореш».

— Подкормишь! Были бы кости — мясо будет, — резонерствует Костик. — Вон к той молоденькой давай, к пацаночке!

Улучив минуту, когда конвоиры греются у костра, они подходят к двум самым молоденьким девушкам из нашей бригады.

— Эй, красючка! Тут вот кореш мой хочет с тобой обменяться мнением . . .

«Обменяться мнением» — это формула вежливости, так сказать, дань светским приличиям. Без нее не начинается переговоров даже самый отпетый урка. Но ею же и исчерпывается вся «черемуха». Дальше высокие договаривающиеся стороны переходят на язык, свободный от всяких условностей.

— Экспедитором я на «Бурхале». (Один из самых страшных приисков.) Так что даю сахар-масло-белый хлеб. Сапоги дам, валенки, телогрейку первого срока . . . Знаю, что тюрзак . . . Ничего, с хорошей договоримся. Дороже, конечно, станет. Хавира тоже есть. Километра три тут . . . Ничего, притопаеть . . .

Чаще всего такие купцы уходили несолоно хлебавши. Ну а иногда и слаживалось дельце. Как ни горько. Так вот и выходило. Постепенно. Сперва слезы, ужас, возмущение. Потом — апатия. Потом все громче голос желудка, да даже не желудка, а всего тела, всех мышц, потому что ведь это было трофическое голодание, вплоть до распада белка. А порой и голос пола, просыпавшийся несмотря ни на что. А чаще всего — пример соседки по нарам, поправившейся, приодевшей, сменившей мокрые расползающие чуни на валенки.

Трудно проследить, как человек, загнанный бесчеловечными формами жизни, понемногу лишается привычных понятий о добре и злом, о мыслимом и немислимом. Иначе откуда же в деткомбинате такие младенцы, у которых мама — кандидат философских наук, а папа — известный ростовский домовник!

Некоторые из тех женщин, у кого были небольшие сроки и кто успел выйти из лагеря еще до начала войны, но без права выезда на материк (часто бывшие коммунисты со статьей КРТД, получавшие в тридцать пятом всего по пять лет!), перешагнув порог лагеря, стремительно вступали в колымские браки, абсолютно не стесняясь мезальянсов. Помню такую Надю, которая накануне своего освобождения вызывающе швыряла в лицо своим барачным оппонентам:

— Ну и засыхайте на корню, чистоплюйки! А я все равно выйду за него, что бы вы ни говорили! Да, он играет в подкидного дурака, да, он говорит «мое фамилие» . . . А я кончила иняз по скандинавским языкам. Только кому они теперь нужны, мои скандинавские! Устала я. Хочу свою хату и свою печку. И своих детей. Новых . . . Ведь тех, материковских, больше никогда не увидим. Так рожать скорей, пока еще могу . . .

Иногда вместо трагического надрыва возникала чистая юмористика. Вот, например, новелла о том, как Соня Больц «вышла замуж не отходя от кассы».

Тихая непритязательная Соня, швейница из белорусского го-

родка, умудрилась отхватить солидную статью — КРТД, чему сама она не переставала удивляться. Из восьми назначенных Соня отсидела уже пять, когда вдруг из Москвы прибыла бумага, в которой Сонины преступления переклассифицировались с «контрреволюции» на «халатность» и срок, соответственно, сократился до трех лет.

Обезумевшая от радости Соня не обратила никакого внимания на то, что бумага шла ровно два года. Главное заключалось в том, что она должна была сейчас же, незамедлительно ехать в Ягодное, где освобождали. Там производилось священное «оформление» так называемой «формы А», переводившей заключенного в разряд «бывших заключенных», вольноотпущенников.

В Ягодном, в управлении лагерей, открывалось по определенным дням окошечко, вроде кассового. Именно из этого окошечка и принимал дрожащими от счастья руками бывший (уже бывший!) зэка благословенную «форму А». На окрестных приисках всегда знали, когда предстоит освобождение группы женщин с Эльгена, и к этому времени съезжались женихи.

Когда Соня Больц, сложив «форму А» вчетверо, благоговейно увязывала ее в платок, к ней подошел рослый детина в лохматой меховой шапке и хрипловато сказал:

— Я извиняюсь, гражданочка... Вы освободились? Ну и ладно... Сам-то я с «Джелгалы». Человек, хошь кого спросите, самостоятельный. Желаю обменяться мнением...

Соня критически осмотрела претендента и задала несколько неожиданный вопрос:

— Скажите, а вы — не еврей?

— Нет, гражданочка, чего нет, того нет... Врать не стану... Сами-то мы сибирские, с-под Канску...

— И чего это я спрашиваю, — вздохнула Соня, — откуда взяться вольному еврею на этой проклятой земле! Еще хорошо, что вы не этот... каракалпак... Я знаю?

И после небольшой паузы исчерпывающе добавила:

— Я согласна.

Смешнее всего, что эта пара прожила потом долгие годы в добром согласии, а в пятьдесят шестом, после реабилитации, супруги вместе выехали в Канск.

Вот такое — и смешное, и трагическое — окружало нас в нашем странном первозданном быту.

Ну а любовь? Та самая, гамсуновская, которая «золотое свечение крови»? Я утверждаю, что и она порой появлялась среди нас. Сколько бы ни отрицали возможность чистой любви на Колыме наши ригористы (а их было особенно много среди меньшевиков и эсеров), а любовь была. Поселялась иногда в наших бараках, поруганная, оскверненная, захватанная грязными лапами, неузнанная окружающими, но по сути она, все равно ОНА, та самая, «ветерок в кустах шиповника».

Вот, например, одно из ее таинственных появлений.

... Поверка. После пересчета наличного состава нам читают приказ начальницы лагеря Циммерман о взысканиях. Сама Циммерман — особа просвещенная, но ведь она только подписывает приказы, а редактирует их начальник режима. Мелькают формулы: «Пять суток карцера с выводом на работу», «Пять суток карцера без вывода на работу» ...

И наконец мы слышим пункт приказа, который вызывает смех даже в наших рядах, среди людей, униженно слушающих с замиранием сердца, кому из них не дано на сегодняшнюю ночь блаженство барачных нар, для кого эта ночь обернется вонючими, мерзлыми досками карцера.

«За связь зэка с зэкою, — читает дежурный вохровец, — выразившуюся в простое лошади сроком два часа ... пять суток без вывода» ...

Позднее это выражение «связь зэка с зэкою, выразившаяся в простое лошади», станет ходовым словом в нашем лагере. Но сейчас смех быстро стихает, гаснет, сменяясь ужасом. Пропали ОНИ теперь ...

ОН — в прошлом актер, мейерхольдoveц, ОНА — балерина. Их бывшие профессии создали им на какое-то время привилегированное положение в лагере. В Магадане они оба были включены в состав так называемой культбригады. Этот крепостной театр, поставлявший зрелища начальству, скучающему в глуши, и кормил своих заключенных актеров и под разными предложениями давал им относительную свободу бесконвойного хождения.

Им удается встречаться вне лагеря. Счастье! Счастье особенно острое, может быть, от сознания его шаткости, ежеминутной уязвимости. Оно — счастье — длится ровно пять месяцев. Потом обнаруживается ЕЕ беременность. А для забеременевших в лагере — путь проторенный: этап в Эльген, поближе к «мамкам», к деткомбинату.

Разлука. Штрафница-мамка получает теперь чуни и бушлат третьего срока вместо «пачки» и балетных туфель. Маленький сын умирает в деткомбинате, не дожив до полугода.

Для того, чтобы встретиться с НЕЙ, ОН симулирует потерю голоса. Играть на сцене ОН больше «не может», и знакомый нарядчик, обозвав ЕГО ослом, все-таки «устраивает» его в этап на «Бурхалу», прииск, расположенный неподалеку от Эльгена.

Теперь, вместо привольной жизни актера крепостного театра, ОН добровольно переносит все ужасы смертоносной «Бурхалы». «Вкальвает» в забое. Болеет, «доходит». Через некоторое время ему удастся попасть в таежную культбригаду Севлага, которая время от времени приезжает к нам в Эльген и тешит эстрадным репертуаром погибающее от зеленой скуки эльгенское начальство. В задние ряды допускаются в виде поощрения и зэки из придурков и ударников производства.

Встретились! Встретились! Задыхаясь от жгучего горя и от счастья, ОНА стоит рядом с НИМ за кулисами эльгенского лагерного клуба. Постаревшая в свои двадцать шесть, изможденная, некрасивая, единственная, наконец-то вновь обретенная.

Задыхаясь, она повторяет все одно и то же: как похож был на НЕГО маленький сынок, даже ноготки на пальчиках точь-в-точь папины. И как маленького в три дня скрутила токсическая диспепсия, потому что у НЕЕ молоко совсем пропало и малыш был чистый искусственник. ОНА все говорит и говорит, а ОН все целует ЕЕ руки с неотмываемыми, обломанными ногтями и умоляет ЕЕ успокоиться, потому что у НИХ будут еще дети. И ОН сует ей в карманы бушлата куски эконоимленного хлеба и кусочки пиленого сахара, вываленного в махорке.

У НЕГО большие связи во влиятельных кругах придурков. ЕМУ удается пристроить ЕЕ на «блатную» по эльгенским понятиям работенку — возчиком на конбазу. Это почти счастье. Без конвоя ведь! ОНА стала поправляться. Опять похорошела. Записки от НЕГО получает регулярно. И на что надеются? У обоих по десятке и по пяти — поражения. А разве надо обязательно надеяться? Перечитает записку сто раз — и смеется от счастья.

Почему же вдруг «пять суток без вывода»? Оказывается, ОН при помощи каких-то знакомых лагерных чинов, покровительствующих искусству, сумел получить фиктивную командировку в Эльген и подстерег ЕЕ с ее лошаденкой около Волчка, в четырех километрах от зоны. И конечно же, они привязали к дереву эту лошаденку, кривоногую низкорослую якутку. А какая-то тварь засекла их и наступала по начальству. Вот и получилось происшествие, караемое карцером: «связь зэка с зэкою, вызвавшая в простое лошади сроком два часа».

Проверка окончена. Сейчас явится конвоир, чтобы вести назначенных в карцер.

— Только бы ЕГО не тронули, — говорит ОНА, натягивая на себя лохмотья в предвидении промозглой сырости карцера, — только бы не ЕГО! Ведь у него после прииска хронический плеврит...

— Где ОНА? Вот записка!

Катя Румянцева, бесконвойная, возит воду на бычке. Молодчина: сумела-таки пронести записку через вахту!

— Слава богу! Все в порядке! — радостно восклицает ОНА, пробегая записку. — Завтра и послезавтра у них выступление для ягоднинского начальства. Поэтому в карцер его не берут, только выговор объявили... Нужен он им! А я-то что... Я выдержу...

И ОНА первая из всех карцерных идет к дверям барака, направляясь на пять суток в преисподнюю своей изящной походкой балерины.

Завидуйте им, люди!

МЕЖДУ УРЧЕМ И КАВЕЧЕ

Год работы в деткомбинате — это период лагерной передышки. Каждое утро я благословляю судьбу и доктора Петухова, сделавшего меня «медперсоной». На мне чистая телогрейка. По утрам я выхожу из центральной эльгенской зоны со вторым разводом. И не в колкий туман окоченевшей декабрьской или январской тайги, а в барак деткомбината, теплый и успокоительно пахнувший замаранными пеленками. Ежедневно я получаю солидную порцию манны небесной — жиденькой манной кашки, остающейся от детей. Наконец я живу в бараке, где дневальной милая Марья Сергеевна Догадкина, где по вечерам гудит железная бочка и булькает в большом чане кипятик. У меня всегда есть возможность укрыться от стужи, а перед сном я могу даже позволить себе роскошь — почитать стихи, всласть начитаться, забравшись на вторые нары в гости к Лене Якимец.

Вот сегодня, например, мы заговорщическим шепотом ВЫДАЕМ друг другу Гумилева. Как он утешает здесь! Как отрадно вспомнить здесь, на Эльгене, что далеко-далеко, на озере Чад, изысканный бродит жираф. Так и бродит себе, милый, пятнистый, точно ничего не случилось. Потом, перебивая друг друга, вспоминаем от начала до конца стихи о том, как старый ворон с оборванным нищим о ВОСТОРГАХ вели разговоры. Это самое главное: уметь помнить о восторгах даже на верхних эльгенских нарах . . .

Старый ворон в тревоге всегдашней
Говорил, трепеща от волненья,
Что ему на развалинах башни
Небывалые снились виденья . . .

Лена работает кровельщиком. Целый день кроет бараки финской стружкой. Она очень ценит свою работу. Не то что на общих. Главное — жилье всегда рядом. Всегда можно забежать в барак, когда уж очень сведет руки-ноги. Не в тайге. Но все-таки так намерзнется за день, бедняга, что уже почти сквозь сон доборматывает:

Что в полете свободном и смелом
Он не ведал тоски их жилища
И был лебедем, нежным и белым . . .

Лена засыпает, а я договариваю:

Принцем был отвратительный нищий . . .

. . . Мне-то хорошо: я со вторым разводом. А Лене — с первым. Это в половине шестого утра. Свинцового эльгенского утра.

С первым идут кровельщики, работники агробазы, конбазы. А деткомбинат, больница, управление совхоза — это со вторым. На целый час позднее. И какой же он сладкий, этот утренний час дремоты, когда уже все слышишь, но в то же время каждой клеточкой угревшегося под бушлатом тела смакуешь минуты зыбкого покоя.

— Первый развод! — провозглашает Марья Сергеевна. — Вставайте, девушки, кто с первым разводом!

Вот они уже, кряхтя, наворачивают портянки, вот звякают черпачками, наливая в кружки кипяток. А мы поворачиваемся на другой бок, и смутный стыд за эту привилегию не может пересилить великой радости — смежить веки и еще на целый час отсрочить начало нового дня.

Есть еще и третий развод. Но это уже для аристократии, живущей не у нас, а в бараке обслуги. Там придурки: нарядчики, старосты, работники столовой и хозчасти. У них в бараке вместо нар — отдельные топчаны и тумбочки у каждого спального места. Стол в середине барака покрыт промереженной скатертью из чисто вымытой мешковины, а лампочка над столом светит так ярко, что по вечерам вполне можно читать и вышивать.

Самое страшное — когда злодейство входит в повседневность, становится бытом. У нас уже выработалась привычка к этому, с позволения сказать, жизненному укладу, и мы говорим о деталях нашего существования как о чем-то нормальном. Все дальше в прошлое уходят картины прежней, дотюремной жизни, все чаще с искренней убежденностью повторяется остроумная поговорка блатарей: «Это было давно и неправда!»

Никто уже почти не вспоминает о том, кем была, например, на воле Елена Николаевна Сулимова, жена бывшего председателя Совнаркома РСФСР. Научный работник, врач, она воспринимается теперь всеми только как доходяга. Даже не доходяга, а настоящий ф и т л ь. Она не растает с задубевшим от грязи бушлатом, прячется от бани и ходит по столовой с большим ведерком, в которое она сливает изо всех мисок остатки баланды. Потом садится на ступеньки и жадно, как ч а й к а, глотает эти помои прямо из ведра. Уговаривать ее бесполезно. Она сама забыла себя, прежнюю.

Зато Маруся Острейко, староста зоны, умудряющаяся даже здесь поддерживать перекисеводородный цвет локонов, бегаёт по зоне в кокетливом меховом тулупчике и звонко кричит: «Женщины, давайте! Давайте, женщины!» Маруся — существо явно высшее, независимо от того, кем она была на воле.

Как ни странно, но и здесь сложилась категория номенклатурных работников. Те, кто уже побывал в нарядчиках, старостах, работниках КАВЕЧЕ, обычно снова попадают в придурки, даже если по какой-либо провинности и были временно сняты с должности.

Наш седьмой барак, где дневальной Марья Сергеевна, предназначен для лагерного третьего сословия. Не для придурков,

но и не для «работяг», не вылезавших с общих наружных работ. Здесь живут те, кто имеет уже определенную лагерную специальность и ценится на производстве. Тепличницы с агробазы, возчики и конюхи с конбазы, санитарки, медсестры, уборщицы.

Марья Сергеевна строго требует, чтобы каждая ежедневно приносила с работы хоть по маленькому полешку дров. Вот где хошь, там и бери! Хоть и трудно порой это полешко украсть и пронести под бушлатом через вахту, но все же требование справедливое.

Зато у нас в бараке всегда тепло. И есть котелки, — раздобыла Марья Сергеевна, — чтобы вечерами варить потихоньку от надзора удивительные кушанья из мороженого турнепса. И пайки с вечера аккуратно сложены на фанерном подносе и довесочки приколоты щепочками, а на горбушку соблюдается железная очередь. За ночь Марья Сергеевна встанет не раз, чтобы перевернуть сохнущую у железной печки обувь. Так что к утру у нас все сухое.

Хорошо у нас в бараке! Особенно по вечерам, когда так мирно пахнет вареным турнепсом, постирушкой, а иногда даже рыбьим жиром, который умудряются потаскивать работники больницы.

Но весь этот уют расположен на вершине дремлющего вулкана. Потому что существует УРЧ — главная исполнительная власть нашего фантастического государства. И в любой момент может хлопнуть барачная дверь, может войти нарядчик с длинными полосами бумаги в руках. Это списки этапов, составленные в УРЧе. Особенным э т а п н ы м голосом, беспощадным и заранее отвергающим все вопросы, он будет выкликать фамилии управляемых н а т о ч к и к о м а н д и р о в к и. И все будут сидеть на нарах, неподвижные как изваяния, а те, кто услышит свою фамилию, будут тихо охать и скрючиваться, точно в них попала пуля.

Многие считали, что потрясение от вызовов на этап ничуть не легче первого ареста. Даже, пожалуй, тяжелее. Там еще была надежда на ошибку, на недоразумение. А здесь недоразумений быть не может, потому что так решил сам УРЧ. Безошибочно и точно тебя выталкивают из закутка, где ты притаился в надежде, что тебя забудут. Нет, вспомнили. И вот выталкивают тебя снова в ледяную мглу.

Особенно болезненно воспринимали появление в бараках урчевских гонцов и приказных те заключенные, кто находился в Эльгене еще в тридцать седьмом-восьмом, пока мы, тюрзаки, сидели в ярославских одиночках.

— Хоть вы, тюрзаки, и считаетесь самыми-рассамыми опасными политическими преступниками, а ведь, пожалуй, главного-то ужаса вы и не видели, отсиделись от него в своей Ярославке, — говорят нам старые эльгеновские жительницы, обладательницы статьи КРТД — Соня Тучина, Маша Ионович, Люся Джапаридзе, дочь расстрелянного бакинского комиссара.

С их слов мы знаем, что означало появление в бараке гонца из УРЧа в тридцать седьмом, в разгар «гаранинщины». Особенно если гонец являлся к ночи.

— На Серпантинку! А оттуда еще никто не возвращался...

Полковник Гаранин, наместник Сталина на этой окоченевшей колымской земле, император и самодержец всеколымский в конце тридцатых годов. Полковник был всем сердцем предан интересам производства. Он так болел за план добычи золота, что не в силах был сдержать праведный гнев, если видел, что какой-нибудь враг народа, симулируя болезнь или слабость от голода, вяло управляется со своей тачкой. И так как полковник Гаранин был натурой порывистой и пылкой, то он нередко выхватывал свой револьвер и сражал симулянта наповал прямо в забое, у рабочего места.

Впрочем, чаще полковник проявлял похвальную выдержку и предварительно заносил фамилии саботажников в записную книжку. Уже потом, на другой день, он издавал приказ: таких-то и таких-то за контрреволюционный саботаж, выразившийся в систематическом невыполнении плана, — к высшей мере наказания.

Такие списки читались на разводах и поверках. Прочтут и добавят: приговор приведен в исполнение.

Иногда люди попадали в гаранинские списки и без личных столкновений с полковником, очевидно просто по характеру своих следственных дел. И снова в бараке появлялся гонец УРЧа, окруженный вохровцами и режимниками.

— Такая-то — с вещами! Еще такая-то — с вещами!

Люди вскакивали с нар и начинали судорожно, с маниакальной настойчивостью разыскивать свои мокрые портянки, сушившиеся у печки. Урчевцы торопили их, довольно прозрачно намекая, что портянки вряд ли понадобятся.

Среди имен невернувшихся мне особенно запомнилось имя старой коммунистки Нушик Заварьян. О ее поступке уже несколько лет передавали из уст в уста. Наша Марья Сергеевна рассказывала историю Нушик каждой новой квартирантке своего барака.

— Видно, надоело ей жить... Гордая была... Голод-холод терпела, а вот унижения-то ей обрыдли. Взяла да и написала начальнику Дальстроя заявление. До каких, мол, пор такой произвол и беззаконие! А самое интересное — это адрес. Как она свое заявление адресовала! «Генерал-губернатору Колымы от заключенного большевика-ленинца Нушик Заварьян»... Ну, и увезли на Серпантинку...

Отдельным счастливым из попавших в сферу гаранинского правосудия удавалось ограничиться новым сроком. Так и называлось — гаранинский срок. В нашем бараке, например, такой новый десятилетний срок вдобавок к старому получила Лиза Кешви, родственница Николаева, официального убийцы Кирова.

Мы, тюрзаки, прибывшие на Колыму в тридцать девятом, Гаранина уже не застали. Судьба его нам неизвестна. Но позднее мы узнали, что на Печоре существовал некто Кашкетин — двойник Гаранина по стилю и методам работы. Так что ясно: такие «превышающие власть» раздражительные, темпераментные полковники, помогающие сталинской юстиции справляться с огромными массами саботажников, не были чем-то исключительным, а составляли часть хорошо разработанного общего плана.

Теперь, после тридцать девятого, деятельность этих людей уже вроде бы отошла в прошлое. В наше время набеги из УРЧа могли означать всего-навсего отправку на такие работы, где почти невозможно выжить. А новые дела, с расстрелами в итоге, заводились теперь индивидуально, по сексотовским материалам, через оперуполномоченного.

Кроме того, теперь наряду с УРЧем нами усердно занималась и КАВЕЧЕ — культурно-воспитательная часть. Это уже само по себе было явлением прогрессивным, так как работа КАВЕЧЕ, очевидно, исходила из допущения, что оголтелые враги народа могут все-таки поддаваться благотворным воспитательным усилиям.

КАВЕЧЕ вывешивала плакаты и лозунги. В столовой: «Мойте руки перед едой!» и «Стланник предохраняет от цинги!» В лагерьном клубе: «Через самоотверженный труд вернемся в семью трудящихся». У ворот зоны: «Выполним и перевыполним производственный план совхоза за такой-то квартал!»

Политическое просвещение сводилось в основном к громкой читке газет полугодовой давности. Но у нас, в деткомбинате, заключенные врачи и медсестры допускались на политзанятия, которые проводила с вольняшками главный врач Евдокия Ивановна.

Врачом Евдокия Ивановна стала уже после сорока, начав с санитарки. Сейчас ей было за пятьдесят, но она все еще не переставала внутренне удивляться и своей прическе «перманент», и своему волшебному умению писать рецепты по-латыни. Безгранично преданная строю и фанатически верующая в марксизм-ленинизм, она без тени сомнения приняла на веру все, что ей говорили о террористах и диверсантах при ее оформлении на работу в системе Дальстроя. Однако крестьянское чувство реальности заставляло ее порой как-то пристально приглядываться к нам и даже пускаться в туманные рассуждения насчет коварных агентов международного империализма, сумевших обойти и втянуть в свои гнусные дела молодых и в общем-то вроде бы неплохих бабенок.

Исходя из этой своей теории, Евдокия Ивановна и предложила нашему КАВЕЧЕ допускать нас — заключенных работниц деткомбината — на ее политзанятия. Старательно подавляемое чувство человечности и сочувствия нам вылилось у нее в горячее желание перевоспитать нас, врагов народа, непостижимо оказывающихся

при повседневном общении добросовестными работниками и даже, черт возьми, славными людьми. Главврач твердо решила помочь нам вернуться в семью трудящихся. Именно для этого она и включилась в число добровольных активистов нашего КАВЕЧЕ.

Мои чувства к главврачу были совершенно такие же. Мне тоже ужасно хотелось заняться ее воспитанием. Потому что, несмотря на все ее пространные речи о величии Сталина и злодействах врагов, пробравшихся на командные посты в нашей партии, несмотря на весенний эпизод со щенятами, я чувствовала симпатию к этой типичной рабфаковке и женотделке, научившейся писать рецепты по-латыни. Почему-то мне казалось, что и мои когдатошние усилия вложены в дело превращения санитарки Дуси в главврача Евдокию Ивановну. Иногда я так ясно представляла себе эту Дусю преданно слушающей мою лекцию, сидя на первой скамейке большой рабфаковской аудитории.

Но поскольку мне, заключенной медсестре, вряд ли пришлось бы теперь заняться ее воспитанием, я охотно согласилась пойти послушать, как она будет перевоспитывать меня. Пусть в непосредственном человеческом общении начинает помаленьку мучиться: если, мол, это враги, то кто же тогда порядочные люди? Лиха беда — начало. Одним словом, я аккуратнейшим образом, даже после ночной смены, посещала политзанятия у Евдокии Ивановны, тем более что она все же давала хотя бы отрывочные сведения из недоступных нам свежих газет.

Отчетливо помню одно такое занятие. Мы изучали доклад Молотова. В докладе говорилось о прогрессивном значении гитлеровского режима для укрепления германской экономики. Ликвидирована безработица. Построены новые автострады. За восемь лет национал-социалистского руководства Германия из страны нищей, раздавленной Версальским договором, превратилась в одно из ведущих европейских государств.

Евдокия Ивановна немного понизила голос и конфиденциально посоветовала нам на данном этапе наших отношений с мощным соседом не употреблять термина «фашисты», а пользоваться выражением «немецкие национал-социалисты». При этом она хитро и добродушно подмигнула нам, давая понять, что такая форма учтивости приносит нам сейчас большие выгоды, о которых наивные гитлеровцы поди и не догадываются.

. . . Так и прошел этот год, самый, пожалуй, спокойный в моем лагерном существовании. В изнурительной, но все-таки выносимой работе. В вонючем волглом тепле нашего великолепного седьмого барака. В ночных страхах перед этапами. Под эгидой двух решающих сил: УРЧа и КАВЕЧЕ.

А время бежало все стремительней. Приближался июнь сорок первого.

ВОЙНА! ВОЙНА! ВОЙНА!

Весть о ней распространилась, как пожар в тайге.

— Немцы! Фашисты! Границу перешли . . .

— Отступают наши . . .

— Не может быть! Сколько лет твердили: «Своей земли ни пяди не отдадим!»

До утра не спят, гудят эльгенские бараки. Мы точно пробудились от нелепого мучительного сна. Нежданный удар как бы протрезвил нас, и мы оглядываемся вокруг с недоумением.

Почему мы здесь? Зачем с серьезным видом играем в эту дьявольскую игру? Повторяем на поверках: «Статья, срок» . . . Выстраиваемся в очередь, чтобы пройти через вахту? И как это случилось, что мы так измельчали? Так всерьез стали уставливать порядок получения пайки с горбушкой?

Нет, сейчас мы уже не пильщики, не возчики с конбазы, не няньки из деткомбината. С необычайной яркостью вдруг вспомнили «кто есть кто» . . . Спорим до хрипоты. Стараемся уловить перспективы. Не свои, а общие. Люди поруганные, истерзанные четырьмя годами страданий, мы вдруг осознаем себя гражданами своей страны. За нее, за нашу родину, дрожим мы сейчас, ее отвергнутые дети. Кое-кто уже раздобыл бумагу и огрызком карандаша выводит: «Прошу направить меня на самый опасный участок фронта. Являюсь членом Коммунистической партии с шестнадцатилетнего возраста . . .»

Точно и не лежит между нашими колымскими бараками и Землей Людей тринадцать тысяч километров и тонны злобы, клеветы, мучительства . . .

— Может быть, ОН опомнился? Ведь сказал «Братья и сестры» . . . Никогда раньше этого не было . . . Может, дрогнуло наконец сердце?

— Вряд ли ТАКОЕ сердце может дрогнуть . . . Но рассудок . . . Рассудок ему подскажет, что нет толку гнить в тюрьмах миллионы людей, готовых голыми руками на фашистов кинуться. Ведь в глубине души знает, кто мы . . .

В эти лихорадочные дни и ночи все больше всего завидовали Маше Миронович. Ее пятилетний срок кончался буквально на днях. И конечно же, Маша поспешит на фронт. Только тревожились, удастся ли ей добраться до своей охваченной пламенем Белоруссии.

— Пробьюсь . . . Я тамошня . . . Где лесом, где бережком . . .

Но однажды вечером, вернувшись с работы, мы застали Машу Миронович лежащей на верхних нарах. Глаза ее были воспалены и устремлены в одну точку. Марья Сергеевна, дневальная, делала всем отчаянные знаки: не выпрашивайте, молчите, пусть отойдет человек . . .

Потом мы узнали: Машу вызвали в УРЧ и дали ей расписаться

в том, что она оставлена в лагере до конца войны. Маша оказалась номером первым в списке нового лагерного сословия — так называемых пересидчиков. В течение ближайших шести лет число их все увеличивалось. Сначала они пересиживали свои сроки «До окончания войны», потом просто «До особого распоряжения».

А еще через день на разводе раздался властный голос начальника режима. Команда его на этот раз была не сразу понята нами.

— А ну, все, кто на БЕРГИ, на БУРГИ, на ШТЕЙНЫ всякие — влево давай! Которые вообще там разные Гин-ден-бур-ги или Дит-ген-штейны . . .

Организовывался немецкий барак с усиленным режимом. Началась паника. Начались, как всегда, курьезно-трагические недоразумения. Кричали на Аню Шолохову. Как она посмела укрыться под русской фамилией! Раз она фашистка! Какой там русский муж! Хорош русский — на фашистке женился!

Одна из блатнячек билась в истерике, клянясь, что фамилию Шифмахер она приобрела с последним украденным паспортом. Черт же его знал, что война начнется! Она и выговорить-то путем никогда эту фамилию не могла и всегда говорила просто Шахер-махер. А так-то, в натуре, у нее установочные данные — Карякина Ольга Васильевна. Только тот паспорт еще давно был похищен . . . Еще когда первый раз загремела . . . Чего ж вы меня, землячки, в фашистский барак толкаете?

Поскольку режимник сформулировал четко: «Все, кто на БЕРГИ и на БУРГИ», то я механически подпала под этот странный признак. Дежурный вохровец-казах, не шибко просвещенный «по-национальному», привязался вплотную:

— Давай, ГинзБУРГ (нешадно ударяя на криминальное окончание!), давай с вещой в немецкий барак!

Хорошо, что удалось убежать в УРЧ, уговорить инспекторшу «поднять дело», установить гражданство и национальность. Еле еле отбилась.

Первый раз в мировой истории оказалось выгодно быть еврейкой!

. . . Наш главврач Евдокия Ивановна, рискуя репутацией, умоляла УРЧ повременить хоть с недельку с нашим снятием с работы. Тщетно! Было уже ясно, что вопреки нашим розовым иллюзиям о всенародном (в том числе и нашем) единстве в защите родины, врагов народа не только не причисляли к народу, но наоборот — в военных условиях режим мест заключения резко ужесточался. Нам, по нашим статьям, полагалось работать только на общих подконвойных тяжелых наружных работах. Главврачу предлагалось обходиться услугами уголовных. Напрасно Евдокия Ивановна со слезами доказывала, что этих бандиток к детям нельзя подпускать на пушечный выстрел. Вольные? Да ведь всего три вольных медсестры на весь деткомбинат . . .

Но УРЧ твердо стоял на своем. Террористов, диверсантов, шпионов — под неусыпный конвой! Неужели главврач не понимает? Война ведь, война!

Прощай, деткомбинат, моя тихая заводь! Уже на третий день войны нас всех снимают «по статьям». Срочно, до оформления этапов на отдаленные лесные точки, из нас создают полевую бригаду. В производственном смысле она никому не нужна, и Полевой Стан не знает, чем занять нас. Но это неважно. Важна подконвойность. Бдительность конвоиров возросла на сто процентов. Нас непрерывно пересчитывают, переставляют «По пяти!», проверяют у с т а н о в о ч н ы е д а н н ы е. В промежутках мы что-то такое пропалываем или окучиваем под неистовыми тажежными лучами, отражая атаки комариных полчищ.

— Накомарники выдайте! Сил больше нет!

— Где их взять-то! Ничего, обойдетесь . . . Не до вас теперь . . . Сколь сейчас лучших людей каждый день ни за что пропадает, а уж вы-то . . .

И Федя-татарин, конвоир, раньше славившийся своим добродушием, смотрит на нас таким взглядом, точно это именно мы пустили гитлеровские шайки на поля Белоруссии.

Через несколько дней такой с позволения сказать работы на Полевом Стане наши руки и лица превращаются в сплошной расчес, в страшные опухоли, нагнаивающиеся от пыли, зудящие до того, что хочется выть вслух.

По ночам — обыск за обыском. Только успеешь сомкнуть воспаленные веки, как хлопает барачная дверь и врывается, заполняя собой все пространство, зычный голос Лидки-помстаросты.

— Встать! Строиться! — и уже потише, как бы с ремаркой «в сторону»: — Давайте, бабы, давайте быстро . . . Шмон, шмон, великий шмон . . .

Мы выстраиваемся шеренгой вдоль нар, а вохровцы и блатнячки из старостата бросаются на наши нары, нижние и верхние. Погром! Можно бы сказать — пух летит! Но пуха нет. Уже четыре года мы спим только на узлах и на соломе. Зато беспощадно изымаются так называемые л и ч н ы е в е щ и, и даже те, что официально получены в посылках. В помойку летят все изобретения нашего технического гения: самодельные котелки и сковородки. Еще чего выдумали — стряпать тут! До основания разрушается та кустарная оседлость, которую с такой неистребимой женской изобретательностью создала себе каждая на своих трех досках.

— Фотографические карточки? Запрещено! Вышивки на мешковине? Не разрешается! Собственная ложка? А откуда вы ее взяли? Нет тут у вас ничего собственного!

Так сталиваться в неразрешимом конфликте два встречных потока мыслей и чувств, два типа реакции на войну.

Мы готовы все забыть и простить перед лицом всенародного несчастья. Будем считать, что ничего несправедливого с нами не сделали. Только дайте нам хоть теперь не сидеть здесь

на потеху садистам, на ублажение параноиков. Пустите на фронт! Ведь война! Ведь фашисты!

Наши тюремщики: закрутить режим! На уничтожение! Какие сейчас могут быть церемонии с врагами народа! Ведь война! Ведь фашисты!

Тут действует, видимо, инерция клишированных формул, вбиваемых в головы с детства. «В ответ на вылазку того-то усилим то-то» или: «Никакой пощады врагам . . .» А каким врагам — потом выяснится . . . По непостижимой схоластической аргументации ненависть, адресованная гитлеровцам, проливается на нас. Ведь тех врагов, которые все глубже с каждым днем врезаются в просторы России, отсюда, с Колымы, не видать. А эти, замороженные «враги народа», под рукой. Раззудись же, плечо, размахнись, рука!

КАВЕЧЕ почти свернуло работу. Нам сейчас не передают писем из дома, не читают даже прошлогодних газет. Да, нам ничего не сообщают, но удивительно — откуда-то мы все равно узнаем о событиях. И самое страшное в нашей страшной жизни — это названия городов. Они поджидают нас в бараке, когда мы, полуживые, возвращаемся с Полевого Стана.

Смоленск, Минск. Киев. Господи, неужели Ростов? Не может быть! Но оно есть. Тоже безумие. Другой аспект безумия, которым так щедро одаряет нас этот выпавший на нашу долю век.

По ночам мы с Леной все-таки продолжаем читать друг другу стихи. Шепчемся на верхних нарах, хоть на нас и покрикивают. Теперь чаще всего повторяем Блока:

И век последний, ужасней всех
Увидим вы и я.
Все небо скроет черный грех,
На всех устах застынет смех . . .
Тоска небытия . . .

Блок предчувствовал. А нам выпало — увидеть.

Наряду с правдивой информацией, проникающей в лагерь неизвестно откуда, возникают и фантастические слухи-выдумки, так называемые «парашаи».

— Слыхали? Колыму продают Америке!

— С людьми или без людей?

Возможность торговли людьми — в частности, нами — никого не поражает.

— Хорошо бы с людьми!

— Бросьте чушь молоть!

— Почему чушь? Китайскую железную дорогу ведь продали . . . Без людей, правда.

И уже готов страстный спор между теми, кто мечтает о спасении любой ценой, и теми, кто, черт с ним, хоть подохнуть, да дома . . . Подытоживает голос скептика:

— Не спорьте! Разве непонятно: если бы такое и было, то перед такой акцией нас всех выведут в расход . . . Мы слишком много знаем, чтобы нас продавать за границу . . .

Кроме общего горя страны, которое мы, отверженные, переживаем еще острее, еще изумленнее, чем другие, у каждого теперь есть еще свой собственный ужас. Дети! Наши дети! Ведь в этой обстановке растопчут прежде всего их, наших сирот . . .

У многих семьи в тех городах, которые уже заняты фашистами. Пройдет некоторое время, и мы узнаем, что гитлеровцы расстреляли в Ростове четырнадцатилетнюю Ларочку, дочку нашей соседки по нарам. Фотографией этой удивительной красавицы мы всегда любовались, а когда мать читала нам вслух ее письма — заслушивались. Надо же, при такой наружности еще и душа такой редкостной красоты. Ларочку — полукровку, полуукраинку, полуврейку — расстреляли по доносу ее школьной подруги, ревновавшей Лару к однокласснику.

Теперь все чаще между названиями городов я слышу слово, которое откликается во мне самым кровным, самым раздирающим. Ленинград. Алеша. Первенец мой.

Нет, это мне не кажется задним числом. Я знала, что потеряю его. Никогда не говорила себе этого словами, но всегда ощущала безошибочностью инстинкта. Он был еще жив в эти первые месяцы войны, а я уже стыла от отчаяния и сверлила темноту ночного барака бессонными глазами. Не в силах была от этой угрозы пальцем пошевелить. Коченела, как мертвая. Знала.

Днем я стараюсь быть, что называется, разумной. Ведь нам всегда кажется, что разумно именно то, что заглушает единственно верный нутряной пророческий голос. Я выслушивала утешения товарищей. Конечно, он не успеет попасть на фронт. Ведь ему еще нет и шестнадцати. Война кончится. И от себя добавляла вслух, что мои ленинградские родственники, приютившие Алешу, хорошие, солидные люди. Они, конечно, сделают все, чтобы вовремя эвакуировать мальчика. Так говорила и старалась думать днем. Но по ночам твердо знала, что еще и эта главная казнь моей жизни уготована мне, и вот он настанет, час ее исполнения.

. . . Однажды мимо Полевого Стана, где мы что-то пропывали, прошла вольная медсестра из деткомбината. Эта Анечка — колымский вариант людоедки Элочки Щукиной — прибыла сюда за «длинным рублем», чтобы в дальнейшем посрамить своими туалетами если не дочку Вандербильда, то уж во всяком случае всех модниц своего родного города Бузулука.

В либеральные довоенные времена Анечка иногда приходила ко мне на мое ночное дежурство в изоляторе деткомбината и с пристрастием расспрашивала, как, мол, там, на курортах, ответственные дамы одевались-то? Поскольку сама Анечка дальше Бузулука нигде не бывала. При всем том Анечка была очень добра, чувствительна, легко плакала от жалости к больным детям и их злополучным матерям, совала кормящим «мамкам» куски

сахара и конфеты. Мне она всегда оказывала неоценимую услугу: переправляла мои письма к маме «через волю». (Мама была моим единственным адресатом. Детей, сестру я не хотела ком-прометировать «связью с репрессированной».)

Я оглянулась. Конвоир далеко. Бросилась к Ане.

— Анечка, родная! Дайте маме телеграмму! Ведь она там сейчас умирает от тревоги. И спросите ее, где Алеша. Анечка!

— Что вы! — Жест древнеримской матроны. Возмущенное подрагивание мочальных крашенных кудряшек. — Что же я не-советский человек, что ли! Такая война, а я буду врагам народа помогать . . .

Но пройдя мимо меня всего несколько шагов, Аня вдруг оборачивается, возвращается ко мне и . . . Простецкая бузулук-ская деваха берет-таки верх над римлянкой, только что получившей на занятиях по политграмоте урок высоких гражданских добродетелей.

— Не плачьте! Пошлю! Адрес помню. Беда мне с вами . . . Сам черт не разберет, кто тут плохой, кто хороший . . .

. . . У вахты, на разводе, блатнячка Лелька, которую толкнул и, не рассчитав удара, сбил с ног молодой здоровенный конвоир, закричала, истерически взвизгивая на верхних нотах:

— Служишь Советскому Союзу, падла? Там люди кровь проливают, а ты тут баб лупишь да бабьи подолы стережешь, вояка! Ишь ряшку-то отъел, падлы кусок!

Лельку тут же утащили в карцер. Но конвоир просто дрожал от оскорбления. Лицо его пошло пятнами. Он даже испытывал потребность оправдаться перед такими никчемными свидетелями этой сцены, как мы.

— Подтянись, говорю! — зверским голосом вопил он, шагая вдоль нашего строя. — Подтянись, говорю, бес вас навязал на мою шею. Сдались вы мне, чтобы я стерег вас, выродков! Сто разов просились на фронт, так ведь не пускают!

Приблизилась осень, начинался сезон лесоповала. Если до войны при отборе на эту тяжелую работу еще могла играть какую-то роль лагерная медицина, спасавшая иногда самых ослабленных, цинготных, то теперь забирали поголовно всех, только «по статьям».

Мне выпала на этот раз отдаленная таежная точка Сударь. Говорили, что там валят не обычный лес, а строевой. Рассказывали, что там у женщин из прежних этапов от непосильных подъемов тяжестей выпадение матки стало самой повседневной болезнью, вроде легкого гриппа. Но был среди этих толков и один хороший слух: командиром ВОХРы туда назначен Артемов, добрый человек.

— Это вохровец-то добрый?

— А что, не бывает разве?

Но споры теперь увядали, не разгоревшись. Не седьмой вагон. Уже нет сил языком шевелить. Помалкиваем. Бредем своим

строем загробных теней именно так, как я сочиняла в своих стихах о Колыме:

И я бреду в толпе других невольниц,
Как персонаж с картины Кете Кольвиц,
Сутулая спина и мертвый взор . . .

Глава четырнадцатая

СОРОК ДЕВЯТЬ ПО ЦЕЛЬСИУ

Сорок девять — это самое худшее, что только может быть. Потому что только начиная с пятидесяти вводится в действие официальный гуманизм санчасти. Пятьдесят градусов мороза — это уже активированный день, на работу в лес идти не надо. Но попробуй добиться у вохровца по прозвищу Веснушчатый признания того, что да, это именно пятьдесят, а не сорок девять!

Градусник висит на черной бревенчатой стене вохровского барака. Он кажется анахронизмом. Как будто общая мировая катастрофа уже произошла, а на земле — снова первобытной, изначальной — случайно уцелел этот обломок погибшей цивилизации.

— Ну посмотрите! Вот с этой стороны взгляните! Ясно видно — пятьдесят, — говорю я, поднося спичку к мерцающему ртутному столбику. Веснушчатый, хрустя новым белым дубленным полушубком, подходит ближе, высекая огонь из зажигалки.

— Аккурат сорок девять!

Ноябрь. Декабрь. Январь. Февраль . . . Ежедневно жизнь начинается для меня именно с этого диспута: сорок девять или пятьдесят? А пайки все меньше и меньше. Уже по первой категории, по самой высокой лесоповальной выработке, четыреста граммов. А кто ее выработать может, первую-то категорию? Еле на ногах стоим.

Мороз и голод. Голод и мороз. Пожалуй, это была самая черная, самая смертная, самая чумная из всех моих лагерных зим.

А ведь мне еще сравнительно с другими здорово повезло. При отправке нашего сударского этапа из центральной эльгенской зоны, уже в самый последний момент, когда Марья Сергеевна со слезами провожала нас, прибежала Лидка-помстаросты и передала мне от УРЧа, что я там буду только на половинной норме. Дров напилить только полдня, да и то для отопления барачков, помещения охраны, кухни и амбулатории. А вторую половину дня — лечить. Поскольку больше никаких медперсон среди нас нет, а я за год работы в деткомбинате с врачами уже наверняка выучилась на лекпома. Вот и пусть по вечерам больных принимает. Да пусть спасибо скажут, поскольку она тюрзак, а время военное, кантоваться да расслаживаться в амбулаториях не приходится.

Вот почему я и допущена к ежедневному препирательству с Веснушчатым. Акт о невыводе зэка на работу по случаю активированного дня должен быть подписан вохрой, бригадиром и представителем медицины. А погодой в нашей усиленной вохре, состоящей из семи солдат, ведает как раз Веснушчатый. Командир наш (его мы называем настоящей фамилией — Артемов, потому что он действительно добрый парень) сам знает, что для такого дела он малость мягковат. Вот и назначил Веснушчатого. А уж тот признает пятьдесят не раньше, чем увидит минимум пятьдесят три.

Сударь в восемнадцати километрах от эльгенской центральной зоны. И он сказочно красив, этот уголок девственной тайги. Величественный строевой лес, устремляющий кроны прямо к звездам. Таежная река, своевольно опрокинувшаяся против высокого неба, сильная даже под сковавшим ее льдом. Сопки как изваянные. По ночам небо пламенеет созвездиями, какими-то нестерпимо древними, переносящими в начало начал.

И главное — он полон топлива и пищи, наш Сударь, где мы умираем от голода и холода, где мы подыхаем, доходим, догораем, доплываем, дубаря даем . . . То и дело мимо нас пробегают, переваливаясь, ослепительно белые куропатки, с деревьев доносится уханье глухарей. Река полна рыбы местных пород: хариусы, каталки, даже омули. Стоят в снежном убранстве непроходимые заросли смородиновых и малиновых кустов, кедровых орешков. Если бы уметь, если бы сметь принять ту пищу, что предлагает тайга.

Но мы не умеем и не смеем. Даже вохровцам недосуг заняться охотой или рыбной ловлей. У них дел по горло. Им надо гонять, таскать, пересчитывать, отчитываться, бояться приездов начальства. Да и как не бояться! Ведь не угадаешь! Если застанут тепло натопленные бараки, а в них жилые съедобные запахи, — могут скривить губы и зловеще бросить: «Уютно устроились! На фронтах лучшие люди гибнут, а тут . . . курорт!» Но с другой стороны, не исключено, что, застав ледяные оползни в углах барakov, несколько человек больших доходяг, стонущих на нарах под грудой лохмотьев, могут вдруг заорать совсем в другом ключе: «Как мухи мрут тут у вас! Архив «А» разводите! Интересно, кто план выполнять будет, если все передохнут! Пушкин?» И тут же опять-таки помянут тех лучших людей, гибнущих на фронтах, теперь уже с явным намеком на тех, «кто окопался тут баб сторожить», отсиживаться от войны в теплых вохровских бараках . . .

Впрочем, о бараках здесь можно говорить лишь очень условно. Только вохровская хата еще на что-то похожа. А наше жилье — это две хижины, обросшие льдом, засыпанные снегом, покосившиеся, с дырами в потолке. Каждый день затыкаем эти дыры заново лохмотьями от старых писаных бушлатов. Трясущаяся от всякого порыва ветра хавирка — это кухня. Что касается «амбулатории», то она прилепилась сбоку к бревен-

чато му вохровскому домишке, тоже основательно продувному. Вот и вся сударская командировка, становище печенегов . . .

В амбулатории я провожу только три вечерних часа, когда работяги возвращаются из леса. Смазываю йодом ссадины, выдаю аспирин «от головы» и салол — «от живота», накладываю ихтиоловые повязки на фурункулы и повязки с рыбьим жиром на отмороженные места. Кроме того, выдаю по ложке рыбьего жира внутрь. Выдаю из собственных рук, вливаю собственноручно в благоговейно раскрытые рты. Я священнодействую, замирая от страха — не пролить бы хоть каплю вожделенной жидкости, в которой материализованы все наши надежды на жизнь.

Эта процедура — источник нескончаемых сомнений и мучительных раздумий для меня. Дело в том, что рыбий жир выдается только на «резко ослабленных», примерно на половину состава. Но как отобрать? Как будто здесь есть не резко ослабленные! И я решаю этот вопрос вопреки партийным установкам о недопустимости уравниловки. Пусть по неполной ложке, но всем! На сколько уж хватит. А там . . . Загадывать даже на день вперед нам не приходится.

Этим моя медицинская практика исчерпывается. А весь день, с шести утра, я работаю пильщиком. На свежем воздухе при температуре по Цельсию и по Веснушчатому — сорок девять. Пилю, пилю, пилю . . . Даже во сне передо мной продолжают мелькать баланы, толстые и тонкие, тяжеленные и полегче, сучковатые и гладкие. Дров надо много. Особенно для вохры. Они тепло любят.

Но разве можно сравнить мою пилку с той, что в тайге! Во-первых, у меня козлы, крепко придерживающие балан. Во-вторых, мне только распиливать, не валить с корня, не складывать штабелями. А главное — у меня жилье рядом. В любой момент могу зайти в барак и погреться не у костра, клубящегося черным смолистым дымом, а у железной печки.

Да, я привилегированный человек. Он действительно спас меня, милый доктор Петухов, сделав м е д п е р с о н о й. Дай ему бог забыть, что есть на свете Колыма!

Тем острее ощущение моральной ответственности, долга перед моими товарищами, которые в данный момент несчастнее меня. До спазм в глотке сражаюсь с Веснушчатым за активровку дней.

— Пятьдесят!

— Аккурат сорок девять!

— Пятьдесят! Буду жаловаться в санчасть . . .

— Хо-хо . . . Напужала! Вот подам рапорт, так сама на общие загремишь.

На освобождение работяг от работы по болезни лекпому с пущ е н а строгая норма. Ко мне уже дважды приезжал с инспекцией начальник санчасти Кучеренко, и между нами происходили удивительные диалоги.

— Который лекпом превышает норму бюллетеней, тот недолго прокантуется в санчасти, — многозначительно говорит Кучеренко, поднимая на меня свои тяжелые, обожженные морозом веки. — Сейчас «Все для фронта» — л о з у н г (с ударением на У.)

— А от полумертвых людей какая фронту польза, гражданин начальник? Только архив «А» разводить. А за него ведь тоже не похвалят.

— Гм... А диагноз зачем всем пишете «алиментарная дистрофия»? Или других болезней у вас тут нет?

— А я вообще мало диагнозов знаю, гражданин начальник, — с подкупающей доверительностью отвечаю я, — по-моему, это все от голода. Ну, а по-латыни это называется алиментарная дистрофия.

Странно, но это так и было. Других болезней почти не наблюдалось. Ни воспалений легких, ни острых бронхитов, ни гриппов, казалось бы таких естественных при двенадцатичасовом рабочем дне на морозе. Никаких тифов... Только фурункулы и трофические язвы. Только шатающаяся, почти без центра тяжести, походка. Только воспаление десен и зубы, которые можно вынимать изо рта просто пальцами.

И я действую примитивно, исходя все из той же уравниловки. Нам она сейчас больше всего подходит. В порядке очереди — и все тут. Каждый вечер, после отбоя, я захожу в барак и, соблюдая строгий порядок и последовательность, наклоняюсь то к одной, то к другой скрючившейся на нарах фигуре.

— Надя, завтра вы не работаете. Вы завтра больны. И вы, Катя, тоже.

Потом несую бумажку со списком освобожденных от работы на завтра в вохру, к командиру Артемову. Он, оглянувшись на своих служак, притворно строго покашливает.

— Многовато что-то освобожденных-то...

Потом набрасывает на плечи полушубок и так же строго добавляет:

— Пройдемте по баракам. Санитарное состояние проверим...

Мы выходим с ним из духоты их жилья, провонявшего махоркой, овчиной, грубым жирным варевом. Мы выходим под волшебный звездопад зимней таежной ночи. В целомудренную белизну ее снегов. Идем тихонечко по дорожке, протоптанной от вохровского домика к баракам работяг. И начинается разговор, в котором только обращения «командир» и «лекпом» напоминают о том, где мы находимся.

— Беда, лекпом! Под Москвой ведь Гитлер-то!

— Но не пройдет ведь, а? Скажите, командир, не пройдет?

— А бес его знает! Не должны бы вроде пустить... А вот проснусь среди ночи — да так и захохоту весь. Мыслимо ли? Ведь двадцать пять лет советской власти... Как думаешь, лекпом, союзникам-то доверять можно?

Его тревога, смятение, боль рвутся наружу, и нет им выхода в обществе Веснушчатого или вечно гогочущего Монгола. И происходит неслыханное, подрывающее все основы: делится он своей неизбывной тревогой с женщиной из загадочного племени «врагов народа». В великом своем страхе за страну, перед угрозой крушения незыблемого, он, простой, умный и добрый человек, доверяет теперь своей интуиции больше, чем казенным инструкциям.

Мы тихонько шагаем по узкой тропке между высоких ослепительных сугробов и вдруг замечаем, что небо над нами пылает.

— Смотрите! Северное сияние!

Оно оказалось совсем некрасивым жидким красноватым заревом. А на фоне его — сполохи, сполохи, беспорядочно пульсирующие огни.

Перед тем как зайти в барак и натянуть на лицо непроницаемую маску, командир вохры Артемов задумчиво резюмирует;

— Я так думаю: кто эту зиму перезимует — хоть здесь, хоть там, под Москвой, — тот уж жив останется. Верно?

Не знаю. Сама каждый день консультируюсь на эту тему — можно ли пережить такую зиму — с настоящим квалифицированным врачом, с Ольгой Степановной Семеняк. Она недавно этапирована сюда, к нам, на общие работы. Сурово покарала ее начальник ОЛП Циммерман. За то, что, являясь врачом центральной эльгенской зоны, Ольга Степановна тайком посещала молитвенные собрания религиозниц в лагерной кипятилке. Это были сектанты, адвентистки седьмого дня.

Ассистент Харьковского мединститута, Ольга Степановна в практической лагерной жизни — дитя малое. Ей и десятой доли сударской лесоповальной нормы не выполнить. А это — голодная смерть. Спасаем ее все вместе, как можем. Крохами хлеба, частыми «бюллетенями».

— Ну как, Ольга Степановна? Выживем?

— Гм . . . Вообще-то . . . Трофическое голодание . . . Расстройство всех функций . . . Глубокое нарушение белкового обмена . . .

— А все равно не похожи на умирающих. Послушайте, как разговаривают, как мыслят . . .

Ольга Степановна в ответ цитирует библейское — о немощной плоти и бодром духе. Да, как это ни странно, но дух если не бодр, то во всяком случае деятелен. Вопреки разрушению организма, внутренняя жизнь шла активно. Писали интересные содержательные письма домой, пряча их под соломенные матрацы до лучших времен, когда представится возможность отослать не через лагерь. Жадно ловили обрывки вестей с фронтов, дохнувшие через вольных — бывших эзков — трелевщиков леса и возчиков. Читали наизусть и даже сочиняли стихи. Шутили!

— Девочки! Загадка! Чем отличается от всех нас Катя Курхарская? Не знаете? Ну присмотритесь внимательней! Мы все похожи на русских нищих, на калик переходящих, а Катя — на

чехословацкого нищего. (У Кати была какая-то фантастическая душегрейка-жилеточка, придававшая ей, видите ли, «западно-европейский вид».)

... Голод. Хлебная пайка с каждой неделей становится миниатюрнее и соблазнительней. Если оставить половинку на утро (а пайки выдают вечером), то не заснешь всю ночь. Не даст она заснуть, будет жечь тебя из-под соломенной подушки. Точно на динамите лежишь. Все будешь ждать — скорей бы утро, чтобы уже можно было ее съесть. А если съесть всю с вечера, то как утром, голодная, дотащишься до своей пилы?

Некоторые из нас как-то приноровились к постоянному голоду. Точно ссохлись. Другие переносят более мучительно, находя разрядку в страстных скандалах по поводу «неправильного веса пайки», а то и в судорожных попытках найти нечто съестное на стороне.

Иногда происходило страшное. Помню один непроходимо темный беззвездный вечер. Вдруг рывком открылась дверь «амбулатории» и ввалилась, упав сразу на деревянный топчан, женщина с потемневшим искаженным лицом. Я еле узнала ее. Одна из наших. В руках у нее было чудо — буханка черного хлеба. Она с размаху бросила ее на сбитый из трех досок стол.

— Ешь! Не могу я... Хоть ты наешься один раз досыта!

— Откуда? Что с тобой? — спрашивала я, уже догадываясь о чем-то непоправимом.

Долгие сотрясающие рыдания. Потом истерический хохот.

— Ах, вот беда с интеллигентщиной-то, вот беда! Ведь и трагедии-то никакой нет, верно? Другие ведь так зарабатывают свой хлеб. Ну и я з а р а б о т а л а... Чем? А тем, чем тысячи других женщин зарабатывают, когда ничем другим нельзя. В общем шел мужик тайгой. А я одна пилила, напарница больна, ты знаешь. И конвой как раз далеко был. Какой мужик-то? Не знаю, не заметила. Я все на хлеб смотрела. Он вынул из мешка и показал мне. На снег прямо положил буханку. Глаз отвести не могла. А теперь вот почему-то не могу есть.

Я вливаю ей в рот огромную дозу брома. Глажу ее по голове. А сказать ничего не могу, точно онемела. Вспоминаю ее в этапе, в седьмом вагоне. Веселая была, кудрявая, все радовалась, что успела до ареста кандидатскую защитить.

Обнимаю ее за плечи и веду в барак. Надо уложить ее поскорее, пусть забудется. После истерического взрыва она ослабела, еле бредет. Тропинка от амбулатории к бараку очень узенькая. А по бокам, как стены, синие окаменевшие снега. Мы скользим, сбиваемся с шага.

Тучи над нашими головами вдруг расступаются, и мы видим далеко в вышине оконевшие, продрогшие звезды. Звезды Сударя.

Мороз... Сорок девять по Цельсию...

К СВЕТУ ВО ТЬМЕ

На лесных командировках кроме повара, завхоза, дневальной и лекпома было еще одно влиятельное лицо. Очень привилегированное. Инструментальщик!

Обычно он жил в отдельной хавирке, где всегда гудела раскаленная докрасна печурка. Работал инструментальщик без нормы, по мере надобности, а в основном по своему усмотрению. Получал добавки на кухне.

Как правило, инструментальщики вербовались из инвалидов, из людей, уже отработанных и выплюнутых прииском. Все они бывали радехоньки теплому местечку. Иные отъедались около поварих настолько, что начинали даже брать взятки у работяг. Ведь от остроты пилы, от правильности ее «развода» в значительной мере зависело выполнение лесоповальной нормы.

Наш сударский инструментальщик Егор или, как сам он прозвонился, Ёгор, был исключением и вел себя нетипично. Место свое он ненавидел, поскольку попал сюда как штрафник. Его засекли на вахте центральной эльгенской зоны с ведерком кислой капусты, украденной кем-то из заключенных на совхозном квашпункте. Ёгор, как лицо бесконвойное, имевшее «свободное хождение через вахту», взялся пронести ценный груз.

Как на грех, дежурил в тот день красавчик Демьяненко, рослый румяный хохотун, самый ушлый из всей эльгенской вохры.

— А шо это у тебя пузо дуже справное при такой тощей личности? — заинтересовался он, высовываясь из своего окошечка в проходной. — А ну, распахни бушлат! Швыдко!

В тот же вечер на проверке был зачитан приказ о водворении Ёгора на пять суток в карцер без вывода на работу и с последующей отправкой его на Сударь.

На общих работах Ёгор выдюжить не мог, так как от правой ступни у него осталась только небольшая культяпка, а пальцы левой — гнили, разлагались и издавали трупный запах, всегда сопровождавший появление Ёгора. Так он стал инструментальщиком режимной тюрзаковской голодной командировки на Сударе.

Все это происшествие повергло Ёгора прямо-таки в безысходное отчаяние. Уж больно с большой высоты он упал! Ведь в центральной эльгенской зоне он был не кем-нибудь, а мотильщиком.

Каждый вечер, приходя ко мне в амбулаторию на перевязку ноги, он живописал сказочные картины своей привольной жизни в этой бесконвойной должности! Шутка ли! Свободный выход через вахту в любое время! Пойдешь в поселок, дровишек хозяйкам напилишь, расколешь — хлеба вынесут. Которые бабенки так даже в избу запушали, щей миску ставили. Да и в зоне... Придешь, бывало, к Поле-поварихе — нальет

полнехоньку кружку дрожжей. Да и каши всегда от пуза. В бараке obsługi жил. А работенка, что ж... Непыльная... Сильно-то не надрывались.

Чтобы утешить его, начинаю возражать: дескать, покойников у нас много, а могильщиков всего трое, да и земля-то ведь — вечная мерзлота, покопай-ка такую...

Ёгор хитро ухмыляется и подмигивает. В каждом деле ведь сноровка нужна. Оказывается, туфта царит даже в таком деликатном вопросе, как погребение усопших эзков. Зима-то ведь чуть не круглый год, снегу хватает. Зароют в снежок поглубже, не докапываясь до окаменелой землицы, а весной, как растает, тут и всплывут с полыми водами покойнички, царство им небесное. Заразы от них никакой, потому почитай одни косточки, просто сказать — чистые мощи.

— И не стыдно тебе, Ёгор? — огорченно говорю я, снимая пинцетом зловонную марлевую салфетку с его отмороженных гангренозных пальцев, — вот так стараешься, лечишь тебя, а умри — так в снег зароешь. И поплыву весной мертвая... «И мертвец вниз поплыл снова за могилой и крестом»...

— Что ты, Евгенья Семеновна! — дрогнувшим голосом восклицает разжалованный могильщик. — Да неужто уж мы вовсе без совести, чтобы лекпома своего не закопать... Уж кого-кого, а лекпома... Зароем за милую душу, прямо в землю, будь в полной надёже...

Он доверчиво и бесхитростно смотрит на меня своими очень светлыми северными глазами без ресниц. Хмурит белесые брови. Вспомнил, что ведь он уже в отставке, что лишен своих высоких похоронных полномочий. Тяжко вздыхает.

— Не тужи, земляк! Понадобится им опытный могильщик — возьмут обратно...

А он и впрямь почти земляк мой.

— Татарской мы республики. Но сами-то православные. По-старому писали — Казанской губернии, Елабужского уезда.

Статья у Ёгора — пятьдесят восемь-два, вооруженное восстание. Специально колхозная. О своем аресте Ёгор говорит спокойно, эпически, как о пожаре или эпидемии. Обижается только на неправильную разверстку арестов по селам.

— Сколько (ударяет на последнее О) у нас дворов-от, а сколько в Козловке! Почти втрое у их супротив нашего, а народу забрали, вишь ты, поровну. Это рази дело?

Похоже, что снятие с поста лагерного могильщика он переносит тяжелей, чем самый арест и приговор. Я узнаю все новые и новые подробности о его райской жизни в центральной зоне.

— Бывало-ча идешь с работы, так сам нарядчик с тобой здоровствуется, не то что... Я ему: здравствуйте, мол, Сергей Ваныч! А он мне обратно: здорово, Ёгор! Ну как она, жисть? Норму-то на покойников выполняешь ли?... Смеется... И надо же мне было с той капустой связаться! Этакая через нее беда в дому...

Чтобы отвлечь Ёгора, задаю ему разные вопросы.

— Где это ты, Егор Петрович, ноги-то отморозил? В этапе, что ли?

— Не, не в этапе, — спокойно отвечает Егор. — А это когда я в первый раз помер . . .

Дело было на прииске «Золотистый». Лежал Егор в лагерной больнице. Вот как-то утром пошел фершал с обходом и видит — кончился Егор, дуба, стало быть, врезал. Ну и велел санитарам в морг снести. Это, конечно, сам-то Егор ничего не помнит, а уж опосля ребята сказывали. А сам-то он очухался вот от этой самой ноги, что сейчас оттяпана. Закряхтел от боли. Как огнем жгло. Ну и оклемался, стало быть, опомнился. Выходит, живей еще?

Сторож в морге услышал — как заверещит по-дурному. Из турков был сторож Чулюмбей какой-то, не то Кулюмбей . . . С ума с тех пор струнулся. Страшно, конечно. Знает человек, что сам штабелем сложил с вечера мертвяков-то, а тут вдруг покойник с самого споднизу и голос подает. И заорал тут Чулюмбей этот, турок, стало быть, и до того доорался, что вохра услышала, набежала.

Поскидали с Егора мертвяков-то. Телогрейку ему кинули. И давай на него ругаться. Чего, дескать, в морг забрался, коли живой? А он что? Он ведь не придуривался. При чем тут Егор, ежели фершал обмишулился? Обошлось, однако. Ругать ругали, а бить не стали и в кандей не посадили, нет. В барак отправили.

Егор очень тяжело переносил голод. Истощен был до крайности. Даже на благословенной должности могильщика он не смог добиться того, чтобы угловатые тяжелые кости его крупного тела хоть немного обросли мяском. Разрушения, произведенные тремя годами прииска «Золотистый», были необратимы.

Психологический голод мучил его еще сильнее, чем физический. Он постоянно думал и почти всегда говорил о еде. Только страдания, причиняемые ему гангреной, заставляли его временами отвлекаться от этих мыслей.

Ежедневные встречи, связанные с перевязками, сблизили нас. Ложка рыбьего жира, которую я каждый вечер вливала ему в рот (он сам боялся взять ложку в руки. Расплещешь еще, оборони бог, трястись чего-то стали руки-то . . .), вносила оттенок материнства в мое отношение к нему, хоть и был он лет на десять старше.

. . . Декабрь катился к середине. Близился конец девятьсот проклятого — сорок первого. Как-то мимоходом сказала я Егору, что вот, мол, двадцатого декабря — день моего рождения. Вспомнят ли кто меня в этот день? Есть ли еще на свете кому вспомнать? По лицу Егора пробежала тень внезапной мысли. В ближайшие дни с ним что-то стряслось, что-то вывело его из круга обычных идей. Теперь он не засиживался в амбулатории после перевязки, был чем-то озабочен, а раза два произнес даже слово «некогда», немислимое в его устах.

Двадцатого декабря он долго не являлся на перевязку.

Я уже составила на полочку все свое оборудование и собиралась идти в барак, как вдруг привычный запах распада сигнализировал появление Ёгора. В руках он держал большой закоптелый котелок, из которого легкой струйкой поднимался теплый пар. Лицо Ёгора было благостным, просветленным.

— Вот, Евгенья Семеновна, — сказал он торжественно, ставя котелок прямо на амбулаторный топчан, — стало быть, я тебя поздравляю с ангелом, желаю доброго здоровья, а в делах рук ваших скорого и счастливого успеха . . . А еще сынов твоих повидать тебе . . . А вот, стало быть, и подарок от нас.

В котелке был овсяный кисель. Это кулинарное изделие сопровождало нас в совхозе Эльген в наиболее счастливые минуты бытия. Рецепт его изготовления был известен здесь еще задолго до нашего приезда. Он был очень сложен. Овес, которым кормят лошадей, должен был пройти ряд замысловатых химических превращений, прежде чем стать киселем. Овес замачивали, отжимали, растирали, ждали, пока начнется брожение, заквашивали, варили . . . Наградой всех этих трудов был густой, сытный, красивого светло-кофейного цвета студень. Все мы единогласно утверждали, что вкус его напоминает миндальное печенье. Но откуда здесь, на Сударе, эта немыслимая роскошь?

Оказывается, маленький мешочек с овсом, украденным на эльгенской конбазе еще в славную эпоху погребальных трудов, Ёгор сумел-таки спроворить при сборе в этап. Ладно, что не Демьяненко на вахте был. Тот бы беспременно надыбал. Ну, а Луговской, тот, известно, скушно работает, без старанья, ему лишь бы день прошел. А вот овес как раз, гляди, и сгодился на именины лекпому. Вместо пирога, стало быть.

Глаза Ёгора блестели. От них шло светло-голубое сияние. Руки тряслись от волнения сильнее обычного. Он желал, чтобы я съела кисель тут же, при нем. А он посидит, порадуется . . .

— Вот спасибо-то, Ёгор Петрович! Давай вместе, держи ложку!

Но он с негодованием отверг предложение. Сказал только «нет», но было ясно, что за этим скрывается. Я поняла. Он израсходовал свой последний продовольственный запас, три дня трудился над сложной технологией превращения овса в это бархатистое, дышащее теплом варево — и все разве для того, чтобы съесть самому? Нет. Этот елабужский мужик, о приближении которого узнавали по запаху тления, идущему от его «здоровой», еще не ампутированной ноги, — он хотел дать радость другому обездоленному человеку.

Я больше не возражала. Я глотала овсяный кисель, зачерпывая его кривой оловянной ложкой, пропахшей рыбьим жиром, а он смотрел на меня глазами, в которых светились доброта и счастье. Да, он счастлив был в эти минуты, лагерный могильщик Ёгор, у которого впереди были четыре последовательные ампутации (по кусочкам) обеих ног и смерть в том участке преисподней, который именуется «инвалидная командировка».

Продолжение следует

НЕБОСКЛОН МОЙ СВЕТОЗАРНЫЙ

Перевел Александр ЧЕРЕВЧЕНКО

СЛОВА

Это не камни на отчем поле —
Это слова, что в гранит зажаты,
Предков моих затаенные боли,
Окаменевшие грома раскаты.

Мчатся в Даугаву воды вешние —
Это не воды — наждак расплавленный.
Правь, наждак, оттачивай речь мою —
Полузатопленные скалы Плявини!

То не руины старого замка —
Стыд униженья, гримаса гнева,
Ханжества каменная изнанка,
Ставшие прахом ступени в небо.

Это не просто памятник павшим —
Долг, что высечен из порфира,
Вечно живущий в сознание наше
Эхом войн и тревогой мира.

Царство камней принимай в наследство —
Сердце твое из той же породы.
Сбрось, поэт, мишуру лицедейства
И высекай письмена свободы!

Копий кремь и утес отвесный,
Мрамор и туф уничтожит пламя.
Станут твоей лебединой песней
Камни. И ты превратишься в камень.

СЫПЛЕТСЯ С ЯБЛОНИ БЕЛАЯ ЦВЕТЬ

Матери

Зорька пастушья. Туман на лугах.
Холод росы на коровьих рогах.
Петь начинаешь — души не хватает:
С яблони белая цветь облетает...

Арвид СКАЛБЕ — латвийский поэт, заслуженный деятель культуры Латвийской ССР, лауреат Государственной премии Латвийской ССР — родился в 1922 г. в г. Абрене. По образованию педагог. Более 35 лет работает в журнале «Карогс». Среди изданных книг — сборники стихов: «Журавли прилетают» [1956], «Дикая яблоня» [1959], «Закалка» [1963], «Осколки» [1967], «Звенящий день» [1970], «Серебристая отцовская тропа» [1972], «Вечно солнцу на небе» [1981], «Одинокие слова» [1983], «Зоренька» [1985]; сборники афоризмов «Поскребыши» [1977].

Переводил стихи Гете, Гейне, Пушкина, Тютчева, Лермонтова.

Произведения А. Скалбе переводились на английский, немецкий, украинский, белорусский, литовский, эстонский и другие языки народов СССР и зарубежных стран. В переводе на русский язык выходили сборники стихов А. Скалбе: «Горение» [1960], «Дни» [1968].

Стихи данной подборки войдут в новую книгу А. Скалбе, которая готовится к выпуску в издательстве «Советский писатель».

К горлу подкатится горечи ком.
К завтраку вновь не зовут тебя в дом —
Песенка слезы сдержат помогает:
С яблони белая цвет облетает . . .

Стукнул ли дятел по звонкой сосне,
Голос ли милый позвал в тишине, —
Эхо в чащобе лесной затихает:
С яблони белая цвет облетает . . .

Той, кому с песенкой этой вчера
Было светлей коротать вечера,
Нынче поешь ты, и тьма повторяет:
С яблони белая цвет облетает . . .

Зорька пастушья давно расцвела,
Солнечный день не жалеет тепла.
Так почему тебе грусть навевает:
С яблони белая цвет облетает? . .

Мне постоять бы в саду над рекой,
К яблони старой прижаться щекой.
Сердце мое, постарайся допеть:
Сыплется с яблони белая цвет . . .

РАСПЛАТА

Я пожинаю собственный посев,
Не предавал, не убивал, не крал,
И не пойму, за что господний гнев
Меня немилосердно покарал.

Выходит так, что некий смертный грех
Был до рожденья мною совершен.
И вот теперь я, грешный, как на смех,
на муки долголетия осужден.

Постылых дней глупейший карнавал,
Пустых недель нелепый хоровод,
Проходят годы, черт бы их побрал,
Но он-то их как раз и не берет!

Ни звезд, ни солнца в сумраке небес,
Мне редкий луч протянет острие.
Гордится долголетием глупец,
А это ведь проклятие мое.

И долгий век живу среди могил,
В своей унылой зависти смешон —
Ко всем, кто здесь безвременно почил,
И даже к тем, кто вовсе не рожден.

* * *

Ты писать о судьбе научился неплохо,
Только юность упорно обходишь молчаньем.
Заросли ее тропы чертополохом,
Ядовитой травой — луговым молочаем.

На холодных руинах в безлюдье крошечном
Не гнездятся и аисты — дети раздолья . . .

Снова шапок в прихожей окажется меньше,
Больше стульев свободных в невеселом застолье.

Наши прежние распри не сушат нам горло,
Наши боги давно лишены поклоненья.
Но я вижу воочию — время не стерло
Роковое клеймо с моего поколения.

Пусть историк уныло разводит руками —
Мы у смерти тогда не просили отсрочки
И в начале пути исчезали полками.
А теперь вот уходим — поодиночке.

ПРОВОДЫ СОЛНЦА

И день этот дважды, увы, не проснется,
И бисер сиянья не сыпать в карман.
Двугорбая туча ступает на солнце,
Как черный верблюд на бархан.

И снова стремятся загнать меня в угол
Неведомый ужас и нервная дрожь,
Когда догорает оранжевый уголь
И сумерки празднуют ложь.

И, как под ножом гильотины, за сосны
Багровый клубок упадет навсегда . . .
Давай же проводим закатное солнце,
Пока не случилась беда.

ПЕРЕОЦЕНКА

Боком к волне крутой
лодку мы разворачивали.
Нам разрешалась радость —
предпочитали грусть.
Бывало, такой ценой
наивность свою оплачивали! . . .
Впрочем, все свои глупости
помним мы наизусть.
Нынче житейской мудрости
запасец у нас солидный,
Даже с лихвой, как сена
у доброго косяря:
Сшили портки из мудрости,
мудрость впрок засолили,
Огородили мудростью
дачи и хутора.
Но и она со временем
выливается под ливнями,
Заплесневеет, развалится,
и на пороге зимы
Мы назовем себя снова
глупыми и наивными,
Скажем, хватаясь за голову:
— Господи, вразуми! . . .

ЗВОНКИЙ ДЕНЬ

Из жарких пустынь или тропиков влажных,
Из царства полярных широт, —

Когда и откуда придет он, неважно,
Но знаю: однажды придет.

Разбудит, как благовест, звонкое эхо,
Раздвинет потемки плечом.
Бетонные стены ему не помеха,
Сугробы ему нипочем.

На север попятится солнце послушно,
Отдает в предсердии кровь.
Гнилушкой трухлявою станет гнилушка,
А золото — золотом вновь.

Мне лето в ладони, как Гауя, ляжет.
Болота прогреет до дна.
Пчела из медвяного запаха свяжет
Одежды для звонкого дня.

Но если зима не отступит в смиренность
И волки завоюют во мгле,
Проснется и станет цветущей сиренью
Морозный узор на стекле . . .

Я чувствую, кто-то таится за дверью.
— Ты ждешь? — окликает меня.
Спешу отворить и не смею поверить
В пришествие звонкого дня.

НЕБОСКЛОН МОЙ СВЕТОЗАРНЫЙ

Небосклон моей надежды,
Свет осознанной свободы,
Очарованный, как прежде,
Я иду к тебе сквозь годы.

Не могу остановиться.
Перейти бы луг цветущий
И всецело раствориться
В синеве твоей зовущей! . .

Перешел я луг широкий —
Море клевера и мяты.
Снова, близкий и далекий,
Ускользаешь от меня ты.

И опять спешу вдогонку
За обманными лучами,
И судьбы моей котомка
Тяжелеет за плечами.

Ты — мечты моей пленитель,
Потому распахнут настуж
И лучей живые нити
От меня в пути не застишь.

А когда иссякнут силы,
Я с печалью несказанной
Прошепчу тебе «спасибо»,
Небосклон мой светозарный.

Серебро в огне

«... изучать Гамлета — не пригодится ли что-нибудь из этого? Одиночество! Писать! Изучать языки, хорошие манеры, журналы мод! Сформировать личность! Купить и изучать все книги о хороших манерах! Страстными журналами наслаждаться в одиночестве! Не ходить в места публичных сборищ, ни в кино, ни в театр, о статьях договариваться по телефону, быстро сдавать. Гонорары забирать, когда накопится сумма... Поздними вечерами выходить на прогулку. Формировать личность, личность, личность — это мой самый страстный призыв. Волю закалять, волю! Сформировать все мелкие признаки личности — единый стиль в почерке, жестах, походке, голосе, манере говорить.

Сделать своеобразной — как художественное произведение — свою личность: большую, глубокую, могущественную, тонкую, прекрасную. Учиться говорить; говорить, говорить — красиво, оригинально — в обществе двух, трех, четырех и более человек, не только в частных беседах, но и, например, на больших собраниях.

Как деньги приобрести, как работать. Как воспитать в себе героические черты. Словарь иностранных слов, словарь иностранных слов. Латинские и другие выражения, слова, которые принято употреблять в обществе.

Развить в себе шарм, обаяние, L'esprit! Говорить, как в экстазе. Искать оригинальные сравнения в минералогии, фауне, флоре, астрономии, мифологии. И — темы для рассказов, стихов, и так далее».

Эти записки, сделанные торопливой рукой, я нашел в фонде Эрика Адамсона в Музее истории литературы. Выписка из произведения другого автора? Наброски? Фиксация собственных размышлений? На выписку не похоже — текст литературно не обработан. Вероятнее всего — фиксация собственных мыслей, намеченные себе задачи. Если это так, то может оказаться полезным для понимания творчества Эрика Адамсона.

В 1926 году Эрик Адамсон начинает печатать свои произведения, которые потом, без особой спешки, в 1932 году собирает в книгу «Серебро в огне. Поэзия. Авторское издание. Рига, 1932».

Критикой он замечен рано, еще до выхода книги. Александр Чак в статье «Формальные элементы в произведениях молодых поэтов» наряду с работами Плаудиса, Григулиса, Медениса и других анализирует и публикации Эрика Адамсона в периодике.

«Серебро в огне» — сборник произведений не начинающего поэта, это результат духовной работы зрелого таланта, зрелой личности. Радикально — ни в содержании, ни в форме, ни в интонации — поэт уже не меняется.

Хотя Адамсон далек от аскетизма святоши, хотя в его поэзии часто находим призывы и прославление ненасытной радости, любовных наслаждений, в его поэзии красота, прекрасное своеобразно связываются с этически возвышенным. Идет беспечный матрос, «влекомый музыкой» «в кабаре ночное», где «можно молча посидеть. Там ароматны вина» («Матросский романс»); строфа течет плавно, непринужденно и постепенно приводит к ненавязчивому, но яркому раскрытию души матроса: «Но если денег не возьмет красавица, а просто Мне улыбнется, то она подругой станет мне» (перевод Л. Ждановой).

Интерес к жизни, к ее многообразным конкретным проявлениям, к той жизни, какой люди создали ее на протяжении тысячелетней истории, пульсирующей, вибрирующей, мерцающей повсюду и во всем. Таковы стихотворения Адамсона на темы о прошлом Латвии, о Старой Риге.

Помимо стихов Эрик Адамсон писал и прозу. Его сборник «Тонкие болезни» характеризует целую линию в латышской новеллистике, прародком которой, помоему, был Янис Эзериньш, а в послевоенное время так ярко продолжает Албертс Бэлс.

В оставленных Эриком Адамсоном бумагах — рукописях, набросках, заметках — видно, как он работал.

«Изучать и искать оригинальные сравнения в мифологии, минералогии и т. д. И также темы для рассказов, стихов и т. д.» — читали мы в записках. Эту намеченную для себя задачу он усердно выполнял. В бумагах Адамсона мы находим выписки из энциклопедий и самых разных словарей, например, объяснения, что значат наяды, негус, Офира, офит и т. д. Его привлекали экзотические явления, услышанные в народе, где-то прочитанные своеобразные выражения, фамилии, обозначения, древние своеобразные грамматические формы.

В статье «Национальный шарм» в «Даугаве» 1928 года достижений двадцати одного года поэт говорит:

«Своеобразный шарм народа — это все то притягательное, прекрасное и возвышенное, что есть в душе каждого народа и что рождает величайшие произведения искусства. Этот шарм нельзя приобрести ни в университете, ни в самом лучшем обществе — нет, он развивается из поколения в поколение традициями, формируемыми семьей. Как пленителен был бы латышский поэт и его произведения, если бы он когда-нибудь возродил этот утраченный латышский шарм! Он полон находчивости, жизнерадостности и гедонизма, а также немного меланхолии и чуть побольше иронии!»

Адамсон до сих пор у нас издан мало — «Избранное» в 1957 году, «Трубка мечтаний» — 1967, избранное для школ — 1985, новеллы о животных — 1985. Незаслуженно мало. Требуется напечатания и своеобразный молодежный роман «Идущий своим путем», а также более обширное издание всех его произведений. Переводился Эрик Адамсон пока тоже незаслуженно мало — особенно проза.

В творчестве Адамсона мы ощущаем столь необходимую нам культуру, понимание красоты и этичности. Его время еще впереди.

Марис ЧАКЛАЙС

РАССКАЗЫ

Перевела Нина БАТЬ

КРОВАВЫЕ СЛЕЗЫ

«Покуда у тебя есть элегантный костюм, пара лакированных туфель, подходящая шляпа и две-три рубашки по размеру — надейся! Любая минута может поднять тебя на высшую ступень счастья!»

Так некогда изрек весьма мудрый философ, знаток искусства жизни, и поэт Ивар Авотс был с ним полностью согласен. Надев одну из трех «рубашек по размеру», «элегантный костюм» и «пару лаковых туфель», он сел на стул в своей комнате, украшенной горшочками, вазами и тарелками из латгальской глины, и посмотрел на часы.

— Еще только семь. Гости там обычно собираются к восьми.

Положим, его могли бы пригласить с утра или хотя бы часа за два до приема. Ведь всем прочим рассылают отпечатанные приглашения еще за неделю, но тут, понятно, дело другое. Во-первых, он живет этажом выше, как раз над квартирой мебельного фабриканта Балманиса, который нынче устраивает прием; во-вторых — он уже не один год дает уроки английского сыну Балманиса Олгерту, стало быть в их семье все равно что свой человек. Его пригласят, когда гости начнут собираться. Госпожа Балманис или даже сам глава семьи или Олгерт, а может, и прислуга (какое это имеет значение?) вскоре зайдет и попросит спуститься к ним.

— Мы не посылали приглашения, вы же свой человек. . .

— Конечно, конечно, благодарствуйте, охотно приду. . .

Но ведь этак, не получив посланного заранее приглашения, он сегодня

мог не оказаться дома — уйти в театр, в кафе или ресторан, да, да, о сегодняшнем приеме у Балманисов он узнал случайно от квартирной хозяйки. Право, им следовало загодя его известить приглашением или хотя бы предупредить. . . Однако не сделали ни того, ни другого!

Но вот Ивар Авотс встрепенулся: на лестнице слышны шаги. Он еще раз пригладил слегка вьющиеся волосы, оправил костюм, схватил попавшийся под руку зеленый карандаш и сделал вид, что пишет, а вовсе не ждет приглашения. Когда он хватал карандаш, в голове у него возникло слово «килликилликс», и рука, пока он ждал стука в дверь, начала машинально писать это слово на полях английской газеты «Times»: «килликилликс, килликилликс, килликилликс. . .»

— Сейчас, сейчас постучат! Сейчас постучат!

Но шаги затихли у соседней квартиры.

Ивар Авотс положил зеленый карандаш, откинулся на спинку стула и от нечего делать стал разглядывать свои руки. Пожалуй, маловаты, но он все же остался ими весьма доволен и подумал: не худо бы приобрести оригинальный перстень с драгоценным камнем. Но с каким? У каждого свой счастливый камень. И для каждого месяца есть свой заповедный камень, — так думали в средние века. Для января — белый алмаз, для февраля — хитатид, дождевой камень, для марта — зеленая яшма, для апреля — зеленый скифий из Скифии, для мая — зеленый смарагд, для июня — красный лихиний, для июля — светлый астрид,

для августа — желтый кераунос, для сентября — гелиотроп, для октября — янтарь, для ноября — темно-желтый гиацинт, для декабря — хрусталь.

— Я родился в марте, значит, мой камень — яшма.

За дверью опять послышались шаги. В этом двухэтажном доме внизу — большие апартаменты мебельного фабриканта Балманиса, а наверху — две квартиры поменьше, в одной из которых Ивар Авотс снимает комнату. Соседнюю квартиру занимают оставной генерал с супругой. На лестнице, ведущей на второй этаж, обычно очень тихо. Кто-нибудь лишь изредка поднимается по ней или спускается. Значит, сейчас идут наверняка к нему. Господин Балманис? Нет, шаги не такие тяжелые. И не его супруга. Та бегаёт быстро, почти бесшумно, как полевая мышка. Олгерт? Нет. Прислуга? Нет — да... Он больше не притворился, будто чем-то занят, а в упор смотрел на дверь и ждал.

И вот — в дверь постучали.

— Войдите!

К нему вошли, но это оказалась его хозяйка. Предложила чаю. Яблочного чаю! На что ему этот чай, когда через несколько минут он будет пить чай с араком или кофе с французским коньяком, или крющон с ананасами, или изысканный коктейль! Коктейль *Kiss me quick!* Он вежливо отверг чай и поблагодарил хозяйку. Она ушла.

— А вдруг она подсмеивается надо мной? Догадывается, чего я жду? Знает, что меня еще не пригласили?

Он взглянул на часы. Еще только без четверти восемь. Скоро за ним придут. Сын, супруга Балманиса или сам Балманис. Или прислуга. Не имеет значения.

— Ну, зачем так нетерпеливо ждать? Прилечь на тахту? Брюки помнутся... Да и пух из подушек так и липнет к черной материи... Ложиться нельзя!

Он чутко прислушался: показалось, снизу доносятся оживленные голоса. Или это только голос госпожи Балманис? Шаг у нее тихий, зато голос очень громкий. Похоже, прислугой командует, слышно звяканье ножей, вилки. Ну да! Они еще только накрывают на стол!

Он усмехнулся. Потом себя выругал. Просто позор проявлять такое нетерпение! В глаза бросилось трижды написанное на полях газеты слово

«килликилликс». Он взял карандаш и принялся исписывать всю страницу этим словом, притом — разной величины.

— Килликилликс... говорят это такая сигара... из ивового лыка... ее курят индейцы... В лондонских клубах ее тоже курят.

В соседней комнате били старомодные стенные часы.

— Уже восемь?!

Ивар Авотс вскочил, вынул карманные часы. На них только половина восьмого. Часы эти своими причудами и капризами вечно отравляют ему жизнь. Он сердито пробурчал:

— Лучшее пусть сердце не в порядке, чем часы. Восемь! Уже восемь!

И он восемь раз повторил:

— Еще не пригласили!

Потом подошел к двери, прислушался. Стоял и слушал, затаив дыхание, наконец решил: досчитаю до ста, если не позовут, уйду в кафе или ресторан, или еще куда-нибудь и стану смеяться над фабрикантом Балманисом и его приемом.

— Раз, два, три, четыре...

Он прервал счет, опять прислушался. Начал считать сначала:

— Раз, два, три, четыре и т. д.

Считал и прислушивался. Снизу все явственней доносился гомон. Значит, гостей уже принимают.

Он мысленно досчитал до сотни. Никто за ним не пришел. Решил сосчитать еще раз. Сосчитал. Не идут... Бог троицу любит: сосчитал до сотни в третий раз. Не идут. Еще три раза сосчитал до сотни — трижды по три раза — и после каждой сотни делал отметку на белой двери зеленым карандашом. Так он считал и считал и делал отметки, а потом их тоже пересчитал: пятнадцать. Выходит, он насчитал до полутора тысяч, но за ним не пришли.

Он бросил считать и зашагал по комнате. Взад-вперед, взад-вперед, без счета, без остановки, и все повторял про себя: «Придут или не придут, придут или не придут?» — Да ведь... — и он усмехнулся: — Еще бы, сейчас у них столько хлопот.

Может, о нем позабыли без всякого умысла? О нем? О соседе? О поэте? Учителе их сына? Ученику-то уж положено о нем вспомнить. Но чего ждать от мальчишки...

озорник, лентяй... Больно ему надо помнить о своем учителе.

А если взять да прийти без приглашения? Балманисы извинятся, объяснят, почему не успели его пригласить. Быть может, приведут веские непредвиденные резоны, о которых он не мог и помыслить? Его пригласят к столу, он поблагодарит, но скорее всего даже не присядет — ведь еда, питье, болтовня со скучными неинтересными людьми для него не главное; главное — чтобы он, поэт, сосед, учитель их сына, был приглашен к ним на прием.

В очередной раз он дошагал до двери, но отправиться вниз не хватало духу. И он снова принялся мерить шагами комнату, все громче стучая каблуками об пол. Вскоре он осознал, почему так делает: хотелось привлечь к себе внимание там, у Балманисов. Гости спросят: «Кто там живет наверху?» И господин Балманис ответит: «О, это учитель английского языка. Учит моего сына. Поэт Авотс». «Поэт Авотс? — воскликнут гости. — Мы хотим на него посмотреть!»

Он все громче пристукивал каблуками об пол, пока его шаг не перешел в шутовской танец — не то чардаш, не то фанданго.

Так он пританцевал к окну и увидел, что у садового фонтана прогуливаются весьма привлекательные племянницы Балманиса, с которыми он был знаком. Вспомнил их имена: Астрида, Илона, Бирута. Он задержался у окна. Девушки не посмотрели наверх. Он рывком, шумно распахнул окно, чуть стекла не вылетели. Девушки не обратили на это внимания. Он высунулся из окна. Под ним находилась столовая Балманисов и кухня.

Пьянящая смесь ароматов — благоухание роскошных темно-красных роз, нарезанных ананасов, очищенных бананов, запах пролитых на пол водки и рома, пар от жареных уток, горячей говядины, пирожков с начинкой из лососины и капусты, острый дух только что натертого хрена — щекотали чуткие ноздри чревоугодников. Слово азартные охотничьи выстрелы где-то в дубаве, то и дело в ушах отдавались отрадные для слуха выхлопы пробок из пивных и винных бутылок, звон хрусталия и фарфоровых тарелок, серебряных ножей, ложек, вилок, приказы главной поварахи,

зволнованные ответы ее помощниц. Словом, там шла самая тщательная подготовка к предстоящему алчному поглощению кушаний и напитков во славу неумной Ненасытной Утробы.

Аромат пышных темно-красных роз... Ивару Авотсу он был противен так же, как страстный любительнице садовых цветов — Марии Медичи, так же, как художнику Винценту, так же, как итальянскому поэту Фаворите. Он был противен Ивару так же, как маршалу д'Альберу — свиньи головы, как французскому королю Индрику Третьему — кошки, как Эразму Роттердамскому запах рыбы.

И тогда Ивар Авотс — теперь очень тихо — затворил окно и присел на широкую коричневую тахту. Он устремил взгляд на свой портрет, что висел перед ним на стене, шедевр кисти его приятеля. С помощью черной, зеленой и багровой красок, целыми тюбиками выжатых на холст, создалось весьма удачное произведение искусства, как то утверждали люди с безупречным вкусом, однако Ивару Авотсу портрет не нравился, — он ему не льстил. Маэстро безжалостно обнажил дурные качества модели, даже такие, каких, по мнению Ивара, у него не было и в помине. Больше всего его огорчали немужественные черты лица — явное свидетельство острой дисгармонии между честолюбием и слабостью, эти водянистые, словно бы заплаканные глаза, эта чуть заметная, беспомощная улыбка. На открытии выставки некоторые дамы с острым язычком сказали, что на портрете он смешон, другие — что жалок, но все единодушно признали работу художника достойной восхищения.

— Они говорили — я жалок? — возмутился Ивар Авотс. — Ладно, ладно, они еще увидят, чего я достигну! А чего? Чего?

Он с минуту подумал, какими словами точнее описать тот пьедестал, на который он когда-нибудь поднимется, завоевав свое место в мире искусства. Вскоре он нашел достойные выражения.

— Если людей великих духом принято называть всемирной совестью, то меня назовут всемирным законодателем вкуса. Я стану чем-то вроде Дизраэли или Эдуарда VII, пока он еще был принцем Уэльским. Но я превзойду их глубиной ума и блеском.

Тут он вспомнил про мебельного фабриканта Балманиса.

— А что такое Балманис? Всего лишь торговец мебелью, вольноотпущенный раб, раздобывший золото, плутократ, чья квартира заставлена безвкусицами диванами, кроватями и столами, точно мебельный магазин.

Ивар Авотс закрыл глаза, чтобы не видеть своей комнаты.

— Ну а я обставлю свою квартиру мебелью индийского и бразильского дерева работы Андрэ Буля — маэстро среди краснодеревщиков эпохи барокко, она будет обита тканью, шитой золотом, с изображениями византийских сказочных животных, у меня будут пергаменты X века в обложках из слоновой кости с инкрустациями из драгоценных камней, или же рукописи в красном сафьяне, украшенном серебряными лилиями, будут вазы венецианского стекла — произведения лучших стеклодувов Мурано, будут красные, синие, желтые египетские и индийские лотосы. . .

Перечень предметов роскоши был прерван гостями Балманиса, шумевшими все громче.

— Гости. . . — не открывая глаз, сказал себе Ивар Авотс.— Торговцы, лавочники, домохозяева. . . кимбры и тевтоны до покорения римлянами, те, кто для пиршеств убивал быков, свиней, барашков. И это я, аристократ духа, пожелал быть в их обществе?

Уж если я когда-нибудь устрою прием, то все кушанья и напитки, закуски, первые и вторые блюда, а также способ их подачи гостям будут столь изысканны, что за мой стол охотно бы уселся один из знаменитейших едоков в мире — сам Людовик XIV, у которого желудок и кишечник были вдвое больше, чем у простых смертных, и который, по утверждению Сен-Симона и принцессы Палатины, съедал за обедом четыре тарелки супа из голубей, целого фазана, куропатку, огромное блюдо салата, два свиных окорока, баранину под чесночным соусом, блюдо печени, южные фрукты и яйца вкрутую. А гостями моими будут выдающиеся художники, ученые, государственные мужи, военачальники.

Мысленно он уже составлял список гостей, подбирая всемирно известные знаменитости.

— Разумеется, мебельный фабрикант Балманис приглашен не будет!—

весело усмехнулся про себя Ивар Авотс.

Но тут внизу провозгласили здравицу в честь хозяина дома, и можно было четко расслышать имя «Бернхард».

— А-а! Так сегодня же Бернхарды! Балманис именинник! — Конечно: «Бернхард Балманис. Производство и продажа мебели».

В мгновение ока Ивар Авотс позабыл свой титул мирового законодателя мод, вскочил с тахты и, хлопнув себя по лбу, воскликнул:

— Так чего я тут жду, чего мучаюсь? Ведь к имениннику приходят без приглашения! Наверно, меня там давно ждут! Даже обижаются, что не иду, чего доброго считают гордым, заносчивым. Как мне это раньше не пришло в голову?

Взъерошенный, в помятых брюках, с приставшими к черному костюму пушинками из диванных подушек, Ивар Авотс сбежал по лестнице вниз и, поскольку дверь была настежь распахнута, прошмыгнул по небольшому коридору мимо кухни, где хозяйничала повариха с подручными, и очутился в столовой.

За столом, уставленным блюдами с жарким из дичи, кабаньего и лосиного мяса, всевозможной рыбой и другими яствами, проглядывавшими из-под букетов пышных темно-красных роз, а также множеством зеленых, синих, коричневых хрустальных графинов и серебряных ведерков с вином, сидели исполненные блаженства существа с диковинными ртами, каких нет ни у одной живой твари, ртами, которые умеют одновременно — есть, пить, разговаривать, кричать, петать да еще и целоваться на брудершafft.

Эти предающиеся гастрономическим излишествам существа, похоже, почти ослепли. Они больше не различали ни кушаний, ни напитков, ни своих соседей по столу. Не заметили они и нового гостя, стоявшего облокотясь на буфет, на котором, подле его локтя, находилась посудина с красной икрой.

Посудина с красной икрой.

Именно здесь (еще не заметив красной икры) Ивар Авотс услышал у себя за спиной голос Балманиса.

Услышал его шепот:

— Его же не приглашали!

И хотя Ивару Авотсу почудилось,

что он, подобно этим чревоугодникам, тоже почти ослеп, бедняга, в своем безвыходном положении, вдруг заметил посудину с красной икрой. В безумной ярости, не помня себя, он схватил полной горстью красную икру, чтобы запустить ею Балманису в лицо. Круто повернулся — а перед ним никого нет... Им овладела страшная слабость, и тут он осознал, что держит в горсти красную икру, и мигом сунул виновную руку в карман брюк. Никем не замеченный он подался к себе наверх. У него так занемели ноги, словно он несколько дней просидел в одной из сложных поз йоги. Левая рука, будто парализованная, бессильно повисла. А та, что держала красную икру, была как бы сама по себе, будто тело хочет поскорее от нее избавиться, но, увы, не может.

Когда Ивар Авотс вошел в свою комнату и включил свет, его лимонного цвета лицо, как бы покрытое плесенью, напоминало лицо эпилептика после припадка. С минуту он топтался по комнате и тихо скулил, словно его правую руку затянуло в молотилку.

И тут он увидел свой портрет.

Он больше не топтался по комнате и не стонал.

Он уставился на картину.

Веки жгло, казалось, на них нарываю т ячмени.

Переполненный стыдом и досадой, он вглядывался в свой портрет, а потом начал превозносить его создателя. В нем прорудилась глубокое презрение к самому себе. Он выпростал из брючного кармана словно бы чужую руку и с размаху швырнул красную икру, что предназначалась физиономии мебельного фабриканта Балманиса, прямо в лицо своему портрету.

И тогда, упав ничком на коричневую тахту, Ивар Авотс зарылся лицом в синие подушечки, чтобы не слышать звона серебряных ножей и вилок, пробочных выстрелов и громких голосов, не чують запаха коньяка, арака, рома и аромата темно-красных роз, который, мнилось ему, душистым облаком всюду следовал за ним. Так он долго лежал не то в полусне, не то бодрствуя, тихо-тихо, словно и не дышал, а когда утреннее солнце осветило облипший икринками портрет, стало казаться, что по нему текут кровавые слезы.

СОСТРАДАНИЕ

Я собака. Люблю одичалую, бродячую жизнь. С великим удовольствием обнюхиваю в лесу грибы, продираюсь сквозь заросли сорняков, прыгаю через ветвистые груды валежника. Мне нравятся камни и растения. Как-то раз я обратил внимание на темно-синие анютины глазки. Они с рассвета до заката следят за солнцем. И вообще я заметил — очень многие растения все время едят свет. В дремучем лесу под тенью вековых деревьев я часто наблюдал: ни один листок не заслоняет собой другого. И, значит, — ни один солнечный луч не промелькнет незряя, а непременно поглядит хоть какой-нибудь листочек. Деревья от верхушки до корня, а также и всякая зелень насыщены солнцем. А уж как трогательно все растения любят солнце, могу доказать таким примером. В прошлое воскресенье какая-то дачница бросила наземь коробку из-под сладостей, и та

упала прямо на ростки кресс-салата. С одного края коробка порвалась, и когда я немного погодя спихнул ее, то увидел, что росточки салата склонились к рваному боку, чтобы хоть чуточку напитаться солнцем.

Так привольно, думая только о себе, проводил я лето.

Но вскоре жизнь моя круто изменилась.

Однажды я сидел на широком неоглядном лугу. Вижу — от докторской усадьбы в мою сторону направляется ихний фокстерьер. Это собака выдающаяся. Прежде всего своим именем — ее назвали Фебрис, что по-латыни означает «лихорадка». Фебрис никогда не брехал попусту, не то что я. А уж когда он сдержанно и вдумчиво вылаивал описания жестоких болезней, пышно украшая их латинскими изречениями, мне так и чудилось, будто в небе над его головой показывались

в нужных местах восклицательные, вопросительные и все прочие знаки препинания. Такую собаку надо уважать. А стало быть, прощать ей недостатки характера, в особенности — заносчивость, жестокость и лицемерие. Вот и на сей раз я стерпел, когда фокстерьер, притом что на чудесном лугу было куда как просторно, заявил взамен приветствия, имея в виду мое тепло насиженное местечко:

— Ты уходи, а я тут сяду!

Понабравшись ума, лишь теперь я понял: на тепленьком местечке не так легко схватить простуду, кто-кто, а собака доктора это отлично знает. Из уважения к умнейшему я и пересел на другое место, но уйти не ушел, потому как мне захотелось с Фебрисом побеседовать.

Фебрис. Ведомо ли тебе, лесная тварь, что плоть состоит из костей, мяса и крови, что она дана душе как одежда, и обе они должны пребывать в согласии? Но сия оболочка души подвержена всевозможным недугам. . . А ведомо ли тебе, кудлатый зверюга, что именно владеет самым завидным ремеслом, охраняющим плоть, и живет при этом, как у Христа за пазухой? Врач! Мой господин! *In hoc salus!* (В сем спасение!).

Я (робко). Верю тебе, Фебрис. Но ведь со временем у врачей чувства притупляются, ими овладевает полное равнодушие к больным. Как же можно врачевать, не имея ни капли сострадания?

Фебрис. О *sancta simplicitas!* (Святая простота!) По-твоему, врач всю жизнь должен любить каждого пациента?

Я. А как же иначе, друг мой собака? Именно это врач и положено.

Фебрис. Но ведь и о себе забывать не след, чтобы не пришлось под конец говорить: *medice, cure te ipsum!* (Врачу, исцели сам!) Между прочим, в какой раз тебе повторяю: я не собака, я фокстерьер!

Я. Ладно, фокстерьер. (Боязливо.) А еще говорят, будто врачи очень корыстолюбивы (повышая голос), будто среди них есть немало знаменитостей, которые выказывают свои познания только за хорошие деньги. И что иной знаменитый врач принимает за день лишь тех немногих, кто может такие деньги заплатить, и этих средств хватает, чтобы

жить припеваючи. А если у больного нет таких денег, врачу нет до него дела, пускай помирает. Во врачебных делах я ничего не смыслю, но, по-моему, так поступать очень непорядочно.

Фебрис. Наглец, как ты смеешь говорить то, что я не желаю слушать!

Тут мы увидели, что со стороны почты, читая на ходу письмо, медленно приближается какая-то девушка и весело смеется.

Фебрис. Она легочная больная. Я. Откуда ты знаешь?

Фебрис. Пациентка моего господина. Ишь, как смеется! (Лицемерно.) Доброжелательность, чистота, жизнерадостность, подобно нежным белым цветам, украшают ее душу. Но ее плоть пожирается жестоким недугом.

Я. Каким?

Фебрис. Скоротечный тбц! Слабость, высокая температура, кровохаркание все быстрее приближает конец, и в то же время больной полон беспечности, мечтаний, надежд, уверен, что даже если все умрут, земля сгорит, моря испарятся, лишь он один уцелеет.

Я. Как это ужасно! Такая юная жизнерадостная девушка!

Фебрис. Дурень! В конце концов все обойдется. Ведь ее лечит мой господин!

Я. А чем он ее лечит?

Фебрис. Перебором.

Я. Ну что ты говоришь, Фебрис!

Фебрис. Мясным экстрактом фирмы «Либиг», «Мегги», мясным соком, «Пуру», белковыми порошками, Эйказином, Нутрозом, Саматозом, Тропоном, Пласмоном, Робиратом, мясными пептонами Либиг, Данайра и Коха, коровьим, козьим и овечьим молоком, кефиром, рыбьим жиром, яичной эмульсией, питательной солью и овсяным какао!

— Как видно, все это очень полезные снадобья, — заключил я. — Меняю от них тошнит.

Тут Фебрис усмехнулся.

Фебрис. Впрочем, должен заметить, что я малость оговорился. Мой господин не лечит, а лечил бы ее таким способом, если б она могла все оплатить.

В эту минуту девушка, проходя мимо, так заливисто, звонко рассмеялась, словно вычитала в письме что-то особенно радостное. Но тотчас тяжело

задышала, побагровела, зашлась судорожным кашлем.

Ф е б р и с (победоносно). Ну, что я сказал? Бедняжке скоро конец. И все же мой господин, обмана ради, твердит ей об Альпах, пальмах и Средиземном море и выписывает рецепты, вроде:

Белладонна 3—6

Пульсатилла 3

Арсеникум алб. 3—5

Время от времени он сует ей градусник под мышку или в рот, а она простодушно, открыто пугается резких скачков температуры. Ее ждет смерть. Ну и что? Смерть *lex naturae* (закон природы).

Я. Ах ты, жестокий, мерзкий клоун! Надо перегрызть градусник! Выплюнуть ругать! Проглотить рецепты! Облаять доктора!

Меня охватило такое мучительное сострадание к этой девушке, что я во всю прыть помчался обратно, в лес, пока не застрял в гигантских зарослях крапивы. В тот миг я страстно хотел, чтобы волоски крапивы, вызывающие нестерпимый зуд и воспаление, обратились бы в острые гвозди. И я проклинал то мгновение, когда во мне, словно свирепый хищник, пробудилось это нелепое, жуткое сострадание. Если не устранить причины, его вызвавшей, жизнь станет невыносима. Но сделать это бывает очень трудно, зачастую и вовсе невозможно. Иные славят умеющих сострадать. А я их жалею. И горше всего я принялся оплакивать себя, попавшего в столь безвыходное положение. Все эти стования, обычно бесполозные, вконец изничтожили мое себялюбие, и жизнь моя сделалась горькой, как аппетитный кусок камбалы, вконец испорченный попавшей туда рыбьей желчью.

Моя душевная боль не унималась ни на секунду. Я высунул взмокшую морду из жгучих зарослей крапивы и диким, истошным голосом, но от всего сердца, еще неистовей, чем обычно, завыл:

— О бедная девушка! Чахоточная больная! Отчего нет у тебя трахеи гигантского паука, жабр кита, легких львицы! Отчего нет широких, влажных ноздрей, чтобы единым вдохом втягивать целый ельник с шариком солнца впридачу, и тогда бы слизистая твоего носа дымилась от великого жара и уничтожала бы всяческую грязь и пыль, которая скапливается

даже в чистейшем воздухе над ночными фиалками! Да, пусть же слизистая твоего носа уподобится ярким листкам росянки, глянцевым, покрытым сладким клеем, на которые налипает мелкие букашки и, не в силах оторваться, гибнут. Но самое главное — тебе необходим преданный друг, который питал бы тебя своим дыханием, целовывал испарину с твоей кожи и сумел одолеть твой страшный кашель!

Мои причитания, быть может многим кажущиеся просто смешными, чрезмерными, становились все более дикими, неистовыми. И мне захотелось вновь стать диким зверем, как в те времена, когда меня еще не одомашнили. Я надумал немедленно бежать к доктору и больно укусить его, и пусть он хоть раз в жизни делается одержимым, пусть сгинут его равнодушие и жестокость, а вместо них родится сострадание и пламенная жажда вылечить несчастную девушку.

Неудержимый, свирепый, ликующий, мчал я под могучими, высокими соснами и древними темно-зелеными елями с почерневшими от времени стволами, как вдруг — что же я увидел!

Неподалеку от бугорка, где живут белые муравьи на подстилке из высохшей палой хвои и коричневых шишек, возле усыпанного черными ягодами пышного куста можжевельника, на коленях у какого-то юноши сидела та девушка, обвив его шею руками, а руки юноши обвивали ее стан.

Мне, бродяге, который с мая по сентябрь знай рыщет по лесам в поисках приключений, тотчас привиделись плеть душистого горошка, обвившего стройный подсолнух, кустик брусники, прильнувший к тоненькой молодой березке, головка первоцвета меж прутьями редкого летняя.

— Мой душистый цветик, моя белая лилия, моя былинка! — тихо говорил юноша. — Пробираясь сюда, я слышал оглушительный собачий лай, и в этом заповедном дремучем лесу он так обрадовал меня своей первобытностью, что мне захотелось стать человеком простым, сильным, жизнерадостным, чтобы любить и спасти тебя, моя милая.

Девушка называла его радужным влоконцем лесной паутинки, нежным вьюнком, диким виноградом, вьющимся хмелем, а он ресницами ласкал ее брови, прижимался щекой к ее щеке,

дыханием согрел ей шею, касался губами то правого, то левого уха. Так они долго ласкались, игриво покусывали один другого, оведали дыханием, перешептывались, называли друг друга именами диковинных растений, зверюшек и драгоценных камней, и тут даже я, наблюдая за ними, невольно, под наплывом добрых чувств, не пошел дальше, а пополз на брюхе. Меня, дикаря, несказанно умилила эта юная, свежая, нерастраченная любовь, в рождении которой, если верить словам юноши, ручаюсь, есть и моя заслуга. Я чуял — эта любовь девушку спасет. И поскольку устранилась причина, вызвавшая во мне мучительное сострадание, то и чувство это улетучилось. Словом, мой способ лечения победил.

Я ушел довольный собой, но смущенный раздумьями: что-то меня все же тревожило. Ведь пока меня мучило сострадание, я полностью забыл о себе, о своих мелких нуждах, потому что все внимание обратил на другое существо и благодаря этому как бы вырос в собственных глазах, ибо жизнь моя обрела более важный, более глубокий смысл. Ну а теперь большая девушка оказалась на пути к выздоровлению, чувство сострадания ушло, и я все глубже погрязал в своем себялюбии. Однако я уже не мог стать прежним. А каким стать — не знал. И, повесив голову, я лег наземь и тяжело вздохнул.

Вечер был холодный. Занятый раздумьями, я все ясней понимал, что как бы тяжка ни была мука сострадания, теперь, когда я снова погряз в себялюбии, положение мое стало куда тяжелей, оттого что я, уже ничем не отвлекаясь, со всей остротой ощущал голод, холод, грязь и собственное ничтожество.

И вдруг что-то легонько коснулось моей морды.

Открываю глаза, вижу — с моего носа свесил головку белый колокольчик. Как это могло случиться? Днем цветок стоял прямо, я это отлично помнил. На душе полегчало: вот и цветок, совсем как я, тоже повесил голову.

Оглядываюсь, ищу глазами другой колокольчик. . . Смотрю — цветы морковника тоже поникли, хотя днем дер-

жались прямо. Так же устало опустили головки ландыши, кислица, лесные анемоны, все цветы с наступлением сумрака склонили свои чашечки. И мне стало легко. Я понял, что не одинок в беде. И поверил, что растения тоже способны испытывать сострадание.

И тогда, все больше приободряясь, я увидел, что и трилистник шведского клевера, днем широко распахнувший листочки, от вечерней прохлады сомкнул их: два боковых как бы прикрыли тот, что посередке. Точно так же, защищаясь от холода, сомкнули лепестки крокусы, львиный зев, ромашки. И тут у меня на душе не только посветлело, но и потеплело. Я не лицемерю, меня, право же, глубоко тронуло то, как растения стараются защитить себя от темноты и холода. И мало-помалу я осознал, что во мне вновь пробуждается способность к состраданию. Но чувством это стало теперь не мучительным, а светлым. И распространялось не на одно страдающее существо, а на многих. Значит, оно очень выросло.

Тут я подумал о вьющихся растениях, таких, как хмель, дикий виноград, лианы, чьи стебли, и вовсе слабые и без поддержки, просто не в силах встать во весь рост и наслаждаться солнцем.

А ведь многим людям порой вот так же нужна чья-то поддержка.

Теперь я знаю по собственному опыту: сперва нужно испытать любовь и отчаянную безысходную муку сострадания к одному несчастному существу, и лишь тогда поймешь по-настоящему, что это такое — истинное сострадание, и лишь тогда оно сможет развиваться и вырасти настолько, чтобы пылко, самоотверженно распространиться на всех страдающих.

Но, конечно же, многие удивятся и не поверят, что голодная грязная собачонка способна на такую самоотверженную любовь; что до меня, то я вдруг с радостным волнением задал себе вопрос: так разве ж я, после того как во мне пробудилось великое, истинное сострадание, все еще остаюсь себялюбивым, ничтожным и жалким существом?

И я впервые смело и высоко поднял голову.

Хотя Петерис Иммерфрей служил в некоем муниципальном учреждении лишь несколько месяцев, среди коллег за ним все прочнее утверждалась слава человека таинственного, почти такая, какой некогда пользовался знаменитый самозванец граф Калиостро — посланник пророка Илии. Однако внешностью Петерис Иммерфрей нисколько не походил на удалого итальянского авантюриста. Низенький, большеголовый, глаза — зеленоватые щелки, лицо землистое, оно казалось еще более серым из-за вечно красного носа и ушей; к тому же он был очень тощий и, как сам с непонятной гордостью объявлял, весил 49 кг, оттого, дескать, что время от времени питался исключительно орехами, медом и водой, или же мелом и углем. А к мясу питал отвращение. Правда, как-то раз один сослуживец видел, что Иммерфрей в служебной столовой уплетает свиное жаркое с капустой, и, когда выразил по этому поводу крайнее удивление, получил загадочный и весьма высокомерный ответ:

— Я ем лишь ту свинину, которую выращивают на капусте!

По утрам, придя в контору, Петерис Иммерфрей первым долгом рассказывал сослуживцам свои сны, необычайно странные, а порой презабавные. Так, однажды ему приснилось, будто он гонит быка из деревни в город и даже забрался с ним в купе пассажирского поезда и приказал своему страшному рогатому спутнику усесться рядом. А когда на крики перепуганных пассажиров явился проводник, Иммерфрей торжественно изрек:

— Ведь в нашей народной песне поется: «Я с бычком поехал в Ригу. . .», а коли об этом в песне поется, стало быть, у меня есть полное право так поступать.

И тогда проводник пристыженно извинился, козырнул и ушел. А пассажиры утихомирились, и он с быком спокойно продолжали путь.

Да, вот какие это были рассказы. Иммерфрей поведал сослуживцам, что еще пять лет назад ему виделись сны прямо-таки оккультного свойства, а также убийства и разные удивительные события, которые потом сбывались наяву, и советовал тем, кто захочет

испытать, что такое фантастические видения, перед отходом ко сну натереть подмышки смесью золотой пыли с растительным маслом. Впрочем, никто этим рецептом не воспользовался из боязни последствий, но все с любопытством, а порой и посмеиваясь, слушали необычайные и жуткие рассказы Иммерфрея.

Кое-кто пропускал эти рассказы мимо ушей, иной, выслушав, призадумывался, остальные просто смеялись, и поэтому Петерис Иммерфрей полагал, что ни его самого, ни его сверхъестественные способности здесь не умеют оценить по достоинству.

Но вот на службу приняли молодую машинистку, мадмуазель Мудитэ. Чиновничек Петерис Иммерфрей отнюдь не напоминал кавалера эпохи рококо, но молодая машинистка вскоре привлекла его внимание. И не только тем, что была стройна и гибка, точно сосенка на ветру, бела, как асфodelь, а ее черные локоны укрывала шапочка в виде сиреневого цилиндрика. Внешний облик, право же, для него не главное. Петерис Иммерфрей искал в человеке *п у р у ш у*, как говорят йоги, то есть душу. Ее-то он мало-помалу и начал разглядывать в мадмуазель Мудитэ. Впервые он ближе познакомился с ней следующим образом.

Однажды, воротясь домой со службы, он застал свою матушку в слезах. Она сидела в кресле, с раскрытой Библией на коленях. Он спросил, почему она плачет, и мать ответила:

— Сын, я только что прочла в Евангелии от Луки: «И родила сына своего, первенца, и спеленала Его и положила Его в ясли. . .» — потому что больше некуда было его положить. Ах, Петерис! Ты понял? «Положила его в ясли. . .» Колыбель Спасителя рода людского — кормушка! Вот почему я заплакала.

На другой день, в разговоре с мадмуазель Мудитэ, Петерис упомянул и о вчерашнем случае с матушкой, и мадмуазель Мудитэ тоже залилась слезами. Немного успокоившись, она сказала:

— Я заплакала, потому что ваша матушка заплакала над словами: «и положила Его в ясли. . .»

Днем позже Петерис Иммерфрей сообщил мадмуазель Мудитэ:

— Моя матушка снова заплакала, когда я рассказал ей, что и вы заплакали, услышав, что она плакала над словами: «и положила Его в ясли...»

И тогда мадмуазель Мудитэ вновь заплакала, оттого что матушка Петериса Иммерфрея заплакала, узнав, что она, Мудитэ, заплакала, потому что ее матушка плакала над словами: «и положила Его (Спасителя рода людского) в ясли».

У мадмуазель Мудитэ определенно имеется танматрас, решил Петерис Иммерфрей,— по словарю йожеских терминов танматрас означает: «нечто хрупкое, тонкое»,— и вдруг повелительно воскликнул:

— Мадмуазель Мудитэ, не двигайтесь!

— Что случилось?

— Всего минуточку!

— Почему вы на меня так смотрите?

— У вас отличная аура!

— А что это?

— Каждый человек излучает ауру, которую некоторые люди, как например я, способны видеть. Аура отражает все: характер, здоровье, склонности. Есть голубые, оранжевые, серые, сиреневые, зеленые ауры. Хорошие ауры — голубые и сиреневые, а серая аура плохая, она признак слабости характера.

— А у меня какая аура?

— Голубая.

— Значит, хорошая?

— Очень.

Так между Иммерфреем и Мудитэ возникло все большее взаимопонимание, хотя Мудитэ проявляла известную сдержанность.

Группа сослуживцев организовала экскурсию в Италию, Петерис и Мудитэ к ним присоединились.

Иммерфрей поехал в Италию с туристской группой лишь потому, что у него не хватало денег на путешествие в одиночку. Обычно он не посещал те места, которые ему советовали посетить, ибо не желал поддаваться чуждому влиянию. На сей раз волей-неволей пришлось поддаться. Присутствие мадмуазель Мудитэ весьма облегчало ему вынужденное отступление от его принципов.

Наконец туристы отправились в путь, и так как времени было в обрез, им приходилось осматривать все знаменитые достопримечательности в

страшной спешке, почти бегом. Пальмы, горы, лазурные небеса, палаццо, церкви, руины, картины молниеносно мелькали перед глазами, и всюду туристов сопровождали печальные и все же столь привлекательные тени былого.

Знаменательную роль в отношениях Петериса Иммерфрея и мадмуазель Мудитэ сыграли три случая.

Прежде всего, их разговор в галерее Питти во Флоренции, у картины Фра Бартоломео:

Иммерфрей. Мадмуазель Мудитэ!

Мудитэ. Вы хотите мне что-то сказать?

Иммерфрей. Знаете ли вы, что в прошлой жизни, по всей видимости, были флорентийской дамой вроде моны Нонны дель Пульчи?

Мудитэ. Как это «в прошлой жизни»?

Иммерфрей. Каждый из нас является в мир многократно и в разных обликах. Мы умираем, но спустя время, быть может два и три столетия, нарождаемся в другом облике, в другой стране и при других обстоятельствах. Не сомневаюсь, что в прежних моих жизнях я был китайским мандарином Ву-Вангом,— третья династия эпохи Чоу, около 1122 лет до Рождества Христова,— а позднее, во времена Нерона, я был христианским мучеником.

Мудитэ. Да неужели! А впрочем, может и так?

Иммерфрей. Да, именно так.

С минуту он созерцал картину Фра Бартоломео, потом в упор посмотрел на Мудитэ и сказал:

— Знаете, для чего я вновь возвратился в этот материальный мир в облике муниципального чиновника?

— Для чего?

— Чтобы встретиться с вами, мадмуазель Мудитэ!

Этот странный разговор и роскошное хранилище произведений Рафаэля, Тициана, Рубенса, Ван-Дейка и Фра Бартоломео произвели глубокое впечатление на обоих туристов, но вся остальная компания, нарушив интимность их настроения, безжалостно погнала Петериса и Мудитэ дальше.

Второй случай произошел в соборе Петра в Риме. У входа. Мудитэ не хотели пускать в собор, оттого что она была в носочках. Опершись о многовековую могучую колонну древ-

него строения, девушка навзрыд плакала. Сторож сжалился над бедняжкой и пропустил ее в собор, но с условием, что она немедленно преклонит там колена, чтобы богомольцы не видели ее голых ног. Так она и сделала.

Сей эпизод, пусть и незначительный, помог Иммерфрею еще лучше понять тонкую чувствительную душу мадмуазель Мудитэ.

И, наконец, — беседа о йогах в городе дворца дождей, гондол и каналов, беседа, которая завершилась громогласными восклицаниями Петериса Иммерфрея:

— Ах, что такое Европа! Европа мне чужда! Индия — вот мой край! Я знал это еще ребенком.

Путешествие по Италии несомненно их сблизило, однако ж мадмуазель Мудитэ все еще проявляла полную достоинство сдержанность и, вернувшись на работу, пояснила свое поведение:

— Мою любовь может пробудить лишь нечто потустороннее, сверхъестественное. — И со скужающим видом добавила: — Но ведь ничего сверхъестественного на свете нет.

— Есть! — глядя исподлобья, кратко и решительно возразил Иммерфрей.

— Даже и духов нет, — так же скужливо продолжала Мудитэ.

— Есть! На каждом шагу!

— Нет, нет и нет! — воскликнула Мудитэ и с гримасой отвращения приступила к своей нудной работе.

И вот вскоре всем открылось еще одно качество в натуре Петериса Иммерфрея: способность преодолевать себя. Он сказал, что после многолетней усердной тренировки теперь наконец может счесть себя человеком, который полностью владеет собой. Однажды, на глазах у сослуживцев, он съел несколько припасенных для этой цели червей и тем самым доказал, как он умеет преодолевать отвращение. В другой раз объявил, что наконец научился преодолевать и страх. Ведь прежде он отличался болезненной пугливостью, еще совсем недавно при виде светящихся во тьме кошачьих глаз упал в обморок. После чего и решил научиться преодолевать всякий страх. Борьба с собой была поистине ужасна. Кладая зубами от страха, он заставил себя пройти по тонкому льду — и прошелся, несмотря на предостерегающие окрики с берега. Затем он несколько дней ночевал в кладби-

щенской часовне, а также под сосной, где за несколько дней до того был найден труп убитого юноши. А как-то раз, на хуторе у родных, знойным тихим полднем ему сказали, что по большаку бродит сбежавший из сумасшедшего дома безумец в одном белье и с косой в руках. Иммерфрей немедленно отправился на большак и несколько раз отважно прошагал туда и обратно мимо безумца, на губах которого блуждала жуткая улыбка. После чего, надо признаться, лоб Петериса оросило холодным потом. А теперь, по его словам, он достиг такой степени самообладания, что раз другой попытался провести ночь в морге, но, к сожалению, его туда не пустили. И Петерис Иммерфрей во всеуслышание объявил:

— Да, я больше не знаю страха.

— А вы докажете! — вдруг промолвила мадмуазель Мудитэ, взволнованно стуча на своей красивой машинке.

То ли под впечатлением этих слов, то ли по иной причине Петерис Иммерфрей три дня ходил в глубокой задумчивости, временами переходящей в нечто сходное с йоговской медитацией.

Как-то поздним вечером, часов около двенадцати, мадмуазель Мудитэ разделась, выключила свет и улеглась. Она снимала комматушку на пятом этаже. Как только за стеной часы пробили полночь, раздался мерный и громкий троекратный стук в окно. Поначалу девушку, страстно жаждавшую чего-то неведомого, охватила радостная дрожь.

«Наконец-то мне суждено соприкоснуться с каким-то явлением потустороннего мира! — подумала она, затаив дыхание, но тут же замерла от страха. Ведь это пятый этаж! Кто же мог очутиться у ее окна? А когда вскоре стук повторился, потом опять и опять — трижды по три таинственных удара — плоть ее возобладала над духом, Мудитэ не выдержала, включила свет и завопила во все горло.

Сбежались соседи, и когда мадмуазель Мудитэ, накинув халат, бросилась им навстречу и бессвязно залопотала о случившемся, все они — четыре женщины и двое мужчин — с опаской, потихоньку двинулись к окну, полупутно отпуская шуточки по ее адресу, а хозяин квартиры сказал:

— Наверное, какая-то антенна сломалась, вот и стучит в окно!

Но прежде чем они дошли до окна, за стеклом показалась голова. То был Петерис Иммерфрей!

Лицо Петериса совсем посерело, а нос и уши были не то что красные, а прямо-таки багровые, как свекла.

Мудитэ опять вскрикнула дурным голосом, и одна из соседок дала ей валерьянки, а самый храбрый из присутствующих, хозяин квартиры, с грозным видом отворил окно, но не успел и слова сказать странному гостю, как тот его опередил:

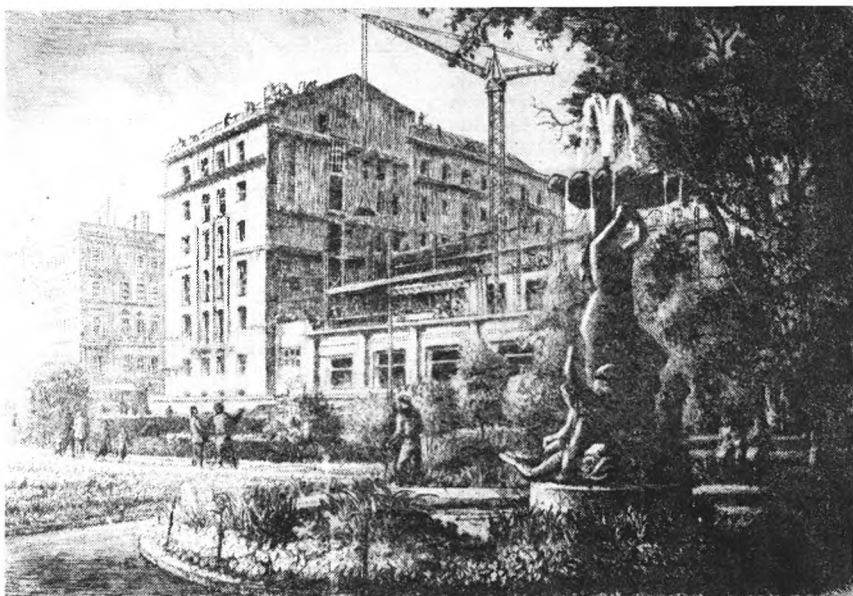
— Пожалуйста, впустите меня, я тут нахожусь в очень затруднительном положении. Да еще дождь пошел...

Чиновник из муниципального учреждения Петерис Иммерфрей обеими руками цеплялся за оконный карниз и, как только окно отворили, ловко забрался в комнату.

— Добрый вечер! — весьма самодовольно произнес он, а затем перешел к делу: — Простите, что напугал, я вовсе не имел в виду над вами подшутить. Я не средневековый рыцарь и не верхолаз. Ничего похожего. Мне просто захотелось доказать мадмуазель Мудитэ, что я преодолел себя

и больше не ведаю страха. На днях, проходя мимо этого дома и зная, что в нем живет моя недоверчивая сослуживица, я заметил под окнами пятого этажа широкие каменные выступы. И вот сегодня вечером я вошел в парадное, поднялся по лестнице до пятого этажа, на площадке вылез в окно, а потом, держась за оконные карнизы и бесчисленные каменные финтифлюшки на этом безвкусно отделанном доме, легко добрался по каменным выступам до окна моей сослуживицы, заранее определив, где находится ее комната.

Можно ли было не простить Петериса Иммерфрея, столь доблестно преодолевшего свой страх, хотя присутствующие, не переставая восхищаться его отвагой, все же отчитали храбреца за игру с жизнью. Ну а мадмуазель Мудитэ, прежде столь сдержанной, а ныне столь счастливой, наконец стало казаться, что ее сослуживец Петерис Иммерфрей — некий таинственный дух, обладающий сверхъестественной силой, а может, и сам архангел Гавриил, который слетел к ней со своих заоблачных высей.

Зелма Тальберг. Строительство новой гостиницы в Риге. 1952 год

ТУДА, ВДОЛЬ РЕЧКИ, ГДЕ КРИЧИТ ЗЕГЗИЦА...

КУПАЛА

Ужи дождин причудливо двуглавы.
Две пары крыл, два зрака, два огня.
В мутине озера купаются купавы.
Сыра трава опутала, звеня.
Зигзаги стрел — лучи или травинны.
Изгибы плеч и ящерицы лик,
Грудей окат. Сквозь ямы и ложбины
Двуглавый дождь в земную тьму проник.
Три птицы света сгинут в предвечерье,
Четвертую охолодит восток.
Во мгле лесов дремучее поверье
Откроет взору огненный цветок.

СЕНОКОС

На склоне дня перевернули сено:
Возня сухая, мягкий ветерок,
Колючий шорох тычется в колени,
И разнотравью отведен свой срок.

Чабрец душистый, легкая дымянка,
Нивяник — брат ромашки полевой,
Лук скорода — пчелиная приманка, —
Все пригодится долгою зимой.

Войдет хозяйка в скрипнувшие двери:
На сеновале зябко и темно.
Повеет духом древним, как поверье,
Который позабыт давным-давно.

Коснутся пальцев колкие травинки,
На вымя ляжет жесткая рука.
Со звуком жвачки и со стуком крынки
Прольется лето струйкой молока.

Марина НИЖЕВЯСОВА
родилась в 1962 г. в г. Калининграде. Живет в Риге. Учится на 3-м курсе филологического факультета Латвийского государственного университета им. П. Стучки.

Стихи М. Нижевясовой публиковались в журнале «Родник», газете «Советская молодежь» и в других республиканских изданиях.

ОСЕНЬ

И фреска и мастер — одновременно.
И кисти своих перепачканных рук
Она поднимает попеременно,
Ищет и спорит и думает вслух.

Неправда, что все повторяется, будто
Секреты старинные знаем давно.
Проснешься однажды — осеннее утро
Стоит и задумчиво смотрит в окно.

Всегда состояние ново пребудет,
Его светотени — сумей улови.
Нет праздников — всё отрешенные будни:
О, лучше не мучай себя, не трави!

Парящая фреска, и плачущий мастер.
Подчас завершение горше гнетет...
Но голову — выше: под сводами матерь
Со страхом и верой младенца несет!

* * *

Мои рассеянные дни —
на черешках опавших листьев —
Той безучастности сродни,
что помогает с миром слиться.
Там дуновенье — как полет,
там увяданье — как прозренье...
Есть времени лазурный грот,
где многомерно измеренье.
Мне не дано его понять,
но, может быть, дано услышать?
Минуты вечности ронять
туда, и падать выше, выше...
Там скопятся все дни мои
мерцаньем, шепотом, шуршаньем,
Когда отторгнусь от земли,
второе обрету дыханье.

ASTRA

Снимаю ковш с потертого гвоздя:
Какая ясность в тяжести молочной!
Стекают капли бывшего дождя,
Мерцает лебедь на воде проточной.

Геракл гончих погоняет псов,
Они бегут по меченому следу.
Дракон вздыхает и гремит засов,
Клубок бросает звездный Андромеда.

Гостей с дороги надо напоить...
Сложила дева голубые спицы.
А я — искать затерянную нить —
Туда, вдоль речки, где кричит зегзица.

О Народном фронте Латвии

Восьмого октября этого года учредительный конгресс Народного фронта Латвии сделал его реальностью, превратил в силу, с которой теперь нельзя не считаться никому.

Похоже, что рождению Народного фронта способствовала такая политическая пустота, которая была создана забюрократившейся частью партии. Она лишь стимулировала перестройку. Народный фронт появился в вакууме, созданном безграничной апатией профсоюзов и театральной приподнятостью комсомола.

С полной определенностью можно сказать, что Народный фронт явился на свет и потому, что о перестройке больше говорят, а в то же время рядом с нами существуют экономические трудности, о которых свидетельствуют талоны на сахар, стремительно исчезающие промышленные товары, обувь, телевизоры, стиральные порошки, катастрофическое положение с загрязнением природы — этим летом на территории Латвии на пальцах одной руки можно было пересчитать места, где без опасности для жизни и здоровья можно было искупаться. Да, и благодаря неконтролируемому развитию промышленности и связанной с ней миграцией латыши на своей территории первый раз в своей долгой истории становятся меньшинством.

Наверное, именно поэтому латышский народ куда острее чувствует эти проблемы, именно поэтому в группах поддержки Народного фронта латышей куда больше, чем представителей всех прочих национальностей.

До учредительного съезда Народный фронт Латвии старался объединить в своих рядах все, даже противоречивые по своим взглядам неформальные группы, чтобы каждый имел возможность включиться в процесс перестройки, чтобы никто не остался в стороне.

Но выступления представителей этих групп на конгрессе многих шокировали — телевидение два дня до 2—3 часов ночи вело трансляцию работы съезда. Вся республика в буквальном смысле слова не отходила от телевизоров. Мычали недоенные коровы, на улицах не было видно людей, хозяйки не готовили ни обедов, ни ужинов, ибо даже самые заботливые из них боялись пропустить хоть одно, самое незначительное слово из выступлений, так как было бесконечно интересно смотреть, как в противоречиях и неостывших страстях рождается Народный фронт.

Гласность носила всеобъемлющий характер, многих это смутило, но многие были полны изумления — плюрализм зашел так далеко, что посягнул даже на некоторые основы основ.

Я думаю, что Виктор Авотиньш с предельной убедительностью проанализировал все то отрицательное, что было на съезде Народного фронта.

Те читатели, что живут за пределами нашей республики, могут познакомиться с программой Народного фронта Латвии.

Программа принята. Дума избрана.

Для одних Народный фронт стал той звездой, к которой они, полные эйфории, обращают свои взгляды, преисполненные надежд.

Для других Народный фронт — прекрасная возможность трепать языком и до полного отупения просиживать на заседаниях.

Третьи рвутся что-то делать.

Но четвертые испуганы и съездом и программой. Некоторые не совсем удачные и риторические пункты программы стали опасным камнем преткновения, хотя не стоит забывать, что еще недавно программа нашей Коммунистической партии совершенно серьезно обещала, что сегодняшнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Народный фронт в нашей республике стал реальностью, и было бы огромным счастьем, если бы, несмотря на все ошибки и неточности, он способствовал бы не только укреплению авторитета нашей Коммунистической партии, обретению новых сил профсоюзами, молодому горению комсомола, но и служил бы всей нашей республике, особенно ее экономике, после чего она могла бы стать поистине суверенным образованием в федерации других республик, и чтобы все мы могли от души гордиться, что живем не при казарменном, а при настоящем социализме.

И почему бы этому не быть!

Ради такой цели можно понять и простить тактические ошибки.

А. ЯКУБАН

ПРОГРАММА НАРОДНОГО ФРОНТА ЛАТВИИ

Советская власть создавалась для того, чтобы осуществилось стремление всех людей — рабочих, крестьян и интеллигенции — к свободе, благосостоянию, социальной справедливости и национальному равноправию. Однако сталинский деспотизм и последовавшие за ним годы застоя привели к существенным деформациям в политической, экономической, социальной, культурной жизни общества и в национальных отношениях. Возник глубокий разрыв между словом и делом, между бюрократическим аппаратом и народом, общество оказалось в кризисной ситуации.

В настоящее время появилась историческая возможность избавиться от тяжелого бремени прошлого, возродить ленинские принципы социализма, сформировать общество, отвечающее интересам, нуждам и воле народа. Перестройка была начата сверху, но сделать ее необратимой может только энергичная сопричастность народа, отстаивающего демократию и порядок снизу.

Кардинальная перестройка и моральное обновление общества являются главным условием его существования и развития.

Народ пробудился, чтобы преодолеть кризис, застой и отчужденность народа от политической системы. Народный фронт является выразителем и активным проводником народных идей.

1. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

1. Народный фронт Латвии (НФЛ) — массовая общественно-политическая организация республики, возникшая в результате патриотической и политической активности народа, объединяющая единомышленников. Она последовательно выступает в поддержку кардинальной перестройки в Латвии на принципах демократического социализма и гуманизма, участвует в осуществлении воли народа через Советы народных депутатов и в создании социалистического правового государства в соответствии с суверенитетом республики. НФЛ выступает против любой монополизации власти, взглядов и мыслей.

2. НФЛ поддерживает и консолидирует устремления всего населения Латвии, направленные на демократизацию общества и способствующие моральному его обновлению. НФЛ объе-

диняет людей независимо от их социального положения, языка, партийной, религиозной и национальной принадлежности.

Участие в НФЛ несовместимо с проповедованием сталинистских, фашистских и других авторитарных взглядов, с поддержкой административно-командных методов бюрократического управления, с проповедованием расизма, национализма, религиозной или другой ненависти и нетерпимости, поддержкой насилия. НФЛ действует демократическими, конституционно признанными методами.

3. НФЛ выступает за формирование национальных отношений на основе ленинских принципов самоопределения и равноправия наций в союзе советских государств...

НФЛ поддерживает развитие политических, экономических и культурных связей Прибалтийских республик, а также стран Балтийского морского бассейна.

4. Осуществляя задачи, предусмотренные Программой и Уставом, НФЛ сотрудничает с Советами народных депутатов и другими государственными учреждениями, а также с общественными организациями. НФЛ не стремится к тому, чтобы брать на себя функции каких бы то ни было государственных органов или подменять другие общественные организации.

5. В основу деятельности НФЛ положены общечеловеческие ценности, гуманизм и плюрализм взглядов, уважение прав всех народов; социальная справедливость, уважение человека и защита его законных интересов.

Деятельность Народного фронта Латвии основана на принципах, изложенных в резолюциях XIX Всесоюзной партийной конференции, на основных положениях, высказанных коммунистами и трудящимися республики накануне XIX партконференции, а также в резолюции июньского (1988 г.) расширенного пленума правления Союза писателей Латвийской ССР.

II. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

1. НФЛ поддерживает предложенную XIX Всесоюзной партконференцией радикальную реформу политической системы, направленную на достижение реального соответствия

советской государственности провозглашенному в Конституции понятию всенародного государства. Вместо политической системы, лишь формально действующей от имени народа, но отчужденной от него, необходимо создать подлинное народовластие и самоуправление. Все выборные органы, начиная с советов трудовых коллективов вплоть до Верховного Совета Латвийской ССР, следует формировать из представителей, которые выражают мысли своих избирателей и защищают их интересы. Необходимо принять новый закон о выборах, предусматривающий избрание депутатов всех уровней путем всеобщего, равноправного, открытого или тайного голосования с обеспечением выдвижения нескольких кандидатур на одно место, с гарантированием свободного соревнования различных взглядов и строгого контроля за правильным определением результатов выборов. НФЛ оказывает поддержку и помощь избранным народом депутатам, крепит их связи с избирателями и одновременно следит, чтобы они не уклонялись от наказов избирателей и не отклонялись от своей предвыборной платформы. НФЛ требует обеспечить полную гласность работы Советов.

2. НФЛ выступает за создание правового государства. Государство ответственно перед гражданином, а гражданин — перед государством в соответствии с законом. В законодательстве должен принимать участие народ путем народного обсуждения и голосования. Необходимо отказаться от порядка, когда Президиум Верховного Совета может изменить закон, принятый Верховным Советом. НФЛ призывает Верховный Совет Латвийской ССР создать комиссию, которая осуществляла бы контроль за законностью деятельности правоохранительных органов, Вооруженных Сил, службы госбезопасности и внутренних войск.

3. НФЛ борется за демонтаж сталинизма и административно-бюрократической системы неосталинизма и превращение СССР из централизованного федеративного государства в союз суверенных государств, за обеспечение суверенитета республики, провозглашенного в Конституции Латвийской ССР, и восстановление ленинских принципов федерализма. Граждане Латвии должны быть хозяевами на своей

земле и самостоятельно решать все вопросы.

Взаимоотношения республик, а также распределение компетенций между союзными республиками следует определять на основе договора. Республике необходимо предоставить право вето при решении тех вопросов, которые затрагивают ее интересы, а также осуществить право самостоятельно вступать в непосредственные сношения с другими государствами и международными организациями (ООН, СЭВ, ЮНЕСКО, МОК и др.). Назрела необходимость определить в Конституции Латвийской ССР статус гражданина Латвийской ССР и принять закон о гражданстве Латвийской ССР.

4. НФЛ решительно выступает против проявлений административно-командного стиля и бюрократизации государственного аппарата. Каждый трудовой коллектив должен иметь право самостоятельно решать вопросы своей деятельности. НФЛ требует реальной подотчетности всех государственных должностных лиц Советам народных депутатов и населению, а также последовательной десталинизации и децентрализации государственного аппарата. Всякое избрание или назначение на руководящий государственный пост должно происходить с участием Советов народных депутатов и их постоянных комиссий.

НФЛ признает право народа избирать компетентных руководителей, пользующихся доверием постоянных жителей республики и выражающих их волю. Народ имеет право формировать такую политическую систему и такой образ жизни, который отвечает его нуждам.

НФЛ не считает демократическим монопольное право любой политической организации управлять государством или общественной жизнью.

5. НФЛ требует разделения законодательной, исполнительной и судебной власти, разграничения функций партии и государства, чтобы устранить возможность концентрации авторитарной власти в руках одной личности или группы лиц. Необходимо создание конституционного суда как независимого органа, который мог бы осуществлять надзор за соответствием Конституции и закону всех нормативных актов, издаваемых государственными органами и общественными организациями, а также за деятель-

ностью высших должностных лиц. НФЛ считает необходимым добиться того, чтобы Верховный Совет Латвийской ССР избирал прокурора республики и принял закон о прокуратуре Латвийской ССР.

6. НФЛ выступает за полную реализацию гласности в государственной и общественной жизни. Необходимо принять закон о государственной тайне. Все нормативные акты, которые принимают Верховный Совет Латвийской ССР, его Президиум и Совет Министров республики, должны быть опубликованы. Сделать доступными для всех библиотечные и архивные фонды, которые не являются секретными.

Принятие таких решений государственных и общественных органов, которые касаются народа, должно происходить гласно, в их подготовку и обсуждение должна быть вовлечена широкая общественность.

Необходимо постоянно публиковать политическую, экономическую, демографическую, экологическую, картографическую, социологическую и другую информацию, чтобы народ мог объективно оценивать положение в республике и реально участвовать в управлении ею.

Необходимо прекратить создание помех зарубежным радио- и телепередачам.

7. НФЛ считает, что подлинно социалистическую демократию может обеспечить только плюрализм мнений, интересов и организационных форм. Все массовые организации, в том числе Народный фронт, должны быть обеспечены возможностью использовать средства массовой информации для выражения и обоснования своих взглядов. Проблемы, выдвигаемые через средства массовой информации, если они привлекают внимание широкой общественности, должны решаться без промедления, о чем общественность должна быть информирована.

8. Необходимо добиваться улучшения политического климата в республике, преодоления настроений неуверенности, страха, угроз в политической и других сферах общественной жизни. Самые сложные вопросы необходимо решать путем честных дискуссий и убеждения. НФЛ выступает против преследования людей за их политические и религиозные взгляды, против

любой политической демагогии, опорочивания оппонентов.

III. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

1. НФЛ считает, что за основу правового статуса гражданина Латвийской ССР необходимо взять Всеобщую декларацию прав человека и подписанные и ратифицированные СССР документы — Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, а также Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятый в Хельсинки. Эти документы необходимо издать массовым тиражом и их суть отразить в Конституции Латвийской ССР.

2. НФЛ требует полного соблюдения конституционных норм о неприкосновенности личности, ее жизни и жилища, охраны тайны переписки и телефонных переговоров, а также обеспечения других конституционных прав.

Предоставить гражданам право обжалования в суде незаконных решений коллегиальных органов государства. Последовательно соблюдать презумпцию невиновности. Необходимо усовершенствовать законы о задержании и аресте граждан, так как задержание на практике используется для незаконного влияния на людей. Следует обеспечить гражданам возможность с момента их задержания пригласить адвоката. Необходимо усилить защиту чести и достоинства граждан, повысив ответственность за покушения на них.

3. НФЛ выступает за то, чтобы каждый гражданин мог в государственном учреждении ознакомиться с собранной о нем информацией и иметь возможность в судебном порядке оспорить достоверность этой информации.

4. НФЛ требует объявить преступления сталинского режима против латвийских беженцев на территории СССР в 30-е годы и против населения Латвии в 40—50-е годы преступлениями против человечества и опубликовать фамилии непосредственных организаторов и активных исполнителей этих и других репрессий сталинизма. Лишить их привилегий и государственных наград и привлечь к ответственности.

Отменить все правовые ограничения, которые еще распространяются на репрессированных лиц, оказать им моральную поддержку, возместить им материальные убытки и обеспечить их государственными пенсиями. НФЛ считает необходимым, чтобы компетентные органы пересмотрели все дела лиц, осужденных за политическую и религиозную деятельность.

5. НФЛ считает необходимым, чтобы все граждане Латвийской ССР, осужденные судом, отбывали наказание в своей республике, не допускать ввоза в Латвийскую ССР осужденных из других республик или размещения их в Латвийской ССР после отбывания наказания.

6. НФЛ выступает за свободный контакт граждан республики с гражданами других государств. Ограничения в выезде за границу и в возвращении на родину определить исключительно законом. Отказ о выдаче заграничного паспорта может быть обжалован в суде. НФЛ считает необоснованным ограничения передвижения иностранных граждан, охватывающие почти всю территорию республики. НФЛ требует отменить для граждан Латвийской ССР ограничения по свободному использованию побережья и прибрежных вод Балтийского моря для транспорта, рыболовства, водного туризма, отдыха и спорта, сохранив экологические заказники.

7. НФЛ требует восстановить право республики, признанное предыдущей Конституцией Латвийской ССР, на создание территориального воинского формирования, в котором могли бы нести обязательную воинскую службу граждане Латвийской ССР независимо от их национальной принадлежности. Разрешить лицам, религиозные или пацифистские взгляды которых не позволяют им служить в Вооруженных Силах, отработать соответствующий срок в народном хозяйстве.

8. Защищая важнейшее право человека — право на жизнь, НФЛ борется за мир и последовательно выступает за разоружение и демилитаризацию общества; поддерживает провозглашение Балтийского и Скандинавского региона зоной безъядерного оружия. НФЛ выступает за вывод оружия массового уничтожения с территории Латвийской ССР и за сокращение на ней видов обычного вооружения.

IV. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

1. НФЛ считает, что необходимо коренным образом пересмотреть национальную политику, которая опирается главным образом на сталинские догмы и доктрины. Любая нация, в том числе латышская, имеет право на существование в неограниченно продолжительном промежутке истории. НФЛ не поддерживает национальную политику, исходящую из представлений о том, что социальный прогресс неизбежно влечет исчезновение национальных особенностей. НФЛ выступает за сохранение национального многообразия как фонда ценностей цивилизации, оказывает конкретную помощь национальным меньшинствам.

2. НФЛ считает, что национальные вопросы необходимо решать с учетом демократических прав всех национальностей, проживающих на территории Латвийской ССР, исходя из принципа социальной справедливости. НФЛ принимает активное участие в защите этнических интересов всех национальностей, проживающих в Латвии, их языка, культуры, образования и религиозного сознания и категорически отвергает разжигание национальной розни, оскорбление и унижение национального достоинства любого гражданина Латвийской ССР. Защита родного языка и родной культуры должна стать долгом каждого гражданина республики, независимо от его национальной принадлежности.

3. НФЛ исходит из того, что латышский народ имеет в республике статус коренной нации, ибо Латвия является исторической территорией латышского народа, единственным местом в мире, где могут сохраняться и развиваться латышская нация, латышский язык и латышская культура. Поэтому НФЛ считает необходимым в качестве гарантии национального самоопределения латышского народа в законодательство о Советах и выборах в Советы включить принцип, согласно которому в Советах республики на любом уровне необходимо обеспечить постоянное и не снижаемое большинство мандатов, которые при любой демографической ситуации сохраняются за представителями латышской национальности.

4. НФЛ требует закрепить за латышским языком в Конституции Латвийской ССР статус государственного языка.

Латышский язык должен стать языком делопроизводства во всех государственных органах и учреждениях Латвийской ССР, а русский язык используется при федеративных сношениях. Граждане, обращаясь в государственные органы, учреждения, организации, предприятия Латвийской ССР, могут пользоваться как латышским, так и русским языком и получать официальные документы на любом языке по своему выбору. В сфере социального обслуживания должно обеспечиваться свободное использование латышского и русского языков.

В качестве средства межнационального общения граждане могут использовать латышский, русский и другие языки по взаимной договоренности.

5. НФЛ считает, что деформация национальных отношений, неконтролируемая, стихийная иммиграция ведет к необратимым потерям как для латышского народа, так и для коренного населения других национальностей республики (русские, евреи, белорусы и др.), в их культуре, языке и благосостоянии.

НФЛ призывает правительство Латвийской ССР к сотрудничеству с правительствами других республик с тем, чтобы на принципе добровольности помочь жертвам сталинской национальной политики вернуться на свою родину.

НФЛ призывает правительство Латвии обеспечить латышское национальное меньшинство за пределами Латвии, как и национальные меньшинства на территории Латвии, необходимыми условиями для их национального самосохранения.

6. Неконтролируемая иммиграция привела к тому, что латышский народ впервые за всю свою историю становится на своей территории национальным меньшинством и его дальнейшее существование и государственность находятся под угрозой. НФЛ выступает за немедленное прекращение иммиграции, но против выдворения любой национальности. НФЛ отвергает механическое объединение предков и влиятельных национальностей против их воли (например, в смешанных школах и смешанных детских садах).

7. НФЛ считает, что главной причиной обострения национальных отношений явилась проводившаяся в период сталинизма и застоя политика на-

ционального нигилизма, и призывает в целях совершенствования национальных отношений анализировать причины их деформаций и национальных конфликтов, знать и понимать историю депортаций, происходивших в Латвии в XX веке, вскрывать преступления сталинского деспотизма, направленного против латышского и других народов. НФЛ требует незамедлительного пересмотра постановлений июльского (1959 г.) пленума ЦК КП Латвии и дать новую оценку вызванным ими событий и их рецидивов. С исчерпывающей полнотой необходимо изучить историю латышских колоний на территории царской России и СССР, а также историю и жизнь латышей на чужбине.

8. НФЛ считает, что необходима объективная трактовка истории Латвии, особенно событий 1940 года, необходимо честно и гласно проанализировать и понять политические, экономические и социальные последствия этих событий. Необходимо признать, что включение Латвийской республики в состав СССР было проведено с применением силы и без выяснения мнения народа Латвии.

9. НФЛ призывает всех жителей республики, независимо от их национальности, сплотиться в борьбе с бюрократизмом, последствиями сталинизма и авторитаризма, принять активное участие в обсуждении политических, социальных, экономических и экологических вопросов как на латышском, так и на русском языках. Публикации, которые порочат или оскорбляют национальное самосознание и достоинство народов, искажают историю Латвии и разжигают межнациональную рознь, НФЛ считает несовместимыми с процессом перестройки и демократизации.

НФЛ призывает осознать, что от суверенитета Латвийской ССР зависит обеспечение самосохранения всех наций, проживающих на территории республики.

V. ЭТИКА

1. Важнейшей составной частью перестройки НФЛ признает моральное и нравственное оздоровление общества и каждого человека в отдельности, основывающееся на уважении к природе, к культурным ценностям, к труду и человеку. Необходимо формировать

такую мораль, которая основывалась бы на свободе личности, взаимной терпимости, уважении к человеку, честности, справедливости, состраданию и милосердию.

2. НФЛ выступает за приоритет общечеловеческих ценностей, за подчинение политики принципам морали, для которой народ и человек не средство, а цель.

3. НФЛ считает особенно необходимым возродить высокое нравственное отношение к труду, признавая хорошо выполненную работу и добросовестный труд главными носителями добра в обществе.

4. НФЛ поддерживает оказание бескорыстной помощи со стороны общественности людям, которым она наиболее необходима, — детям, престарелым, инвалидам, больным.

5. НФЛ признает роль религиозных организаций в нравственном обновлении общества и укреплении общечеловеческих ценностей. В процессе формирования правового государства важным становится определение и гарантирование правового статуса верующих граждан и религиозных организаций. НФЛ призывает к отказу от обязательного изучения атеизма в системе образования, к предоставлению возможности изучать вероучения на принципах добровольности.

6. Религиозным организациям всех конфессий предоставить возможность издавать общий еженедельник. На радио и телевидении предоставить церкви время для регулярных передач. Массовым тиражом издать Библию на латышском языке. Пересмотреть нарушения закона, допущенные против церкви в послевоенные годы. В случае необходимости вернуть общинам церкви и молитвенные дома, а также церковный инвентарь.

VI. КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

1. НФЛ признает, что каждый человек имеет право на изучение культуры и самовыражение в ней в соответствии со своими взглядами — в той степени, в какой они не противоречат общегуманистическим и демократическим принципам и ценностям. НФЛ отказывается от упрощенного деления культуры на прогрессивную и реакционную, выступает против ее вульгаризаторской идеологизации и

политизации и призывает к терпимости по отношению к различным явлениям культуры.

2. В многонациональном обществе следует с пониманием относиться к национальным чувствам человека, уважать его родной язык и национально-этические обычаи, преодолевать трудности взаимопонимания, вызванные различием культур. НФЛ выступает за защиту и уважение национальных обычаев, культуры и языка граждан всех национальностей, проживающих в Латвийской ССР, независимо от их национальной принадлежности. НФЛ отстаивает право коренного народа республики сохранять на своей этнической территории исторически сложившийся образ жизни и культуру, оберегать существование своей нации, языка и национальной самобытности. НФЛ считает, что механическое слияние наций и ассимиляция — это процесс, ведущий к деградации культуры.

3. НФЛ выступает за то, чтобы все вопросы, касающиеся культуры Латвии, оставались в компетенции республики, требует самостоятельности в установлении связей Латвийской ССР с зарубежными странами в области культуры, науки, образования, спорта и т. д., выступает за децентрализацию культурной жизни республики. НФЛ считает, что планирование любого социального-экономического мероприятия должно осуществляться с учетом последствий его влияния на культуру.

4. НФЛ призывает право всех жителей Латвийской ССР поддерживать неограниченные связи с соотечественниками в других республиках и за рубежом, вовлекая их по линии как общественных, так и государственных учреждений в единый культурный процесс. НФЛ считает, что культурная деятельность проживающих за рубежом латышей является составной частью национальной культуры.

НФЛ требует гарантировать возможность проживающим за рубежом лицам, а также зарубежным организациям участвовать в деятельности по сохранению, реставрации и развитию культурного наследия Латвии.

5. НФЛ призывает бороться с духом провинциализма в культурной жизни республики, выступает против того, что новейшие явления мировой культуры становятся известными в Латвии с большим опозданием, и требует широкого доступа общественно-

сти к сокровищницам мировой культуры.

Необходимо поддерживать систематические контакты в самых разнообразных формах и на разных уровнях в области культуры, образования и науки.

НФЛ считает необходимым издание информативного периодического бюллетеня о культуре Латвии на латышском, русском, английском, немецком, французском, шведском и других языках.

6. НФЛ поддерживает культурную автономию проживающих в Латвии национальностей, их стремление получить образование на родном языке, создавать общества, обмениваться информацией и развивать такую культуру, которая отвечала бы интересам всех.

7. НФЛ считает, что общественности необходимо предоставить возможность владеть всеми культурными ценностями, которые созданы в далеком и недалеком прошлом Латвии. НФЛ выступает за всестороннее изучение культурного наследия балтов на территории Латвии и за ее пределами, требует изучать, сохранять и популяризировать культурное наследие латгальцев и ливов, всесторонне развивать культуры всех этносов, проживающих на территории Латвии. НФЛ считает необходимой реабилитацию культурного и научного наследия прибалтийских немцев. НФЛ требует вернуть проживающим в Латвии народам культурные здания, которые построены на средства, пожертвованные народом.

8. НФЛ призывает к уважению народных обычаев и традиций, ритуалов и норм поведения (народные календарные праздники, религиозные праздники, проявления культурного искусства, захоронения и памятники), к уважению национальной и региональной символики, отражающей самосознание этносов. НФЛ выступает за изучение основ этнической культуры в школах.

9. НФЛ требует шире информировать общественность, для чего необходимо создание штатных должностей постоянных корреспондентов латвийских газет и журналов, телевидения и радио в зарубежных центрах политической и культурной жизни. НФЛ требует постоянно изучать все процессы материальной и духовной жиз-

ни республики и отражение их в сознании общественности.

10. НФЛ против некомпетентного и бюрократического управления культурой, образованием и искусством, против примитивного понимания идеологических задач культуры, а также финансирования культуры и образования по остаточному принципу. НФЛ против коммерческого подхода к культуре, подчинения ее рынку.

11. НФЛ призывает радикально улучшить подготовку специалистов культуры и образования по всем необходимым специальностям. НФЛ требует экономически и морально стимулировать развитие гуманитарных и естественных наук, занимающихся изучением Латвии и латышского народа и необходимых для повышения его духовного потенциала и самосознания.

12. НФЛ выступает за самостоятельность системы образования в Латвии и совершенствование его прогрессивных традиций. Средоточием учебного процесса должна стать личность ребенка. Надо отказаться от преувеличенной идеологизации дошкольного и школьного воспитания. НФЛ поддерживает радикальную реформу народного образования, в том числе требует создать систему для обучения специалистов за рубежом. НФЛ выступает за то, чтобы в системе народного образования Латвийской ССР, независимо от языка обучения, учебные предметы преподавались по единым планам и выработанной в республике программе, а также в одинаковые для средних школ сроки обучения. НФЛ выступает за автономию высшей школы и независимую академическую печать.

НФЛ требует отказа от военного обучения в средних школах, освобождения студентов от призыва к обязательной воинской службе, кардинальной реформы военного обучения в высших учебных заведениях.

13. НФЛ призывает сохранять народный опыт по созданию среды обитания и культуры ремесла, а также предлагает создать Институт национальной среды Латвии и восстановить возможность получить высшее образование по домоводству. Необходимо признать дизайн полноправным компонентом промышленного производства и повысить роль архитектуры в гуманизации пространственной среды.

14. НФЛ требует переименования

населенных пунктов, хозяйственных и других организаций, улиц, парков и других объектов и территорий. Названия которых были необоснованно изменены в период сталинизма, волюнтаризма и застоя, восстановить прежние названия в соответствии с историческими и культурными реалиями и нормами литературного языка.

15. Выступая против чрезмерной централизации информации и культуры, НФЛ требует отказаться от дублирования в программах Латвийского радио и телевидения передач Центрального радио и телевидения.

16. НФЛ считает, что наука республики является неотъемлемой составной частью ее культуры и активно выступает за приоритетное развитие фундаментальных наук, считает необходимым повысить понимание всем обществом, и особенно руководством республики, места и роли науки в решении проблем экономического, культурного и социального развития. НФЛ считает, что использование научно-технических достижений для развития народного хозяйства должно опираться исключительно на научные оценки, всесторонне охватывающие экономические, экологические, культурные и социальные аспекты, и учитывать общественные интересы во всем их разнообразии. Одной из важнейших задач науки в республике считать разработку компетентных, обоснованных и перспективных предложений по дальнейшему эффективному использованию творческого потенциала, рабочей силы и природных ресурсов. Не допускать использования понятия «научно-технический прогресс» для завуалирования некомпетентной и волюнтаристской экономической политики. В интересах приоритетного развития сельского хозяйства необходимо признать приоритетными и соответствующими отрасль науки.

17. НФЛ выступает за утверждение принципа демократизма и гласности в науке, за право ученых свободно высказывать свои взгляды, за независимость научных экспертиз и оценок от проявлений администрирования и ведомственной заинтересованности.

VII. СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ГУМАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

1. НФЛ выступает за право любого гражданина Латвийской ССР максима-

льно реализовать свои способности в избранной им сфере деятельности, получать заработную плату в соответствии с объемом и качеством выполненного им труда. Необходимо ликвидировать укоренившуюся в прошлом уравниловку в оплате труда.

2. НФЛ требует обеспечить всех жителей республики достойным человека прожиточным минимумом, учитывая подорожание жизни. Приоритет удовлетворения нужд человека нужно доказывать не декларированием, а практической деятельностью.

3. НФЛ выступает против проявления авторитаризма и бюрократизма в деятельности государственного аппарата, унижающих достоинство человека и превращающих его в средство выполнения инструкций этого аппарата.

4. НФЛ категорически выступает против существования касты номенклатурных работников. НФЛ считает, что любые привилегии в распределении материальных благ, в сфере социальных услуг, особенно в здравоохранении, в области рекреации, а также социального обеспечения несовместимы с общечеловеческой моралью и основными принципами социализма.

5. НФЛ выдвигает задачу добиться социальной справедливости между всеми регионами Латвийской ССР в развитии, по удовлетворению социальных и культурных потребностей и распределению продовольствия и промышленных товаров.

6. Одной из главных задач в решении социальных проблем и национального вопроса НФЛ считает нормализацию демографической ситуации. Следует создать эффективную систему юридических и экономических мер, которые способствовали бы прекращению механического притока населения. Необходимо осуществить неотложные меры по обеспечению коренного населения всех национальностей республики благоустроенными квартирами, детскими садами и другими услугами социальной инфраструктуры. Добиваться полной гласности в вопросе распределения социальных благ, прежде всего обеспечив контроль общественности за распределением квартир.

7. НФЛ считает, что в годы сталинизма и застоя семья была доведена до кризисного положения, поэтому необходимо повысить ее роль в общест-

ве, приравняв воспитание детей в семье к любому другому оплачиваемому труду, укрепить права матери, создать для женщины возможность полноценно выполнять роль матери в семье, усилить государственную поддержку многодетных семей.

8. НФЛ считает, что соответствие человека должности определяют не принадлежность к номенклатуре, партии, социальное происхождение и национальность или личные связи, а способности человека и результаты его практической деятельности.

9. НФЛ выступает за резкое повышение статуса образования и особенно гуманитарных знаний в обществе. Необходимо способствовать материальному и моральному обеспечению этого процесса, выступать против дискриминации интеллигенции в разных сферах экономической и социальной жизни.

10. НФЛ выдвигает задачу бороться против устаревших социальных доктрин, против отражения общественных процессов в духе сталинизма и неосталинизма, против фальсификации истории. Добиваться, чтобы планирование и прогнозирование социального развития опирались на объективные положения науки и служили обеспечению всестороннего и свободного развития человека, а не достижению узких политических целей или социальной демагогии.

VIII. ЭКОНОМИКА

1. Радикальная перестройка экономики возможна лишь одновременно с реформой политической системы.

Важным условием экономического развития являются гарантии всех прав человека. Ограничение политических, идеологических и других воззрений тормозит и экономическую деятельность. Развитие национальной культуры и самосознания стимулирует развитие экономики. Высоко нравственное отношение к труду воспитывается и этическими ценностями религии.

2. НФЛ считает, что экономика должна быть ориентирована на повышение благосостояния народа. Планирование экономики из самоцели должно стать средством достижения гуманных целей.

3. НФЛ признает необходимым конституционно закрепить за республикой право собственности на землю

и ее недр, на внутренние и территориальные воды, морской шельф, леса и все достояния, произведенные на средства государства и находящиеся на территории Латвии. Хозяйственная самостоятельность республики основывается на праве Латвийской ССР самостоятельно владеть своей собственностью, распоряжаться и пользоваться ею.

4. НФЛ поддерживает и активно способствует экономической самостоятельности Латвийской ССР — в отношении управления и развития производства, распределения продукции. Для достижения этой цели необходим переход республики на полный хозрасчет.

5. НФЛ требует отменить всесоюзное подчинение предприятий, организаций и хозяйств, банков, а также сетей, средств и систем транспорта, энергетики и связи, находящихся на территории республики.

К компетенции экономически суверенной республики относятся организация деятельности банков и денежного оборота, введение собственной валюты, установление порядка ее обмена и ее курса по отношению к другим валютам, в том числе к рублям как общей валюте СССР.

6. Необходимо резко повысить роль Советов народных депутатов в управлении народным хозяйством, в развитии и поддержании социальной инфраструктуры, в охране природы. Для этого необходимо создать эффективную систему налогов и платежей, при помощи которой в распоряжение местных Советов поступит часть отчислений от прибыли предприятий, плата за использование рабочей силы и природных ресурсов и другие платежи.

7. НФЛ считает, что развитие экономической демократии и чувства хозяина являются составной частью демократизации общества. Поэтому НФЛ поддерживает многообразие форм собственности (государственной, общественной, кооперативной, личной, частной), обеспечение этих форм собственности конституционными гарантиями. НФЛ поддерживает передачу государственных предприятий на основе договоров трудовым коллективам, кооперативам, общественным организациям, региональным учреждениям самоуправления и отдельным лицам.

8. НФЛ считает, что органы государственного управления не должны

непосредственно руководить хозяйственной деятельностью. Хозяйственные предприятия обязаны действовать самостоятельно, в условиях полного хозрасчета в соответствии с законом и заключенными договорами.

9. НФЛ выступает за самостоятельность Латвии в поддержании и развитии межреспубликанских и внешних экономических связей. В основе этих связей должен лежать эквивалент стоимости обменных товаров, выполненных работ или услуг.

Необходимо создать в республике благоприятные условия для инвестиций иностранного капитала, особенно капитала латвийских эмигрантов, и для двусторонней экономической и научно-технической деятельности, соответствующей интересам республики.

10. НФЛ считает, что структура народного хозяйства должна соответствовать реальным возможностям и нуждам республики; в случае необходимости следует планировать реперофилирование или даже закрытие отдельных предприятий.

НФЛ выступает за развитие народного хозяйства Латвийской ССР исключительно на основе местных трудовых ресурсов. В этой связи в республике необходимо в первую очередь снизить необоснованно большое количество рабочих мест.

Промышленность должна быть ориентирована прежде всего на наукоемкое производство, на местный научный потенциал, на эффективное использование трудовых и сырьевых ресурсов. Рекомендуются децентрализация и деконцентрация экономики и более равномерное территориальное размещение производства.

11. НФЛ признает приоритет сельского хозяйства и выступает за последовательное воплощение этого курса в жизнь. Важное значение имеет образование органов самоуправления и создание благоприятных социально-экономических условий, укрепляющих престиж крестьянина и способствующих возрождению села. НФЛ выступает за включение хуторского типа хозяйствования в общую систему хозяйственной деятельности и передачу земли крестьянам в постоянное пользование с правом наследования.

12. НФЛ считает, что в сфере производства и обслуживания, особенно на селе, должна и впрямь развиваться

кооперативная и индивидуальная хозяйственная деятельность.

13. НФЛ полагает необходимым обеспечить развитие экономической науки и образования на современном уровне и способствовать международному сотрудничеству в данной области.

14. НФЛ требует всестороннего и своевременного обсуждения при помощи средств массовой информации всех экономических программ и проектов строительства и реконструкции общественно значимых объектов. Необходимо проводить независимую научную экспертизу вновь возводимых объектов. Эта экспертиза должна отвечать не только техническим, экономическим и экологическим требованиям, но и определить, как проектируемый объект повлияет на национальный состав, уровень жизни и бытовые традиции населения соответствующей местности (населенного пункта). Все экономические и строительные программы должен утверждать соответствующий Совет народных депутатов.

15. НФЛ считает, что необходимо обеспечить защиту интересов граждан как потребителей товаров и услуг. Для этого должны быть созданы соответствующие социальные институты. Общественность должна регулярно информироваться о качестве основных продовольственных и других товаров.

Создать независимую инспекцию по определению качества продовольственных товаров.

Разработать закон, который установил бы уголовную ответственность за производство и реализацию продовольственных продуктов, содержащих опасные для здоровья вещества.

16. НФЛ считает главной целью развития экономики Латвии — обеспечение в первую очередь населения республики продовольствием и товарами народного потребления. Должны вестись постоянные исследования изменений уровня жизни населения, а результаты этих исследований публиковаться.

IX. ЭКОЛОГИЯ

1. НФЛ считает, что оздоровление окружающей среды должно стать важным направлением в деле сохранения физического и морального здоровья народа. НФЛ считает, что для использования природных ресурсов и защиты

окружающей среды необходимо разработать концепцию и программу по радикальному улучшению экологической ситуации. Для этого необходимо развернуть научные исследования и практическую деятельность по комплексному решению экологических вопросов в сотрудничестве с другими союзными республиками и всеми странами Балтийского морского бассейна.

Необходимо повышать общую экологическую культуру должностных лиц и других граждан. Экологическая экспертиза должна проводиться на стадии предпроектной и проектной разработки любого объекта с гласным обсуждением результатов экспертиз. Требования по охране окружающей среды должны соответствовать международным нормам.

2. Учитывая критическое состояние природы Латвии, НФЛ требует установить долгосрочный приоритет охраны среды и экологии. НФЛ выступает против строительства и расширения любого народнохозяйственного объекта и за прекращение его функционирования, если его деятельность может нанести вред окружающей среде.

НФЛ считает необходимым обеспечить полное возмещение причиненного ущерба и применение эффективных юридических санкций к организациям и должностным лицам, обеспечить эффективный контроль за хранением и утичкой промышленных отходов, не допустить строительство нового полигона для захоронения токсических и радиоактивных отходов. Регулярно публиковать данные о загрязнении среды и предполагаемых последствиях его влияния на здоровье и наследственность человека, а также о виновниках загрязнения. Народное хозяйство должно ориентироваться на экологически чистое производство, использование относительно безвредных энергоресурсов. Обеспечить строгий контроль за хранением и ввозом в республику опасных для здоровья и окружающей среды веществ, а также за их транзитным перевозом.

3. НФЛ выступает за экологически чистое сельскохозяйственное производство, за экологически обоснованное и рациональное использование лесов. Создавать новые и возрождать прежние природоохранные зоны в Латвии. Добиться, чтобы вопросы охраны и оздоровления окружающей среды ка-

сались и территорий, находящихся в ведении Вооруженных Сил.

4. НФЛ выступает за то, чтобы размещение промышленных, жилых и рекреативных зон соответствовало географической среде Латвии, за рациональное использование земель в сельском хозяйстве с учетом регионального рельефа, климатических особенностей и вида почв, а также за соответствие мелиоративных строений и коммуникаций географическому и культурно-историческому типу. НФЛ требует при использовании земли для добычи полезных ископаемых и для строительства объектов энергетики обязательной последующей рекультивации среды.

5. НФЛ поддерживает инициативу Латвийского фонда культуры по возрождению и приведению в порядок сформировавшейся в течение столетий культурно-ландшафтной среды, за сохранение культурно-исторического наследия.

НФЛ выступает за реформу административно-территориального деления республики в соответствии с историческими, географическими и этнопсихологическими реальностями.

НФЛ считает необходимым издание газеты или журнала, освещающих актуальные проблемы формирования и охраны природы и культурной среды.

Х. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И СПОРТ

1. НФЛ призывает кардинально улучшить здравоохранение, укрепить его материальную базу, повысить материальное обеспечение пенсионеров и инвалидов. Добиться, чтобы руководство республики увеличило валютные ассигнования для закупки импортного медицинского оборудования и медика-

ментов, а также возобновить издание журнала Общества врачей Латвии.

2. НФЛ полагает, что здравоохранение Латвийской ССР необходимо децентрализовать, создать исторически выверенную и наиболее приемлемую для нужд республики модель здравоохранения — систему больничных касс, позволяющих бесплатную медицинскую помощь успешно сочетать с оплатой, соответствующей значимости медика.

3. НФЛ считает осуществляемые меры борьбы с алкоголизмом неэффективными, поверхностными и унижающими достоинство человека. Борьба с алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией органично связана с решением всех социальных и экономических проблем, для чего необходимо выработать и осуществить долговременную научно обоснованную программу.

4. НФЛ выступает за то, чтобы важнейшие постановления по здравоохранению предварительно обсуждались в Обществе врачей Латвии и в коллективах медицинских работников.

5. НФЛ выступает за установление прямых и прочных профессиональных связей между медиками Латвии и других стран, особенно по обмену студентами и практикующими врачами.

6. НФЛ требует, чтобы всем жителям республики для укрепления их здоровья были доступны спортивные базы, выступает за уравновешенность развития физической культуры и спорта.

Добиваться, чтобы республиканские спортивные федерации могли самостоятельно руководить развитием и финансированием видов спорта и вступать в международные спортивные федерации. НФЛ поддерживает призыв восстановить Латвийский национальный олимпийский комитет.

СВОБОДА, РАВЕНСТВО И... НАШЕ НЕДАЛЕКО

Вы читаете этот материал, когда после учредительного съезда Народного фронта Латвии прошло около двух месяцев. Для меня — пишущего — съезд кончился позавчера. Очевидно, за этот промежуток итог съезда стал более ясным, кое-что отпало, кое-что налипло извне. Возможно, вновь избранная Дума уже создала рекомендации по конкретной деятельности Народного фронта на межсъездовский период и ознакомила с ними общественность. А возможно, сшила себе парики для пущей торжественности заседаний. Мне это неизвестно.

Я не собираюсь оспаривать или отрицать положительную идею Народного фронта или поносить общий положительный итог съезда. Но позавчера прошло, настал первый, второй день существования НФ, и вряд ли дитя будет сыто своим рождением. Кроме того, следует оценить уровень самого съезда, порожденных им настроений, слухов, провокаций под «бытовой национализм». Можно сложить сумму недостатков съезда из плохого перевода, плохого зрителя у телевизора, необразованного мигранта, не отличающего пафос стадиона от деловых инициатив, из оратора, спутавшего съезд с мероприятием попкультуры или скачками на ипподроме, из того, что рост самосознания масс проходит быстрее, чем рост культуры этого самосознания. Можно вообще все свалить на застойный период, ибо «общество обладает не только тем, что создает само, но также и тем, что оно получило от предшествующих времен». Но первое — следствие, а не причина, второе же не должно быть живо в благородных душах членов НФ. Так что будем танцевать от самого съезда.

По сравнению со съездом НФ Эстонии проделана недостаточная работа, чтобы перевести идеи июньского расширенного пленума Союза писателей

ЛССР на общенародный уровень действия. По существу, Программа съезда, так же как и резолюция пленума СП, сохраняет уровень программы «отношения». Кроме того — в целом творческая интеллигенция сохранила лидерство, не передала его в руки практиков, специалистов по жизнеобеспечению народа.

Привычный путь, насиженные стандарты еще заметны и в Программе, и в Уставе НФ Латвии. Например, помимо централизма вверх следовало обеспечить и «централизм вниз». Это, по-моему, одна из первичных задач при создании НФ. По-другому ее можно назвать так: исходить не из идеи и даже не из оценки того или иного состояния (экологического, социального и т. п.) республики, а из общего состояния народа. То есть — прежде чем решить задачу по преобразованию, выжить — как поднять народ на это преобразование. Решить не только социальную, но вместе с ней и проблему психологическую. Сделать уставной ситуацию, когда «централизм» работает на «низ» оргпирамиды НФ, на отдельного члена. Пока что «низ» привычным образом создает «верх», а «верх» лишь порицает и предает публичности гонения на отдельного члена НФ. А Фронт — народный... Значит, необходимо, чтобы «верх» пирамиды защищал каждого члена НФ в каждом его позитивном действии на благо идеи НФ. Используя при этом, если необходимо, все силы НФ. Мы считаем — если уж объявили хорошую идею и если провозглашена демократизация, то всякий практически потянется к ней. Не тут-то было. Это случилось бы, если бы люди почувствовали, что ситуация стала действительно необратимой. С другой стороны — сделать ее необратимой без массового участия не представляется возможным. Люди должны поднять голову, изжить раба в себе, духовно

возродиться к общественной жизни. Это произойдет тем быстрее, чем скорее люди почувствуют, что НФ для них — надежный тыл, что основа НФ — крепкая и деловая. Направленная на их благо, а не на жесткую грызню абстрактных идей. Только при таких условиях «низы» по-настоящему придут в НФ. Подумайте, отчего самые острые конфликты по созданию опорных групп НФ, самое большое противостояние исходят от заводской администрации, управленцев, органов внутренних дел, среднего партийного аппарата? Потому, что бюрократия всеми силами защищает свои мощные бастионы полицейской власти, потому, что именно здесь спрятаны механизмы по созданию бездумного волеизъявления «народа». Что мы можем гарантировать людям, если они начинают в этих местах защищать перестройку по существу? Слишком мало. Устав НФ Латвии пока что гарантирует потребление человека в своей организации и в недостаточной мере его — как члена НФ — статус.

«Очевидно, в данной ситуации, когда реальный процесс создания НФ еще далеко не закончен, когда НФ борется за, по возможности, более широкую поддержку (я по крайней мере очень надеюсь, что такова цель НФ) не только среди латышей, но других народов Латвии, лучше всего следует опасаться анархии. Лучше переборщить с дисциплиной, чем недооценить ее» (из личного письма). Резонное замечание. Создана ведь организация, которая должна быть приведена в действие. Не дискуссионный клуб, в рамках которого демократию можно представить лишь на уровне права выражать свои взгляды. Дисциплинировать себя для конкретной цели, дисциплинировать свою мысль и язык для реальной оценки возможного действия. Демократия — это прежде всего стиль работы. Правительства и всякого радеющего за народ. Ибо народ — не подстилка для межгрупповой склоки.

Один мой давний коллега, русский, позвонил мне вчера и сказал, что — пусть бы говорили ораторы всякое да разное, это воспринималось бы нормально. Непонятно то, почему совершенно разные, кардинально противоположные мысли получают одинаково бурную поддержку делегатов. Все встают, хлопают, машут мандатами. И тому, что критикуют первого секре-

таря ЦК, и тому, что он только что избран, и тому, кто похвалил подряд все режимы в Латвии, и тому, кто призывал к милосердию, и тому, кто хотел крови сталинских инквизиторов... Театралы назвали бы это катарсисом. Но, очевидно, многие делегаты не осознали своей роли, своей избранности на определенную задачу и, действительно, приехали посмотреть, что же будет, что же скажут привычно популярные люди, какие новые лица появятся. Как зрители они не были разочарованы... Но выполнили ли они свою задачу? Решили ли мы: с чего начать завтра? Ведь каждый делегат по существу задач НФ — взялся быть лидером времени возрождения. Выяснилось ли на съезде, каким образом митинговый, парковый и площадной стиль работы превратить в деятельность по отдельным проблемам на каждом месте? Или это должно делать, как привыкли в застое, одна Дума?

Меня разочаровали как политики все лидеры неформальных групп. Им представлялась небывалая до сих пор возможность, их аудиторией была вся республика. Никто из них не использовал эту возможность, чтобы раскрыть, насколько содержания и планы его организации содержательнее, конкретнее общепартийного уровня. Насколько прогрессивнее и целенаправленнее поставлено дело в их группах. С большим или меньшим пафосом прозвучали привычные митинговые речи и получили богатые аплодисменты. С точки зрения любой серьезной, становящейся организации упущение возможности сопоставления своих прогрессивных, надежных, целей с низким потенциалом стагнации и формализма — профанство. Неформалы, очевидно, посчитали, что съезд или НФ — это их новая освоенная или завоеванная «территория», на которой сначала следует провести миссионерскую работу. Но тем самым разноречивость интересов отдельных групп, входящих в НФ, не была приведена к конкретным точкам соприкосновения. Задача синтеза этих интересов через НФ была оставлена на потом. Я даже склонен думать, что созидание пафоса и повторение изначального перечня требований или просьб — есть все, на что способны нынешние лидеры неформального движения. Кроме того, я считаю комплекс нерализованной власти плохим двигателем. Конечно, понятно, что формы

общественного самовыражения народа новы, что дилетантство, крик, показ не сути, а ярких перьев своих даже правомерны. Я считаю, неформальное движение необходимой позитивной силой, а слишком затянувшуюся неспособность властей оценить ее как таковую, тем более — стимулирование производства различной лжи об этих организациях — лишь инфантилизмом самих властей, их неумением действовать сообразно ситуации и своему статусу. Но по поводу неформалов меня занимает вопрос — насколько программа, до какого уровня действительна позиция выхода «из обратного». Как у Олега Григорьева:

Шли вперед, пришли назад,
Значит, круглый этот сад,
А потом наоборот —
Шли назад, пришли вперед.

Это стало бы ясным, если бы неформалы, выдвигающие определенные, в большинстве своем справедливые идеи и требования, сами звались быть их исполнителями. Если в неформальных группах не будут выработаны программы внутреннего развития, им через пару лет грозит обывательство. Именно оно, а не бюрократия — злейший враг НФ, потому что оно будет довольствоваться приколочиванием супернациональных лозунгов к трухлявым косякам.

Правомочен был вопрос о рабочем представительстве в Думе Народного фронта. Не ради достижения определенного процента этого представительства, — это не суть важно (рабочие в Думу вошли), — а по существу. Необходимо, чтобы в Думе были не просто активные рабочие, радеющие за общие идеи, а люди, способные применить эти идеи к интересам рабочих, представлять в Думе и осуществлять через Народный фронт эти интересы. Не имеет существенного значения, будут ли эти представители наладчиками, токарями или инженерами, адвокатами. . . Важно, чтобы рабочие их сами выбрали, доверяли им и могли с них спросить. Чтобы не получилось, как с созданными порой без участия рабочих советами трудовых коллективов или профсоюзами, которые продолжают быть выразителями воли и контрольным рычагом в руках администрации, а не рабочих. Исправление (где нужно) этой нелепости, по моему, и есть одна из задач опорных групп НФ на предприятиях. Могут спро-

сить — чего ж ты, раз такой умник, не встал и не сказал об этом на съезде. Потому как видел, что ребята, которые подняли этот вопрос, чувствуют, что правы, но не знают, кого предложить, и справедливое их требование на словах звучит как просьба механически поднять процент представительства. Я надеюсь, что на предприятиях будут создаваться крепкие опорные группы НФ, что они будут созданы с целью осознать и улучшить положение рабочих, а не просто чтобы использовать их количество для пустозвонства о большом участии коренного класса в НФ.

Съезд своеобразно напомнил одну обязанность — знать свой народ не на уровне «литературно-интеллигентской» брехни о потных сердцах, промасленных робах, рабочей походке и священной стружке, а, так сказать, на месте, в его жизни, в его быту, в его скорби. Не подлаживаться и не подкладываться под него. Или — тем паче — не карабкаться в чистюли, черня народ, а разговаривать, мыслить и трудиться с ним на равном уровне глаз. Не забудем, что мы — называющиеся интеллигенцией — вышли в первом ли, втором ли, третьем . . . поколении не из столбовых дворян, не из французских гувернанток, а из тех же рабочих и крестьян. И что наше — интеллигентов — духовное равнодушие, полуграмотность вшивее и безысходнее самой лютой безграмотности. Это прозвучало в возгласе: «Видели мы эту власть рабочих!» В том-то и дело, что ее мы как раз и не видели. Иначе хоть рабочим, может быть, жилось бы лучше всех. Мы видели вывеску, что — заходи, мол, тут пролетарская власть. И эта подмена сути в сознании делегата съезда равна той подмене, когда дурость, обусловленная властью, рисуется с национальным — русским или латышским — лицом.

Заодно хочу сказать, что, несмотря на весьма многочисленные, порой грозные упреки за сказанное мной на пленуме Союза писателей второго июня, остаюсь при том, что у нас вырос весьма заметный слой «люмпен-пролетариата» и что ему под стать часть интеллигенции. Как иначе прикажете называть несунув, беспробудных халтурщиков, умельцев получать зарплату не работая и прочих подобных? Или же интеллигента, который не хочет таким быть, а лишь считаться? Я понимаю, что из шиза сапог не сделаешь, то

есть — нельзя винить рабочих в тех несчастьях, причины которых от них не зависели. Вот еще одна задача опорных групп НФ на предприятиях: выяснить, какие причины «местного» характера мешают нормально работать, нормально получать за труд, нормально жить. И устранить эти причины. «Судьба НФ и всей перестройки будет решаться не в картинных галереях, концертных залах и вузовских аудиториях, а на фабриках и в колхозах. К тому же не считая, что творческая интеллигенция, которая так восторгается всяким новым мероприятием, способна на долгую, терпеливую и скучную политическую работу» (из личного письма).

Мы взяли на съезд целый чемодан привычек прошлого. Занимательно, но тревожно было смотреть, как прошли своего рода «фольклоризацию» чисто застойные, характерные для власть имущих привычки. И вставание, изначально — по чести выступавшего, а потом — со все возрастающей частотой, с насыщением этого оказания почести все более ощутимым элементом брежневского фарса. Можно было увидеть привычку давить любое инакомыслие с ходу, не разбираясь, в чем дело. Желание разделить все на «белое» и «черное», определить противника «как класс», а не по существу каждого явления. Чтобы освободиться от этих «традиций», от этого «ритуала», необходимо создать Думу не как сидячий и решающий, а как исполнительный орган. Лично я, если окажется, что лишь торчу в Думе, попрошу через полгода исключить себя из нее.

Возможно, мне все же больше пришлось писать о пользе НФ. Действительно — не итог съезда, не принятые основные документы НФ, не основное русло процесса становления Народного фронта, та сумма коренных тезисов, вокруг которых он сплотился: поддержка перестройки, экономический суверенитет, правовое государство, единение всех прогрессивных сил... не могут, по-моему, вызвать противостояния кого-либо из здравомыслящих людей. Возможно, мне действительно следовало написать — особенно если я это делаю по-русски — что-то вроде положительного анализа публикуемой в этом номере Программы НФ. Но нам — жителям республики — вместе придется развивать ситуацию перестройки, в том числе — совершенствовать Народный фронт. Возможно, моя

критика обрадует людей со стороны или кое-кого из противников перестройки. Моих противников. Меня же волнует не злобность, не злорадство тех, кто заведомо не желает рассмотреть сущность проблемы, кому хочется вернуть гармонию недавно минувших дней. Я пишу критически именно потому, что вижу в этом средство обрести реальных союзников НФ. Реальных членов, а не крикунов. Ощутимую поддержку НФ среди каждой национальности. Опыт самодовольства еще несколько лет назад был у нас государственным явлением, и если он будет определять стиль НФ, значит, мы никуда не сдвинулись. Может быть, лишь поменяли знак жизни или ее цвет.

В известной мере, первому съезду НФ предопределено было быть именно таким. Предложите любую другую национальную, социальную пропорцию людей, но чтоб большинство из них также было впервые призвано не только слушать и голосовать, но и выражать свое мнение о судьбе республики. Был бы другим уровень демократичности, уровень конструктивности, уровень политического разума, если бы съезд вели вы, дорогой читатель? Я бы смог съезд провести иначе, только четко редактируя список выступающих. То есть — тормозя, обрывая, призывая — создал бы чрезмерный шумбур. Редактирование же списка выступающих считаю недопустимым. Для себя работал, а не для телевидения. И — где нам до сих пор было учиться реальной политике, где была наша школа общественной культуры? Может быть, в контактах с госучреждениями? Со своими начальниками? На откровенных, всесторонних дискуссиях политзанятий? Не было у нас этой школы. Да и в последнее время мы ее «проходили» не в нормальном диалоге «формальных» и «неформальных» сил, а каждый про себя. Одни в парках, другие — в кабинетах. Вот мы и плыли на съезде как могли. Чувство, что завтра перекроют кислород, очевидно, осталось. Потому желание выговорить накопившее, выразить его нарочито резко, чтобы задеть власть имущих, преобладало над поисками пути.

По существу, у нас не было после войны и нормального опыта межнациональных отношений и на уровне культур. Административная политика республики как бы нарочито создавала различные благоприятные ситуации для

недружелюбности латышей к русским, с одной стороны, и никоим образом не способствовала стабилизации культурного сознания русского населения Латвии — с другой. Более того — очаги русской общественной культуры были погашены. Вот это и есть одна из причин, почему участие латышей и русских в НФ неравномерно. Будем открытвенны! Ведь на человеческом уровне, на рабочих местах, на местах, где люди озабочены одной идеей, где их дух и душа богаты, в личном знакомстве — нет у нас этого взаимного неуважения. Почему же именно социальный уровень делает нас толпой, толкает порою на позиции взаимного противостояния? Можно было составить список на пару страниц из тех явлений социального порядка, которые будто невзначай ставят нас на «взаимнообирающие» позиции. Мы уже к этому привыкли — и иногда мыслим на уровне подглядывания друг за другом: как бы русские не отхватили нашего, как бы латыши не подложили нам свинью со «своим» Народным фронтом. Разве не так? Будет бы ясно, что, постулируя демократию, постулируя базирование на Декларации прав человека, должно исключаться любое посягательство на ущемление этих прав или достоинства любого народа. В том числе, если вопросы касаются гражданства, объявления какого-либо языка государственным или даже прекращения миграции. Я надеюсь, что латышскому языку статус государственного присвоен для решения проблем коренной национальности, а не для указания места другим языкам «за» латышским. Необходимость решения двух остальных вопросов, по-моему, определяет состояние республики и с точки зрения национального мотива (при условии обеспечения правового государства), в этом, по-моему, заинтересованы представители любой народности, составляющие население Латвии. Среди этих граждан не должно быть «первых» и «вторых» народов. В программе НФ оговорено, что коренная национальность решает свои проблемы, не притесняя другие народы. Теперь, через пару дней после съезда, поговаривают о создании альтернативных Народному фронту групп. По существу — на основе тех же идей. Если даже ситуация породит такие группы, то не вижу смысла ставить их в оппозицию НФ. Пусть они создаются со своим, если это так уж необходимо, уставом,

где были бы оговорены отличные от общей направленности НФ взгляды, но пусть действуют совместно с НФ, а не наперекор ему. Зачем это? Если мы будем создавать движения за перестройку каждый на своем огороде, мы эту перестройку разнесем на куски. Поэтому надо учиться на ошибках, создавать не альтернативные группы, а созывать форум народов республики, создавать лигу содружества, хотя такой лигой мог бы стать и сам Народный фронт.

Но все же — чем сам съезд способствовал подозрению, что документы НФ одно, а «на уме» другое, почему обострил «бытовое» трение? Можно, безусловно, извиниться за существенный сдвиг информации из-за некачественного перевода или за личные мысли отдельных выступающих. Но дело еще и в том, что было достаточно проявлений, уровень политической культуры которых, несмотря на высокий пафос и независимо от резкости взглядов, был не намного выше культуры тех, кто сделал по съезду дурные, ложные выводы. «Вы, может быть, скажете, что это все понятно, — не было опыта, что был учредительный съезд? Абсурд. Именно потому, что это был учредительный съезд, работать надо было не только в период его подготовки, но и во время съезда (...). Неужели уважаемые в народе и популярные работники культуры — лидеры НФ были так наивны, что верили тому, что люди, прожившие свой век в антидемократическом обществе, вдруг ни с того ни с сего освоили высшее искусство демократии — Искусство Самоограничиться? (...) Разве специалистам не ясно, что доминирующий уровень образования позволяет злостным противникам перестройки, о которых лидеры НФ трещат на каждом углу, провоцировать людей на самые злостные выходки» (из личного письма).

Съезд конвульсивно отряхивал вчерашнее с тела общества. Пытался это сделать. Порою наделяя идолов вчерашнего новыми именами. Это неизбежно. Игнорировать «традиции», созданные застоем, их присутствие в нашей жизни, в нас, в отношениях между народами, это то же, что отвергать влияние обстоятельств или истории на человека. На бытовом уровне это может вылиться в драку, шантаж, неразумные действия работников внутренних дел... На этом могут «кор-

миться» алчущие лидерства, а не блага народа. Съезд необходимо оценить всесторонне. И как новый сдвиг общественного участия в сторону демократии, и исходя из того, что «... было и тревожно, потому что мои сыновья, возвращаясь после занятий, рассказывали о пессимистических настроениях товарищей: мол, русским теперь будет плохо.

Чувства мои противоречивы. С одной стороны, мне, как неудачнице, хочется крутых перемен, пусть даже кое-кому будет от этого плохо («Пусть сильнее грянет буря!»), с другой стороны, во мне проснулся ранее убаюканный многими причинами голос солидарности со своим народом, в общем-то терпеливым и добрым, но оболваненным и продолжающим в большинстве своем оставаться послушным орудием чужой воли.

Есть у меня и другие опасения, они родились во время пресс-конференции, я смотрела на официальные лица, и сразу стало неуютно, подумалось, а что если все демократические идеи и предложения будут оттеснены, оста-

нутся в меньшинстве и чаяния многих страдающих людей сникнут, опять перейдут в подводные течения, область несбыточного» (из личного письма).

Трудно делать жизнь со все еще полуокаменелым духом, при живых старых мифах и предрассудках. Мне кажется, что любая революция, орудующая принципом насилия как закономерностью, — ложна. Если в наших действиях — в духовном ли, физическом ли плане, в становлении организации по «пересортировке» мира — проявляются элементы такой закономерности, значит, в наших призывах к демократии есть ложь. Мы мудствуем, создаем заумные структуры, уплотняем кучу иностранных слов: экономика, социальное, демография, суверенитет... Не колдуем ли мы над новыми «волшебными» средствами, которые **дадут** нам то, чего мы хотим? Ведь, по существу, необходимо лишь одно — сделать бытие человеческое естественным. Найти пути и инструменты, чтобы это сделать. Или же борьба за существование выразится в поедании духа и души идущего рядом.

Семен Гельберг. Голос мира [А. Вышинский]. 1949 год

НАД ПОЛЕМ И НАД ЛЕСОМ

Перевел Александр ШАТАЛОВ

ЗНОЙ

... душно так и тихо так целый день над рожью!
От бессилья эта вялость или просто срок
стеблю силу набирать новую, чтоб позже
снова выпрямиться, став острым, как клинок?

Самый тяжкий, долгий труд — в зной под солнцем
летним,
словно свернут в мокрый жгут воздух пред грозой,
незаметный, как пчела в вереске вечернем,
самый тихий труд из всех, самый непростой —

внутренний... Он скрыт от глаз в глубине колодца,
в молнии, пока она пламя не взметнет...
Душно так и тихо так под палящим солнцем,
рожь, полегшая в жару, медленно встает.

ОКНА

До птицы летящей, стремящейся солнце познать,
До зерен оброненных, до осзаянья предмета,
До мелкой пылинки, что будет в снегу расцветать,
До утренних звезд пронизательный... Только
не это!

До простоты обнаженной негнушейся ветки в окне,
До потемневшего дерева... Хватит, довольно!

И значит...
Нет, столько света сегодня не вынести мне!
Нет, не могу — и все окна на улице плачут.

НАЧАЛО

Зарей опоясавшись, утро ступает,
и слаб еще теплого ветра порыв.
Проснувшись, земля под туманом вздыхает,
как мать молодая, глаза приоткрыв.

Зрачки ее светлые смотрят привычно
на чистый газон и затертый порог,
на пулю, застрявшую в кладке кирпичной,
на скачущих птиц и забуценный лог,

Латышский поэт Ингварс ЯКАЙТИС родился в 1949 г. в Риге. После окончания средней школы учился в Рижском медицинском институте, был рабочим сцены, лаборантом, фельдшером, рабочим мелнорационной экспедиции. В 1977 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького при СП СССР. Работал в журнале «Карогс» редактором отдела публицистики. С 1986 г. — секретарь СП Латвии, председатель совета по переводу латышской литературы.

Изданы книги стихов: «За городом море» [1977], «И услышит день» [1981], «Первые заморозки» [1986]. Переводил на латышский язык произведения Т. С. Элюта.

Стихи И. Якайтиса переводились на русский, украинский, польский, английский, датский языки.

на то, как по улицам утро ступает,
на мраморных нимфах оставив свой след,
на то, как у плеч его облачко тает,
как память о счастье, которого нет.

* * *

Неужто март? Опять слепит до боли солнце,
просвечивая всходы и обнажив ручьи,
на ветки нанизав лучи, как будто кольца . . .
Мне кажется, что я моложе в эти дни.

Но вот листва кружит и эхо бродит гулко,
что было и что будет, стремясь познать скорей.
Со мной — рука в руке — торопится дочурка,
звеня на все лады, как мартовский ручей.

Ужели время вспять пошло и нету смерти,
и набухает почка, но, жаль, не в свой черед?
Да нет, октябрь! Давно смешалось все на свете,
и изморозью яблоня навстречу дню цветет.

НА ЛУГУ В ОБЛАКАХ

На теплой землице — теплей не бывает —
лежу, безуспешно пытаюсь уснуть.
То вдруг надо мной солнце косы сплетает,
то прыгает резвый кузнечик на грудь.

Сквозь стебли волос пробивается клевер,
капустница сесть норовит на плечо,
дыхание трав уплывает на север,
волною меня окатив горячо.

Я в реки впадаю и с рощей сливаюсь,
и сам по себе, как дорога, кружу.
С корнями цветов и деревьев сплетаюсь,
над Латвией облаком белым скольжу.

Все вместе над полем и над бездорожьем
мы в лето летим, чтобы страх одолеть,
и кто запретит верить в то, что возможно
вот так бесконечно лететь и лететь?

СКРИП ПЕСКА

Ну вот и вечер наступил — а думать неохота,
скрипит песок и, замерев, не движется вода.
Оглядываюсь, кажется, меня окликнул кто-то,
но нет, всего лишь эхо звезд доносится сюда.

Песчинок хору что сказать? Что на вопрос ответить?
Так бесконечен берег морской и ветра хрип сухой.
Лишь солнце, в волны уходя, случайно их осветит,
расплывшись каплей кровавой по зелени морской.

И скрип песка, и берег вдаль уходит многоточьем,
созвездья, в устье рек толпясь, друг с другом говорят.
Скрипит песок перед большой, почти бескрайней ночью,
пред новой жизнью облака еще сильнее горят.

ЛИСТЬЯ НА ВЕТРУ

В своей оторванности вечной,
я — лист, гонимый ветром, или
журавль, грустящий бесконечно
о родине на желтом Ниле?

На чердаке, вдали от света,
я — скрипка со струною рваной
иль бьющийся в ладони ветра
распятый лист, как след от раны?

Нет, осень, дай мне оторваться,
упасть как яблоко на землю,
плодом репейника взорваться,
стать семенем крылатым ели . . .

* * *

Но все же пора уж кузнечнику верить.
Загар ненадежен, как хвоя в лесу.
И пчелы садятся еще не на вереск,
а липовый мед в свои ульи несут.

Но тмином уже терпко пахнет одежда,
и шаг оплела земляничная плеть,
и клин журавлиный, тоскливо, как прежде,
опять будет в небе над нами лететь.

Горьки еще алые грозди рябины,
шум леса не начал еще утихать,
и близится жизни моей середина,
и время пришло уже землю пахать.

РОЖЬ

Как будто в полдень ничего вокруг не происходит,
лишь нива шелестит, хотя не шелохнется рожь.
За лесом около небес гром осторожно бродит,
ворона греется в пыли, пока не хлынул дождь . . .

Приходит время для зерна . . . И солнца отсвет нежный
на поле желтое кладет бледно-зеленый блик.
Такой над Латвией моей царит покой безбрежный,
как будто знает, что в зерне случится через миг.

Еще не вылетел на свет из почки лист зеленый,
да и вообще, что мне дано узнать о миге том,
когда рождается во тьме зародыш жизни новой,
чтоб повторяться всякий раз во времени ином.

Нет ничего, лишь шелестит почти неслышно нива,
хотя не шелохнется рожь . . . А время все течет
внутри тебя . . . И не понять, куда летят счастливо
секунды пчелами из недр, в которых спрятан мед . . .

УНИВЕРСИТЕТАМ— СВОБОДУ ПЕЧАТИ!

Воистину мы живем в эпоху ошеломляющих перемен. Недавно в «Правде» анализом основных издательских проблем академической науки в статье «Идею за копейки» занялся директор издательства «Наука» С. Чибарев. И я хотел бы начать свой рассказ с воспоминания С. Чибарева о том, что петербургский издатель П. Сойкин еще до революции печатал «небольшими тиражами сочинения Ильина (В. И. Ленина)». Есть все основания сомневаться в том, чтобы в условиях всепоглощающей административной централизации и контроля издательского дела, охватившего наше государство во время культа и застоя, произведения нового «Ильина» могли бы увидеть свет. Некоторые завалы на путях научных публикаций, правда, в последнее время убраны. Однако произведенные реформы пока носят всего лишь косметический, а не радикальный характер. Пока все еще актуальны слова знаменитого английского философа Дж. Мильтона о том, что «ордонансы об ограничении свободы печати представляют собой не что иное, как распятие рукописей».

Когда Совет Министров Латвийской ССР предоставил самостоятельность двум старейшим и крупнейшим вузам республики, Госуниверситету и Политехническому институту, это было воплощение в жизнь изложенного М. С. Горбачевым на XIX Всесоюзной конференции КПСС тезиса о необходимости прежде всего демократизации обстановки в науке, преодолении бю-

рократизма и администрирования, консерватизма и монополизма. «Надо открыть простор для максимального проявления талантов и творческой инициативы, для самоуправления, равноправной состязательности, конкурентности научных идей и мнений».

Ряд аспектов этой цитаты заслуживает пристального внимания и глубокого обсуждения. Никто не станет отрицать, что осуществление подобной важной политической установки невозможно без усиления и модернизации нашей полиграфической базы, для чего необходимо усовершенствовать и финансирование этой области.

По случаю празднования семидесятилетия нашей революции я решил проверить, далеко ли по пути демократизации за эти десятилетия ушло наше вузовское издательское дело, и с этой целью заглянул в Полный Свод законов Российской империи, в коем обнаружил, что в период мрачной реакции, последовавшей непосредственно после революции 1905 года, университеты обладали правом «издавать периодические труды ученого содержания и иметь собственные типографии и книжные лавки на общем основании». Таким образом, университетские свободы в этой области где были, там и остались, а некоторые наши вузы и того не достигли. Многие из них не обладают своей типографской базой, что чрезвычайно затрудняет обеспечение учебного процесса и почти сводит на нет развитие собственной вузовской науки. Типографская же база

более «удачливых» вузов, имеющих свои типографии, чаще всего сильно устарела.

Наши университеты также остались при прежних правах «издавать периодические труды ученого содержания», не обладая правом издания научных монографий. Монополию на них имеют лишь издательства системы Академии наук СССР и союзных республик. Масштабы отрицательных последствий подобного порядка трудно даже себе представить. Получается, что ученые, работающие в системе Академии наук, априорно умнее и посему имеют право на издание научных монографий в рамках своей системы, а университетские профессора заведомо глупее и тем самым не заслуживают права на издание своих монографий в вузовских издательствах.

Неискушенный читатель скажет, что положение совершенно абсурдно, ибо если Эйнштейн, Кант и Гегель не имели бы возможности издавать монографии в университетах, в кои они работали, то еще неизвестно, стали бы они Эйнштейном, Кантом и Гегелем. А ведь они все трое творили в государстве, которое всегда отличалось всепоглощающим государственно-полицейским регулированием всех сторон жизни общества. Однако там до такого не додумались.

Наш секрет заключается, видимо, в том, что системе академической науки явно выгодно сохранить почти полную монополию на монографии, поскольку вузовские ученые должны обращаться в академические издательства (вне академической системы правом на издание научных монографий обладают всего несколько центральных издательств). В условиях же нынешних, крайне стесненных издательских планов академические издательства, включая редакции научных журналов, естественно предпочитают издание работ авторов своей системы. При этом научный уровень работ приобретает второстепенное значение, ведомственные интересы берут верх и на заседаниях академических издательских советов. Работы вузовских ученых издательских планов сплещу и рядом беспощадно вычеркиваются. Тут академическая наука, так сказать «по штату», получила возможность определить научный уровень вузовских ученых и отсеивать их.

Более того, принимаются меры, чтобы подобную систему закрепить и в

эпоху революционных перемен всех структур нашего общества. Так, на Все-союзном совещании о перестройке выпуска ведомственной литературы в свете современных требований, проведенном в ноябре 1987 г. Госкомиздатом СССР в Москве, против передачи права на издание научных монографий вузам выступал только представитель Академии наук СССР. Видимо, академической науке выгодно отсутствие конкуренции со стороны вузовских ученых, когда их собственные великие или скромные достижения выглядят гораздо более весомо.

Но допустим, что, отчаявшись преодолеть бюрократические препоны, ученые решат создать свой издательский кооператив. Оказывается, этого никак нельзя сделать! На упомянутом совещании представитель Госкомиздата стеною стал против отмены действующих запретов в этой области. С великим сожалением отметим, что в Уставе о цензуре и печати Российской империи были закреплены более демократические правила, согласно которым «дозволение на учреждение заведений, производящих принадлежности тиснения, дается всем лицам без различия, имеющим право заниматься торговлей и ремеслом». А в другой его статье сказано, что «желающие завести типографию, литографию, металлографию или другое подобное заведение для тиснения букв и изображений должны на то получить дозволение . . . от Губернатора или Градоначальника». Более семидесяти лет после Великой Октябрьской социалистической революции в силу исчезновения «губернаторов и градоначальников» как класса давать такое разрешение кооперативам просто стало некому. Может быть, есть опасения, что множительная техника станет использоваться не по назначению, что могут появиться издания, наносящие ущерб нашему государственному строю? Тогда почему этого не боятся практически ни в одном другом развитом государстве? Разве наш строй такой слабый, что есть опасения за его устойчивость? Конечно же, такие страхи сегодня беспочвенны. Демократизация издательского дела представляет опасность не для социализма, а для административно-бюрократической системы управления, враждебно относящейся ко всяким попыткам сокращения сферы, подлежащей ее регулированию и запретам.

В современных развитых государствах, конечно, открытие издательства и типографий подлежит той или иной регистрации в госорганах, но множительная техника типа ксероксов и принтеров вообще находится в свободной продаже.

Есть в университетском издательском деле и другие проблемы. Всякому ученому известно, что создание любого письменного труда стоит немалых средств из собственного кармана автора. Тем не менее, что бы из «разрешенных» трудов ученый ни печатал в своем вузе, никакого гонорара он за это не получает, независимо от их качества, несмотря на то, что любое из этих изданий, если оно не относится к мелким методическим пособиям, имеет на обороте продажную цену. Выход из этой нелепой ситуации был бы возможен посредством дачи разрешения продажи вузовских изданий не только в собственных «книжных лавках», но и через сеть общегосударственной книжной торговли на договорной основе, сочетая интересы автора (который по закону имеет право на гонорар), издательства и книжной торговли.

Для осуществления этого, однако, необходимо добиться еще двух целей — более высокого научного уровня содержания вузовских изданий и значительно более качественного их оформления. К сожалению, по данным самих издательств, около 80% трудов вузовских ученых пока нельзя отнести к «бестселлерам», а устаревшая техника не позволяет их качественно оформить.

Что мешает продвижению в издательства талантливых работ? Профес-

сор С. Чибарев пишет, что в подчиненном ему издательстве этому мешает существующая система «разверстки» лимитов на полиграфические работы по институтам. В вузах причина, собственно, та же — существующая плановая разверстка лимитов по факультетам и кафедрам, которую следовало бы заменить конкурсной системой отбора наиболее талантливых, а не «очередных» работ. В существующую систему пока «таланты» не вписываются. Однако это могли бы решить сами вузовские советы.

Следовало бы отказаться от абсурдного порядка ограничения количества листов, которое по лимитам Госкомиздата имеет право напечатать издательство каждого вуза, вне зависимости от возможностей добычи им бумаги. Во-вторых, полиграфическую и даже научно-техническую базу вузов можно было бы улучшить, предоставив им, так же как это сделано для ряда предприятий, право непосредственного выхода на внешний рынок со своей научной и, в частности, книжной продукцией, разрешив им сохранять, так же как и предприятиям, валютную выручку во Внешэкономбанке. За эту валюту вузы могли бы пополнить свои технические средства, в том числе в издательствах.

Словом, выход из создавшейся неудовлетворительной ситуации следует искать на путях дальнейшей всеобщей децентрализации и демократизации издательского дела. Если сказано «А», то надо говорить и «Б». Если вузу предоставили самостоятельность в области администрации, то ее следует дать и в части издательства.

ПОПРАВКА:

В десятом номере «Даугавы» на стр. 54 в авторском тексте к произведению «Поздний гость» следует читать: 1-го Даугавгривского латышского стрелкового батальона.

НАРУЧНИКИ

О СУДЕ НАД МОДРИСОМ ЛУЯНСОМ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

Подсудимый попал в зал суда только со второй попытки. И то лишь потому, что, отчаянно ввинтившись в плотную массу людей, что столпились в узком тамбуре у входа в Верховный суд, Луянс воззвал о содействии. Его узнали; раздались приветственные крики, и, с мятым букетиком фиалок в нагрудном кармане, Луянс смог занять место на скамье подсудимых. Лишь воспользовавшись суматохой и некоторым разрежением толпы, проник в здание и один из руководителей Верховного суда.

Автору повезло меньше. Он не обладал статусом ни подсудимого, ни судьи и ему не удалось законным образом попасть в зал номер 13, где шло слушание дела Модриса Луянса. Используя свои старые добрые отношения с милицией, он проник в зал суда через дверь для подсудимых. Это вызвало неопишуемый ужас секретарши, но она лишь возмущенно открыла рот и ограничилась этим молчаливым осуждением.

А на площади перед зданием Верховного суда осталась клубящаяся многотенная, постоянно пополняющаяся толпа людей. Все дни процесса здесь стояла эта бесшумная вахта. Но собравшиеся отнюдь не были бессловесным сборищем любопытных; это был спонтанно образовавшийся активный коллектив, который ясно и недвусмысленно выражал свое мнение по поводу происходившего: весь фасад Верховного суда был украшен плакатами, лозунгами и призывами, текст которых я не рискую приводить из-за опасений попасть под суд за оскорбление должностных лиц. Но суть их была ясна: действия Модриса Луянса, вышедшего на

митинг 14 июня с плакатом политического содержания, — неподсудны.

Это было то самое общественное мнение, о котором мы так много говорим, которое мы так призываем уважать и прислушиваться к нему — и которое практически многие годы не доводилось видеть воочию.

Как относиться к нему? Строго говоря, по отношению к судебному следствию явление это нежелательное. Но в деле Модриса Луянса оно сыграло роль своеобразной контролирующей инстанции, чье присутствие (хотя это мое мнение могут оспорить) заставило суд с предельным тщанием исследовать все аспекты, все мельчайшие детали этого не совсем обычного дела.

Без большой боязни ошибиться, могу предположить, что 4—5 лет назад (а может, и меньше) дело Луянса было бы рассмотрено за один день; попытки обратить внимание на слабые стороны предварительного следствия были бы отведены как несущественные для рассмотрения дела, и транспортный рабочий ПО ВЭФ, член ВЛКСМ Модрис Луянс отправился бы на энный (допускаю, что на не очень большой) срок хлебать тюремную баланду. В лучшем случае отделался бы условным заключением, навсегда испортив себе автобиографию судимостью: ведь если через определенный срок судимость и снимается, след ее остается в каких-то зловещих документах и сопровождает человека до конца его жизненного пути.

... Наверно, нет сегодня в Латвии человека, который не знал бы имени Модриса Луянса и «формулы обвинения» в его адрес. Но ни вины, ни заслуги

Луянса в этом нет. О столь широкой его популярности позаботилось руководство прокуратуры республики, широко оповестившее письменно (через прессу) и устно (по телевидению), что Модрис Луянс задержан за совершение уголовного преступления, выразившегося в . . . впрочем, об этом чуть позже. В отношении, отправленном прокурором следственного отдела Л. Кисинной в отдел кадров ПО ВЭФ, было прямо сказано, что Луянс задержан (читай — арестован) за совершение тяжкого преступления.

Демократизация общества, объявление гласности и открытости неизменными составными частями нового мышления вызвали к жизни явления и действия, к которым идеологические и административное руководство республики, особенно на первых порах, оказалось неготовым.

События у памятника Свободы 23 августа 1987 года остались в памяти многих рижан как буйство неуправляемой стихии, которую лишь чудом удалось сдержать в каких-то рамках, не допустить массового побоища. Демонстрантов, пришедших к памятнику выразить свое отношение к пакту Молотова — Риббентропа, сбивали с ног и скопом швыряли в милицейские машины, отбирали цветы, срывали красно-бело-красные ленточки, перекрывали подходы к памятнику Свободы. Далеко не лучшим образом вели себя и демонстранты, но детские попытки определить «кто начал первым» в зародыше обречены на провал: бушевала стихия взаимного раздражения, ненависти, и их лишь подогревали жесткие и в то же время судорожные действия милиции. Я не взялся бы винить лишь милицию в разбушевавшихся страстях. «Идти во глазе масс, чувствовать их настроение» отлично звучит как лозунг, но воплощение его оказалось не по плечу «пропагандистам и агитаторам»; в многотысячной толпе их практически не было, а если и мелькали кое-где «руководящие товарищи», то они предпочитали роль молчаливых сторонних наблюдателей. Весь удар пришлось взять на себя милиции: держать и не допускать. Чисто функционально со своей задачей она справилась, но идеологический урон был куда больше эфемерных успехов, для окончательного подкрепления которых пришлось пустить в дело поливальные машины, и под их струями люди кубарем летели в кусты.

А 18 ноября того же года центр города оказался в осадном положении; с большим трудом прорывались к себе домой жители оцепленного района — и то лишь по предъявлению паспорта и в сопровождении дружинников, провожавших несчастных жильцов чуть ли не до дверей квартир.

К чести руководства республики, надо сказать, что уроки были извлечены довольно быстро, и митинг 14 июня 1988 года, посвященный памяти жертв сталинского террора, проходил уже без малейшего участия милиции — во всяком случае официального, в форме. Проведение митинга, охрану общественного порядка на нем взяла на себя «зеленые», члены авторитетного Клуба защиты среды, и со своей задачей они справились безукоризненно — это признают все, кто присутствовал там.

Правда, зам. прокурора г. Риги О. Дзирланк считает, что митинг был сорван, ибо вышел за отведенные для него рамки: плакаты, лозунги и речи не меньше, чем в памяти жертв депортации, уделяли внимание и самому важному грядущему событию в жизни страны — предстоящей XIX партконференции, обсуждению кандидатов, но эта естественная связь была столь неразрывна, что остается лишь оставить прокурора О. Дзирланка наедине с его личным мнением . . .

Одним из тех, кто отвечал за порядок на митинге, был комсомолец Модрис Луянс. И он же стал единственным из его участников, который за свою роль на нем очутился в тюремной камере, а затем — на скамье подсудимых.

Потому что целых десять минут до начала митинга он, повесив на шею самодельный плакат, демонстрировал свое отношение к Молотову и Сталину, а также к кандидатам республики на XIX партконференцию.

Плакат этот состоял из двух четко различимых частей. Наверху надпись: «Проклятые убийцам народов», а ниже — фотография позорной минуты подписания «пакта Молотова — Риббентропа», где среди собравшихся были четко различимы лица Сталина и Молотова. Ниже были два слова: «Нет — кангарам!», фотография А. Восса и шли фамилии партийных и советских руководителей, делегатов XIX партконференции: Восс, Павлов, Рубен и другие — всего восемь фамилий.

На фоне остальных печатных и рукописных лозунгов, возвышавшихся над

толпой (их было около пятидесяти), текст Луянса не должен был привлечь особое внимание, ибо там были лозунги куда более жесткие, на «границах фолла». Тем более, что плакат Луянса исчез еще до начала митинга по просьбе (именно по просьбе, а не по настоянию) внешнеполитического комментатора ТВ М. Вульфсона и работника ЦК ЛКСМ Латвии А. Гринберга. Луянс снял его, отдал Гринбергу и... начисто забыл о существовании плаката; как он сам с некоторой наивностью потом сказал: «Я был уверен, что его выкинули в мусор...»

До сих пор остается тайной, которую суд старательно обходил молчанием, кто и почему сфотографировал Луянса с плакатом, хотя, думаю, суд, конечно же, осведомился бы у таинственного фотографа, почему и по какой причине именно Луянс привлек его внимание.

Но так или иначе, снимки оказались в руках прокуратуры, и 26 июня 1988 года заместитель прокурора республики В. Б. Даушкис выносит постановление о возбуждении уголовного дела, ибо Луянс «... демонстрировал плакат клеветнического содержания, обвиняющий ряд руководителей КП Латвии и правительства в убийстве и предательстве народов». И практически в тот же день от него же поступает указание и. о. прокурора Риги В. Розе: «Данное уголовное дело необходимо закончить расследованием в кратчайший срок».

И дело поступает к прокурору следственного отдела прокуратуры Риги Людмиле Альбертовне Кисиной, которая воспринимает данное указание как прямое руководство к действию, отметая все сомнения и колебания.

А сомневаться было в чем. Но подвело уважаемых прокурорских работников несовершенство отечественной фототехники или, точнее, собственная невнимательность и верхоглядность. Так, не разглядели они знака препинания, стоявшего после проклятия в адрес убийц народов, после чего вменить Луянсу подобные обвинения в адрес руководителей партии и правительства республики было просто нетактично. Не взгляделись они, стремясь «закончить расследование в кратчайший срок», в лица, изображенные на фото, и бросив быстрый взор на всемирно известный снимок, Л. А. Кисина ничтоже сумняшеся пишет в «протоколе осмотра вещественных доказа-

тельств»: «На верхней фотографии изображены восемь мужчин, лица которых неразличимы» и «На первой фотографии изображены восемь мужчин, семь из которых стоят, а один сидит за столом за подписанием какого-то документа».

Да не «какого-то», товарищ Кисина! И не надо кончать несколько академий, чтобы было понятно, что подписывает В. Молотов. И лица ясно различимы — стоит только попристальнее взглядеться в них, чтобы увидеть знакомые до боли родные черты вождя народов и его верного сподвижника.

Но взглядываться некогда. Дело должно идти без сучка и задоринки. И по возможности побыстрее.

Опрошены свидетели, видевшие Луянса на митинге. Члены Клуба защиты среды, в частности его вице-президент В. Туринс, и член Клуба социально-активных людей В. Богданов поддерживают позицию Луянса и считают, что он имел право вынести свои взгляды на всеобщее обозрение. Работник ГК КПЛ З. Стригелис и журналист И. Литвинова держатся противоположного мнения. «Конечно, плакат по своему содержанию оскорбительный и клеветнический», — говорит Литвинова.

Приобщается характеристика с ПО ВЭФ. Ее составители («четырёхугольник» цеха 06.3) достойны восхищения за умение лавировать между взаимоисключающими понятиями. «К работе особого усердия не проявляет, — в ответ на запрос прокуратуры характеризуют они Луянса, — делает только то, что указывает мастер. В работе безинициативен. (Напомню, что Луянс — транспортный рабочий. — И. П.). В общественной жизни бригады участия не принимает...»

В 1987 году избран членом комсомольского бюро цеха... С поручениями справлялся хорошо и был награжден Почетной грамотой комитета комсомола ПО ВЭФ. В данный момент Луянс от общественной жизни устранился и является лидером неформальной организации».

Удивительная характеристика. Особенно если знать, что Луянс принимал активное участие в организации клуба воинов-интернационалистов «Саланг» (правда, потом он отошел от его деятельности), является членом Дискуссионного клуба и в этом качестве входит в совет общественных клубов (СОК), организовал экологический

клуб ВЭФа. Неужели неформальная организация, ради которой Луянс от «общественной жизни устранился», — это сборище заговорщиков, которое втайне от общества собирается в канализационных трубах?

Тем не менее характеристика в деле. Так же как и зафиксированное отношение к свидетелям. Сделала Л. Кисина это, конечно, мимоходом, не думая, как это будет читаться в контексте, но . . . что написано топором, не вырубить пером. Дело в том, что в «протоколе допроса свидетеля» есть пункт о судимостях свидетеля. В протоколах допросов уважаемых представителей прессы, партийных и комсомольских органов написано коротко и четко «не судим»; когда же перед столом следователя предстают такие подозрительные личности с не совсем ясным общественным лицом, как Богданов, Туринс, не говоря уж о Луянсе, то прокурор Кисина пишет: «не судим со слов». То есть, это они так говорят . . .

12 июля Луянсу предъявляется обвинительное заключение, в котором чеканным юридическим языком определена его вина: «. . . из хулиганских побуждений, грубо нарушая общественный порядок и выражая явное неуважение к обществу, демонстрировал плакат клеветнического содержания с текстом, содержащим проклятие и обвинение ряда руководителей партийных и государственных органов СССР и ЛССР в убийстве народов и предательстве, чем и проявил особую дерзость».

Статья 204, часть 2-я. Срок от 1 года до 5 лет.

Кажется, ясно, в чем обвиняется Луянс. Никаких новых фактов вплоть до предания Луянса суду в деле не появляется. Но появляется новое осмысление старой информации. Оно вносится в постановление о привлечении к уголовной ответственности — по настоянию О. Дзирланка, как он сам подчеркнул в нашей с ним беседе. Теперь Луянс обвиняется еще и в том, что он занимался «распространением заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовлял и распространял в письменной, печатной или иной форме . . .»

Статья 183¹. Срок до 3 лет общего режима.

А Луянс к тому времени уже сидит в тюрьме. Туда его доставили в наручниках.

Этот поворот меня особенно заинтересовал: зачем надо было менять меру пресечения — вместо подписки о невыезде брать под стражу? Зачем наручники? В ходе предварительного следствия арестовывают особо опасных преступников, рецидивистов; того, кто застигнут на месте преступления; того, кто, находясь на свободе, может скрыть следы преступления или помешать ходу следствия; того, кто не имеет определенного места жительства, не работает, то есть БОМЖа.

Ни под одно из этих определений Луянс не подходит: имеет прописку, работает на том же ВЭФе, от содеянного не отказывается, ходу следствия не мешает, свидетелей не запугивает, следователя и прокурора не терроризирует.

Однако прокурор Дзирланк объясняет, что все это далеко не так. Во-первых, Луянса арестовали за совершение опасного преступления. Луянс был использован как провокатор. То есть, по мнению прокуратуры, он был таким «пробным камнем». «Те, кто стоит за спиной Луянса», кинули его в адрес властей, дабы посмотреть, как к провокации отнесутся те, кто должен защищать демократию. Мало того. Луянс основательно мешал ходу следствия. Он, оказывается, привел с собой к зданию прокуратуры пикетчиков, которые врывались в ход следствия, нервировали следователя. И посему Луянс отправился на отсидку. Чтобы неповадно было . . . Правда, о наручниках, о которых Луянс рассказывал в зале суда и о которых было сказано в частном определении, прокурор Дзирланк ничего не знал, но обещал разобраться . . .

То, что Луянса сделали козлом отпущения за грехи других (если даже они и в самом деле были), было ясно. И до сих пор жалею, что не задал вопрос: какие были проведены следственные действия, направленные на выявление и предание суду тех, «кто стоял за спиной Луянса». Почему не были задержаны и наказаны эти злостные хулигань-пикетчики, а за них пришлось отдуваться Луянсу, который законопослушно играл свою роль подследственного?

Не теряю надежды, что ответ еще удастся получить . . .

Но разве можно сбивить в некомпетентности работников прокуратуры Кисину и Дзирланка? Оба они опытные юристы. Чем же можно объяснить, что следствие велось так, что, когда в суде вскрылся один из его ляпов, в зале наступила тишина шока. А адвокат Либерт обратился к суду с ходатайством возбудить уголовное дело против следователя Кисиной...

Думаю, что дело в том самом «опыте», который сегодня приходится ставить в кавычки, ибо он нес с собой не большой объем знаний и скрупулезность следственных действий, а заскорузлость, замшелость воззрений, своеобразный цинизм по отношению к своему делу — а ведь от него зависела свобода, доброе имя и судьба человека.

Как, очевидно, ясно из предыдущего рассказа, для оценки деяний Луянса было очень важно исследование подлинного «орудия преступления». Самого плаката. Фотографии — суррогат, копия, иллюзия подлинности. Из доказательством дело не стало: 29 июня в деле появляется «протокол осмотра вещественного доказательства» — тот самый, строчки о «неразличимости лиц» из которого я уже цитировал. Все оформлено честь по чести. Есть и подписи понятых; Иветта Константинова и Наталья Дубро. Но в судебном следствии начинают выясняться удивительные вещи. Зал, включив все диктофоны и наводнив уши, — да, надо признать, что гласность в зале суда была обеспечена: ни одному человеку не было сделано замечание, хотя порой звукозаписывающую технику бесцеремонно клали даже на судейский стол! — прислушивается с большим вниманием.

Выясняется, что Константинова и Дубро — технические работники прокуратуры. А использование в качестве понятых (то есть свободных и независимых «контролеров» правильности следственных действий) работников учреждения, в производстве которого находится дело, запрещено законом.

Мало того. ЦК ЛКСМ Латвии представляет справку, из которой неопровержимо явствует, что в то время, когда Кисина с понятыми тщательно осматривала злополучный плакат, он спокойно лежал... в сейфе ЦК ЛКСМ республики. И покоился там еще без малого месяца. То есть он появился в

прокуратуре тогда, когда Луянсу давно уже было предъявлено обвинение.

Правда, руководство прокуратуры города стносится к данному факту счель спокойно. Куда спокойнее, чем суд, вынесший по этому поводу частное определение. Ну стоит ли привлекать к этой детали такое внимание? Так, ошибчка, накладка, следователь написала не ту дату чисто случайно.

Пусть даже так: ошибочка. Без злонамеренного умысла. Но в осуществлении права ошибок быть не может. Ни мелких, ни крупных. Тем более в таком деле, которое хотя формально и шло по разряду уголовного ведомства, но политический хазаактер которого ясно просматривался.

Неволью я вспоминаю одного старого провинциального трагика из рассказа Куприна. Свои роли он не учил, а на угроке коллег пренебрежительно махал рукой: «А... публика дура! Все сожрет!»

Публика оказалась не «дурой». И не «сжрала» наспек приговоренное блюдо, преподнесенное следствием.

Иго ходу дела хотелось бы удовлетворить здоровое любопытство: если даже прокуратура и уверена в неправомерности вынесенного решения по делу Луянса, какие все же меры она собирается применить по отношению к рабстнику, допустившему такой непрофессионализм?

Коль скоро я упомянул общественное мнение, нельзя не сказать, что формировалось оно с обеих сторон. И по мере того как дело Луянса двигалось к судебному разрешению, поляризовалось все яснее.

Все дни суда Луянс неизменно появлялся в зале суда с цветами экологического движения на лацкане пиджака и с комсомольским значком под ними. Не думаю, что это было попыткой «произвести хорошее впечатление» на суд. Судья Л. И. Лотко вел дело исключительно спокойно, ни разу не повысив голоса, не обращая внимания ни на какие привходящие обстоятельства.

Я склонен думать, что комсомольский значок Луянса, который не так уж часто сегодня увидишь у рядовых комсомольцев, был данью благодарности Луянса своей организации, принципиально выступившей в его защиту. Бюро ЦК ЛКСМ Латвии поместило в печати заметку «О деле Модриса Луянса», в которой выразило мнение, что исследование его действий по суду явля-

ется чрезмерным актом. После этого Ляунса спешно приняли обратно в комсомол, откуда его торопливо исключили комсомольцы ВЭФа.

«Советская Латвия» укорила руководящий орган комсомола республики за формирование общественного мнения, и, чисто формально, в этом обвинении был свой резон.

Но разве общественное мнение формировалось только теми, кто выступал за Ляунса? Не менее, а более активно в этом плане действовали прокуратура и следствие. В отдел кадров ВЭФа от них поступило отношение, где было прямо сказано, что М. Ляунс задержан за совершение «тяжкого преступления». Узнав о таком обвинении сына, попала в больницу мать Модриса Ляунса. Информация, гоступившая в органы печати, не составляла никаких сомнений в виновности Ляунса; речь могла идти разве что только о том, какой срок он получит — или же правосудие смилостивится над ним и ограничится условным осуждением.

В ходе телепередачи прокурор республики Я. Э. Дзенитис продемонстрировал текст плаката, который на митинге 14 июня увидели максимум несколько десятков человек. Теперь его увидели сотни тысяч жителей республики, что позволило общественному защитнику Ляунса от Союза писателей Маре Свире задать риторический, но достаточно ехидный вопрос: «Если прокуратура считает, что данный плакат дискредитирует советских и партийных руководителей, зачем же, показывая его, дискредитировать их в глазах всей республики?»

Так что не стоит изображать общественное мнение чем-то вроде многоголового чудовища, которое давит на суд, угрожает прокурорам и следователям; как и любое движение, идущее снизу, оно достаточно многообразно, и, говоря научным языком, амбивалентно, то есть направлено в обе стороны...

В голубом свете телевизионного экрана, в шестеле газетных страниц выявилась несостоятельность теории, которую мне довелось услышать в достаточно высоких правоохранительных кругах. Мол, не надо обвинять прокуратуру. Она ни в чем не виновата. И Дзенитис ни при чем. И Дзирланк, и, конечно, Кисина. Решение об этом процессе принималось «наверху». И откуда

же давили. Вы же понимаете, как у нас делаются такие дела...

Понимаю Но не принимаю. Ибо не могу себе представить, чтобы на любом «верху» не прислушались бы к мнению прокурора республики.

И все же — был ли виноват Ляунс? И если нет, почему он оказался на скамье подсудимых?

Еще вчера оба вопроса показались бы издевательством над здравым смыслом. Сам факт того, что некто позволил себе публично продемонстрировать несогласие с раз и навсегда установленной точкой зрения («что такое хорошо и что такое плохо», кого почитать, кого хулить), был досточным основанием для предания его суду, каре и поношению. Сотни и сотни уходили в спецпсихбольницы и за колючую проволоку лишь за то, что позволяли себе не шепотом, а громко сказать то, чем сегодня полны страницы газет и журналов, о чем говорят с самых высоких трибун.

Но пришли другие времена, взошли иные имена. И с ними — как бы это поточнее выразиться — другие объемы понятий.

Например, гласность.

Либерализация может обойтись и гласностью второй свежести (вспомним булгаковскую осетрину). Потому что либерализация — это всего лишь удлинение поводка. Демократизация без гласности — это фикция, сапоги всмятку, нонсенс.

Гласность предполагает право каждого человека высказывать свое мнение и о мероприятиях правительства; она предполагает за руководством не только права, но и обязанности. В частности, выслушивать нелицеприятную критику в свой адрес. Конечно, в «парламентских рамках». Этому мы только учимся. И с этой точки зрения, Модрис Ляунс заслуживает упрека, который точнее всего сформулировал М. Вульфсон: плакат носит несколько нетактичный характер. Ляунс это понял еще на площади.

Большую работу по анализу действий Ляунса проделали его общественные защитники, в частности Байба Андерсоне, младший научный сотрудник Института философии и права АН ЛССР, и Мара Свире — писательница, защищавшая Ляунса от имени Союза писателей республики, ибо, как она сказала, «аморально смотреть на человека лишь как на материал для романов,

прикидывая, что будет дальше, а во вторых, дело Модриса Ляунса относится не только к нему. Его обстоятельство, условия, в которых оно возбуждалось и расследовалось, выдвигают еще одно, что нуждается в защите, — демократию, и защищать ее особенно важно именно сейчас, когда в условиях перестройки и открытости от каждого необходима гражданская активность».

При всем желании — но при условии объективного подхода к делу — действия Ляунса трудно назвать хулиганскими. Они не нарушали общественного порядка, не несли в себе неуважения к обществу. В них не было «особого цинизма», он не сопротивлялся представителям власти и общественности. Тем более не может и речи быть о насилии, о телесных повреждениях и издевательствах над личностью, как расшифровывают смысл поведения Комментарий к Уголовному кодексу. Ляунс демонстрировал плакат политического содержания, что во время политической демонстрации полностью соответствовало порядку ситуации. И лишь вопиющая слепота следствия, проистекающая из желания во что бы то ни стало инкриминировать Ляунсу то, что он не делал и не мыслил делать, заставила его, следствие, свести воедино фамилии сегодняшних политических и советских деятелей республики и... проклятье, обращенное в адрес Молотова и Сталина. Не случайно на суде этот акцент практически сразу же был снят.

«Кангар». Будь прокурор Кисина получше знакома с латышским языком и фольклором, непредвзято прислушайся она к специалистам, многое прояснилось бы уже на стадии предварительного следствия — конечно, если на то было бы его, следствия, желание. Так, стало бы ясно, что «кангар» — это не только ряд возвышенностей или топонимический термин Огрского района, но и оценочный культурный символ, семантическое поле которого включает такие значения, как своеобразие, предательство, двуличие; можно интерпретировать его и в положительном смысле — как указание на хитрость и дальновидность политика.

Но интерпретацией культурных символов и метафор надо заниматься не в следовательском кабинете. Это вне компетенции юридической науки.

Сам Модрис Ляунс не отказывался от того смысла, который он вкладывал

в это слово, — двуличие. Такова была суть моральной оценки упоминавшихся на плакате лиц.

— Мораль — это сугубо личностная, интимная сфера духовного бытия, — сказала на суде Байба Андерсоне в своем выступлении. — В морали вся жизнь отдельного человека соотносится с общечеловеческими, вечными ценностями. Право на моральную критику имеет только человек, личность. Мораль всегда неофициальна, вне- или сверхведомственная, так как в ее основе находятся конкретные эмоциональные переживания ситуации, а переживать может только человек, а не инстанции. Но право на моральную критику имеет каждый человек в силу того, что он личность, он и только он — носитель моральных ценностей. По мнению грамотной общественной науки, сама попытка толковать моральные оценки с точки зрения законодательства — абсурдна. Моральную оценку, как положительную, так и отрицательную, нельзя снять решением суда или постановлением инстанций и ведомств. Можно вынести какой угодно приговор, но это не снимет моральное обвинение властям, а только делает это обвинение еще тяжелее...

Но имел ли Ляунс право и на такую моральную оценку, насколько она согласуется с объективной картиной действительности?

О ней, об этой «объективной картине действительности» в нашей республике сейчас много говорят и пишут. Приведу лишь два свидетельства.

Отрывок из письма правления Союза писателей республики XIX партконференции, М. С. Горбачеву (опубликовано в «Цине» 11 июня 1988 года): «До сих пор Латвийская ССР рассматривалась как территория, на которой выгодно размещать производственные мощности, без учета экологических особенностей и культурно-исторического типа. Послевоенная концепция экономического развития в республике основывалась на односторонних экономических расчетах, которые вели к неограниченному развитию экстенсивной технологии, к моральной и технической вульгаризации промышленного производства. Эгоизм ведомств, которым руководство республики не могло дать эффективного отпора, в значительной мере обострил экологическую обстановку в Риге, Вентспилсе, Олайне и Юрмале, а также в бассейнах Даугавы,

Лиелупе и Гауи, что может стать катастрофическим. Недостаток очистных сооружений в Риге нанес трудно поправимый урон Рижскому заливу.

Эта политика неслы и по-прежнему несет необратимые потери в сфере культурного строительства. «Остаточный принцип» хозяйствования привел к тому, что строительство и содержание объектов культуры в республике совершенно неудовлетворительно. Все это вызывает глубокое беспокойство у жителей республики».

И еще — «Падомью яунатне» от 7 сентября 1988 года, вариант модели хозяйственного развития республики, созданный учеными во главе с академиком Арнисом Калныньшем:

«Диктат всесоюзных министерств и ведомств привел к тому, что промышленное производство во много раз необоснованно обгоняло сельскохозяйственное производство и развитие материальной базы социальной сферы. В связи с ускоренным развитием промышленности в республике механический прирост превышает естественный прирост. Резко ухудшилось состояние естественной среды. Хронически не хватает сбалансированности между платежным спросом населения и обеспеченностью его товарами и услугами. Обострилось снабжение продовольствием».

Продолжать? Думаю, что хватит, тем более что меня без труда продолжит любой житель республики, регулярно читающий газеты.

Глупо и бесчестно возлагать ответственность только на умерших. Общество имеет право обращаться претензии к тем, кто им руководит; оно имеет право высказывать свое отношение к ним...

Зловещей тенью мелькнула в обвинении статья 183. Вместе с ней, как сказала Мара Свире, показалось, что в зал вошла усатая тень и запахло «Герцеговиной Флор». Она, эта статья, карает за распространение «клеветнических измышлений», то есть карает за совершение деяния, сам объем понятия которого совершенно не разработан. А это — простор для любого произвола. Когда много лет назад судили за то же «преступление» писателей Синявского и Даниэля, выяснилось, что из семи предъявленных обвинением «клеветнических» книг к суду осталось только две, и Даниэль едва ли не впер-

вые в практике советского суда заданся вопросом: так что же, в конце концов, это такое — клеветнические измышления...

Луянс не «порочил советский государственный и общественный строй», выходя на митинг со своим самодельным плакатом. Не порочил первым делом потому, что сегодня никто не считает, что отдельные руководители — это советское государство, это социализм, это коммунистическая партия. А вот следствие, пустившее данную статью в ход, само того не желая, объективно пропагандировало культ вождя, недоброе наследие эпохи сталинизма.

Нет, никак нельзя подверстать слово «кангар» под рубрику клеветы. Это оценочное высказывание, оно содержит лишь отношение к тем или иным вещам и явлениям. Отношение всегда субъективно. Оно основывается на соизмерении какой-то ситуации с личностно значимыми ценностями. Для Луянса и для тех, кто выразил желание сесть рядом с ним на скамью подсудимых, такими ценностями были свой народ, его судьба, его будущее. И субъективно переживая эти ценности (а иного подхода просто нет), подсудимый пришел к выводу, что деятельность названных руководящих лиц не способствует реализации этих ценностей. Он исходил из того, что еще недавно, будучи на руководящих должностях в брежневские застойные времена, они активно поддерживали все начинания тех лет, а сегодня столь же активно отвергают их. Можно согласиться с этой оценкой или отвергнуть ее и доказать ложность мнения Луянса. Но ее нельзя квалифицировать как измышление, ибо истинность ценностей зависит не от каких-либо фактов, а от нашей веры в эти ценности.

А если уж говорить об «абстрактно-оскорбительном» смысле слова «кангар», то достаточно полистать сочинения классиков марксизма-ленинизма, дабы выяснить, что некая определенная политическая традиция имеет давние корни: «жалкие буржуазные сикофанты», «ослиные уши Каутского», «парламентский кретинизм», «мудрость ученого кабинетного дурака» — это Ленин о Каутском. А вся социал-демократическая партия определяется как «воющий труп».

Общество будет стабильно, будет развиваться в правильном направлении

лишь тогда, когда исчезнет чья-то монополия на истину, односторонность одной точки зрения, ибо даже самая верная, прсверенная временем концепция должна постоянно испытываться на прочность, на истинность, так как время постоянно меняет свои оценки.

Перед лицом закона и М. Луянс, и Б. Пуго, и А. Восс равны. Функция социалистического законодательства и правосудия не в том, чтобы охранять какую-то точку зрения, официальное или неофициальное мнение и оценки, а в том, чтобы силой закона защитить свободу слова, право выражать любые мнения и оценки, в том числе и критические, — так закончила свое выступление в суде философ Байба Андерсоне.

Таковы уроки, которые можно вынести, размышляя над делом Модриса Луянса.

Осталось досказать немногое.

Прокурор И. Граза счел, что обвинения, выдвинутые против М. Луянса, не нашли подтверждения в судебном заседании.

Суд под председательством Л. Лотко и при народных заседателях Б. Робежнице и Я. Хинценберге своим решением вынес вердикт, который считается окончательным и обжалованию не подлежит, что в действиях М. Луянса

не было состава преступления и по сей причине он подлежит полному и безусловному оправданию. Суд также вынес частное определение в адрес следствия по поводу тех нарушений, о которых уже рассказывалось.

... Когда суд удалился, в зале раздались оглушительные овации и Луянс почти исчез под грудой тех, кто кинулся к нему с поздравлениями. Но у него хватило чувства юмора и собственного достоинства отбиваться от тех, кто намеревался его вынести из зала суда на руках: не став «национальным мучеником», он не хотел возлагать на себя лавры «национального героя».

Прокурор О. Дзирланк считает решение Верховного суда абсолютно неправильным, поскольку Луянс, по его мнению, совершенно обоснованно был привлечен к суду по мотивам совершения опасного преступления. Он считает, что на это решение будет подан протест. У него есть это право — как и у Луянса, который имеет все основания обратиться в суд за наказанием тех, кто дискредитировал его имя и достоинство.

... Один из плакатов на лесах, окружающих здание Верховного суда, вещал: «Здесь судят гласность!»

На этот раз она сумела отстоять себя.

Владимир Козин. У переезда. 1952 год

Борис М. ГАСПАРОВ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД МОТИВНОЙ СТРУКТУРОЙ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

§ 4. ПОЖАР

4.1. Нарисованная в предыдущем параграфе картина оказалась бы: далеко не полной без еще одной темы, к анализу которой мы теперь переходим, — темы пожара Москвы. В романе происходит множество пожаров; сгорают почти все спорные пункты, в которых разворачивается действие, — квартира № 50, дом в Арбатском переулке, Грибоедов (клиника не сгорает, но как бы исчезает вместе с чудесным исчезновением истории болезни Мастера); то есть сгорает как бы «вся Москва», представленная в романе. Образ горящего города дан в сцене когда Воланд, расположившись на крыше «одного из самых красивых зданий в Москве», сидит на сложном табурете и обзирает сверху город, причем видит дым пожара (горит Грибоедов). Параллель с Наполеоном здесь очевидна.

Здесь мы обращаемся еще к одному важному хронологическому (вернее, мифологическому) срезу, который до сих пор фигурировал в анализе лишь эпизодически. Это — начало XIX века, время московского пожара и непосредственно после него — время грибоедовской Москвы. К этому времени тянется в повествовании множество нитей — не меньше, чем к Ершалаиму.

Во-первых, эпоха «Фауста» Гете, входящая в роман с первого слова, с заглавия и эпиграфа. Другой мотив, также занимающий в структуре романа важное место и проходящий через все

повествование, — Пушкин (см. его анализ в § 5). О Грибоедове уже говорилось раньше (§ 1); в связи с последним, между прочим, характерным является переименование реального писательского дома Герцена в «Грибоедов» и перенесение его на Тверской бульвар — по соседству с памятником Пушкину. Наконец, важным мотивом, относящимся к той же эпохе, является тема Гоголя (см. § 7). Данные темы в совокупности формируют соответствующий временной план романа — приблизительно 10—40-е годы XIX века. Укажем еще несколько мелких деталей, отсылающих к тому же временному плану. Тут и Кант, с его шестым доказательством существования Бога, за которое Бездомный, как бы скрепляя «связь времен», предлагает отправить его в Соловки; и член правления МАССО-ЛИТа — мужеподобная Настасья Лукинична Непременова, пишущая под псевдонимом «штурман Жорж» (Жорж Санд); и самодовольный хвастливый кот, неразлучный с отставным регентом Корovieвым — пародия на кота Мура и капельмейстера Крайслера (NB в связи с этим и общую гофманианскую окраску, и связь с образом Мастера, и еще одно репродуцирование линии регента-капельмейстера-кантора); далее это и Крылов, и «корсар» — директор ресторана Арчибальд Арчибальдович.

Проецированные в другой временной пласт пруделки Корovieва и Бегемота, приводящие к «пожару Москвы», приобретают и более широкий смысл, и мифологический резонанс. Но есть в романе и еще один, особенно глубоко скрытый (по понятным причинам) план,

Продолжение. Начало см. «Даугава», № 10 и 11.

в который выходит тема пожара. Это опять античная эпоха, но уже не столько Ершалаим, сколько Р и м первых императоров (вспомним ассоциации с данной темой, показанные в § 1)¹.

Действие в Ершалаиме разворачивается в эпоху Тиберия. Он сам предстает в романе мгновенным видением: плешивый тиран, страдающий от болезни («с язвой на лбу») в загородной резиденции — в «зелени капрейских садов». Наличие у этого образа реального подтекста в московском плане повествования представляется возможным, если учесть всю систему более или менее скрытых отсылок к реальным прототипам, которая действует в романе и несомненно была раскрыта нами лишь частично. Заметим, что с этой точки зрения тема Капри («Капреи») также оказывается значимой. Включенная в данный ассоциативный ряд, тема Капри вызывает далее фигуру Максима Горького — ср. широко известные описания его каприйских встреч с Лениным. В этой связи интересной представляется фигура Мстислава Лавровича, эпизодически появляющаяся в романе. Впервые он упоминает в сцене скандала в правлении МАССОЛИТА как обладатель с а м о й роскошной дачи в Перельгино (один в шести комнатах «и столовая дубом обшита»), которая выступает как знак его высокого положения в литературном мире. В то же время этот писатель оказывается несколько в стороне от общей литературной жизни — он не член правления МАССОЛИТА (не присутствует на заседании). В дальнейшем именно Лаврович оказывается автором статьи, в которой вводится слово «пилатчина», имеющее, как мы выяснили, обратную силу в качестве самоопределения и приговора (§ 3.1). Ассоциация Горький — Пилат, несомненно, должна была звучать весьма сильно в конце 20—30-х годов. Ср. также фамилию Лаврович (ассоциация с л а в р о м) и имя Мстислав: в имени и фамилии дважды анаграммируется мотив с л а в ы — еще один пример анаграммы в романе.

В связи с анализируемой здесь линией «капрейских» ассоциаций заслу-

живает внимания и уже упоминавшийся тост Пилата в честь Тиберия, содержащий скрытую отсылку к словам Маяковского о Ленине («самый дорогой и лучший из людей» — «самый человечный человек»). Наконец, отметим «гидронимический» характер имени Тиберия (Tiberius, ср. Tiberis — Тибр). Все эти сопоставления могут быть значимыми на фоне той игры с именами, которая постоянно ведется в романе и вполне соответствует общей «магической» окраске повествования.

Надо сказать, что и некоторые личные качества Тиберия, известные из истории (личная нелюбовь к славословиям, проповедь скромности и умеренности, доходящей до скупости, стремление править, удалившись из Рима, через посредство жестоких временщиков, искусно тасуемых при помощи серии заговоров), делают возможной игру с мифологическими планами повествования. Еще больше скрепляет эту игру фигура одного из преемников Тиберия — императора Н е р о н а, уже явно всплывающая в ассоциативном ряду, связанном с мотивом пожара. Пожар Москвы получает еще одну мифологическую репродукцию, осмысляясь как пожар Рима. Ср. мотив наблюдения за пожаром с возвышения и прямое сопоставление горящей Москвы и Рима в той же сцене: Воланд и Азazelло смотрят сверху на московский пожар, причем последний говорит: «Мессир, мне больше нравится Р и м».

Эпоха Нерона имеет, конечно, не меньше параллелей с Москвой конца 20—30-х годов, чем эпоха Тиберия — с началом 20-х годов. Грандиозные проекты, в частности прорытие выхода к морю до самого Рима (строительство каналов — NB также 2-ю часть «Фауста»); интересно здесь полное совпадение цели — превращение «метрополии» в морской порт — ср. строительство Беломорского канала и вновь всплывающую в этой связи фигуру Горького). Их осуществление требовало денег и вызывало погоню за золотом, добывавшимся преимущественно путем ареста и убийств тех, у кого оно имелось. Важна также, с точки зрения общей структуры романа, присущая данной эпохе театральзованность (жизнь как грандиозный спектакль, и, в частности, пожар Рима как венец театрализации), и скандальная непристойность ее праздности, и всеобщее ощущение на-

¹ Все три эти основные эпохи, представленные в романе, заданы уже в первой сцене, в словах Воланда, который заявляет о своем присутствии и во дворце Ирода Великого, и за завтраком у Канта, находясь в то же время в современной Москве.

ступающего «конца света», и даже особенно ожесточенное преследование первых христиан (ср. еще раз «Колизей» в романе). Все это как будто подтверждает наше первоначальное предположение (действие в романе происходит ведь уже явно при преемнике капрейского «отца римлян») и, с другой стороны, — еще более усиливает мифологическое звучание темы пожара¹.

Особенно интересно в данном случае, насколько органичной оказывается для романа мифологическая организация времени. Мы не только свободно переходим из одного временного среза в другой² — но и в пределах основного повествования прошлое и будущее, действительность и пророчество оказываются перемешаны и слиты друг с другом. Мы наблюдаем о д н о в р е м е н н о и историю Мастера (то есть репродукцию истории Пилата — Иешуа — Тиберия), и пожар (то есть то, что было п о с л е Тиберия — при Нероне); более того, через посредство темы «грибодовской Москвы» мы оказываемся одновременно и в Москве п о с л е п о ж а р а — Москве, которой, по словам Скалозуба, «пожар способствовал много (. . .) к украшенью». Ср. в конце романа полуироническое «пророчество» Коровьева о том, что на месте сгоревшего Грибодова будет построено новое здание, «лучше п р е ж н е г о». Цитатный характер данной фразы Коровьева подтверждается и тем, что одно из его имен — Фагот — содержит намек на Скалозуба («хрипун, удушенный, фагот» — слова Чацкого о Скалозубе). Таким образом, пожар — это одновременно и прошлое и будущее, перенесенное в настоящее, мифологическое воспоминание, являющееся одновременно способом видения действительности и одновременно

же — пророчеством, исполнение которого в свою очередь наступает лишь постольку, поскольку предыдущий мифологический срез определяет видение последующих событий.

В изображенном в романе мире «накануне крика петуха», приговоренном к уходу в небытие, да и существующем уже как бы во сне, — является ли пожар уже сбывшимся пророчеством, или это деталь театрализованного «оформления» inferнально-балаганного действия, подчеркивающая его пророческое звучание? Миф не дает однозначного ответа: пожар Рима можно одновременно рассматривать и как предвещание гибели, и как саму гибель; но и гибель в огне — это одновременно крещение огнем.

4.2. Тема пожара имеет в романе еще одну важную проекцию, не связанную с основными хронологическими срезами повествования, однако существенную для развития пророчески-эсхатологического смыслового комплекса. Мы имеем в виду пожар в «Бесах» Достоевского. Имя Достоевского прямо называется в сцене перед пожаром Грибодова («Достоевский бессмертен», — говорит Коровьев), все значение которой будет показано в § 7. Намеки на различные произведения Достоевского также довольно широко представлены в тексте романа — «Идиот», мотив упыря-Варенухи, не отбрасывающего тени (разговор Ивана Карамазова с чертом). В этом контексте образ пожара из «Бесов» оказывается несомненно значимым в мотививной структуре романа. Характерна коннотация этого пожара у Достоевского: это праздник, карнавал (продолжение и кульминация скандального праздника, устроенного губернаторшей) и одновременно крушение мира, «конец света». Сопоставим и такую деталь, как обнаруженные в пожаре трупы Лебядкина и его сестры (ср. труп убитого Майгеля, проступивший в огне в горящей квартире № 50)¹.

Связь с «Бесами» выступала на поверхность с еще большей очевидностью в ранних редакциях романа. Так, сказовое начало первой редакции [от имени стилизованного повествователя, подчеркивающего свою литературную неискренность], как оно реконструировано М. О. Чудаковой [см. у к. с о ч. М. О. Чудаковой, стр. 61—64], обнаруживает большое [быть может, даже слишком очевидное] совпадение с началом «Бесов»: «Клянусь честью, [. . .]

¹ Интересен еще один мифологический срез данной темы — тоже с апокалиптическим оттенком, — проходящий дальше на периферии смысловой структуры: п о ж а р Т р о и. К нему отсылают нас и имя композитора Берлиоза [Гектор], и золотые слепые идолы, в ассоциации с Пушкиным [см. § 5] дающие образ Гомера, и образ Елены [см. § 7.1]. В фильме Гриффита аналогичную роль четвертого, древнейшего пласта, так сказать протопласта, играет гибель Вавилона.

² О постоянном интересе Булгакова к таким временным переходам свидетельствуют, помимо мифологической стратификации обоих его романов, также пьесы «Блаженство» и «Иван Васильевич».

Но главное, конечно, состоит здесь в соединении пожара с темой бесов как поджигателей. Можно сказать, что у Булгакова эта метафора неожиданно (и не без комического оттенка) материализуется в фигурах «настоящих» бесов — Коровьева и кота, поджигающих Москву. Мы опять встречаемся здесь с примером зеркального мотивного хода: если раньше мы наблюдали пророчество, сбывшееся в виде метафоры или метонимии, — ср. судьбу Берлиоза и др., — то здесь, напротив, притча о «бесах» сбывается буквально.

С другой стороны, данное сопоставление по-новому высвечивает фигуры Коровьева и Бегемота: по принципу обратной связи (обратной проекции на роман Достоевского) они оказываются уже не только настоящими, но и «метафорическими» бесами — бесами Достоевского. Данное осмысление закрепляется при помощи имен, которыми Коровьев и кот назвали себя при входе в Грибоедова (все в той же чрезвычайно важной сцене сожжения Грибоедова) — Панаев и Скаби-чавский, то есть два деятеля 60—70-х годов, имевших довольно близкое отношение к «бесованию». Такое осмысление (несомненно с оттенком пародии) образов Коровьева и Бегемота в свою очередь придает специфическую окраску сцене их состязания в свисте на Воробьевых горах: данная сцена может теперь быть интерпретирована как наем-пародия на хрестоматийно известную «клятву на Воробьевых горах» юных Герцена и Огарева, описанную в «Былом и думах». Перед нами типично мифологическое стратифицирование смысла: «неразлучная парочка» одновременно осмысливается и как Панаев — Скаби-

произзывает [меня, лишь только я берусь] за перо, чтобы [описать чудовищные] происшествия [беспокоит меня лишь] то, что не будучи . . . писателем] я не сумею [. . . эти происшествия] сколько-ни[будь] . . . передать . . .] Бог с ними [впрочем, со словесными тон]костями . . . за эфемерно[ую славу писателя я не гонюсь, а] меня мучает . . . ». Ср. «Бесы»: «Приступая к описанию недавних и столь странных событий, происшедших в нашем, доселе ничем не отличавшемся городе, я принужден, по отношению моему, начать несколько изда-лека». Ср. также «Подросток»: «Я записываю лишь события, уклоняясь всеми силами от всего постороннего, а главное, от литературных красот (< . . .) Я — не литератор, литератором быть не хочу (< . . .)».

чевский и как Герцен — Огарев, причем последняя ассоциация соединяет идею «бесования» (и карнавального пожара) с идеей 1812 года и пожара Москвы (ср. знаменитое начало «Былого и дум», в котором пожар Москвы, «пережитый» Герценом в младенческом возрасте, становится как бы многозначительным прологом ко всем последующим событиям).

В связи с предыдущими рассуждениями представляется существенным также выяснить вопрос о том, где находится «дом Грибоедова». Из романа мы узнаем, что он помещался на Тверском бульваре и совсем близко от памятника Пушкину («не прошло и двух минут» после разговора Рюхина с памятником, как он подъехал к Грибоедову); однако остается неуказанным, по какую сторону от площади Пушкина дом находился. Нам представляется это умолчание не случайным, так как можно выделить две точки, расположенные примерно на одинаковом расстоянии от памятника Пушкину¹, но с противоположных сторон от площади по бульвару. Одна из них — место, где сейчас стоит здание «Известий». В пользу этого места говорит выросший здесь новый большой дом — ср. «пророчество» Коровьева (§ 4.1). Вторая точка — это дом Яковлева (отца Герцена), описанный в «Былом и думах». Здесь существует связь с Герценом (ср. само название «дом Грибоедова» как явный намек на действительно существующий писательский «дом Герцена»); но, с другой стороны, дом этот благополучно стоит до сего времени. Как кажется, в данном случае имеет место пространственное раздвоение, аналогичное многочисленным случаям временного раздвоения персонажей и событий в романе.

Когда речь идет о «Бесах» Достоевского, сразу приходит на ум эпиграф к этому роману — отрывок из Евангелия от Луки, интерпретируемый далее у Достоевского как пророчество о будущем России. Мотивная связь данного эпиграфа (притча о бесах, вошедших в свиней) с романом Булгакова, как кажется, проходит через образ Николая Ивановича — высокопоставленного советского чиновника (обитателя первого этажа особняка на Арбате), превращенного в борюва, вер-

¹ Имеется в виду, конечно, прежнее местоположение памятника.

хом на котором ведьма-Наташа одновременно и притчей о бесах, вошедших в свиней, довольно очевидна¹. Но главное — само имя «Николай Иванович» вызывает одновременно ассоциацию с Н. И. Бухариным — одним из «героев» процесса 1938 года. Данная связь соединяет в один мотивный узел и мотив бесов и «бесования», и мотив искупления, и мотив пророчества. Важно также, что Николай Иванович оказывается в романе связан с Иваном Николаевичем Бездомным (принцип зеркального подобия); эта связь подтверждена тем, что в эпизоде данные персонажи встречаются друг с другом: Бездомный наблюдает за Николаем Ивановичем, находящимся «за решеткой» (сада). На фоне все той же притчи данная связь позволяет интерпретировать Ивана, в свою очередь, как больного, который исцелился благодаря тому, что бесы вышли из него и вошли в свиней — образ, символизирующий у Достоевского Россию; ср. в этой связи болезнь и исцеление Ивана (состоящее, собственно, глазным образом в том, что он перестал писать стихи), и также национально-символическую окраску, присущую данному образу (мотив «Иванушки» — § 1)².

В книге М. А. Орлова «История сношений человека с дьяволом» (СПб, 1904), широко использованной Булгаковым при работе над романом, имеется, между прочим, упоминание о бесе по имени Бегемот, вышедшем из одержимой игуменьи (см. об этом ун. соч. М. О. Чудаковой, стр. 76). (тот эпизод может служить дополнительным указанием», подтверждающим вовлечение эпиграфа к «Бесам» в мотивную структуру романа Булгакова. Вся важность этого эпиграфа для творчества Булгакова удостоверяет также следующий эпизод из «Белой гвардии» — сон Василисы: «(...) И вот в этот хороший миг какие-то розовые, круглые поросята влетели в огород и тотчас пятачокными своими мордами взрыли грядки. Фонтанам полетела земля. Василиса подхватил с земли палку и собирался гнать поросят, но тут же выяснилось, что поросята страшные — у них острые клыки. Они стали наскакивать на Василису, причем подпрыгивали на аршин от земли, потому что внутри у них были пружины. Василиса взвыл во сне. Черным боковым косяком накрыло поросят, они провалились в землю, и перед Василисой всплыла черная, сыроватая его спальня...»

² Другое сопоставление данных образов связано с ассоциацией с Кишой Мокиевичем и Мокием Кишови-

Однако роман Булгакова одновременно и сылается на евангельскую притчу и опровергает ее. В этом случае, как и во многих других, все происходит не совсем так, как в Евангелии. А именно, бороз — Николай Иванович не погибает, низвергнувшись вместе с бесами в бездну: бесы отпускают его обратно, и в эпизоде мы находим его мирно здравствующим в своем особняке (в то время как бесы действительно низвергаются в бездну после прощания с Мастером); соответственно и исцеление Ивана Николаевича оказывается мнимым исцелением — не случайно он назван в эпизоде «большим человеком». Роман-миф опять ставит нас перед альтернативой — считать ли все описанное в нем пророчеством. Или же, одновременно, и исполнением. Однако в связи со всем сказанным в настоящем разделе такая альтернативность оказывается не только производной от мифологической структуры романа, но получает и вполне конкретный смысл.

Чтобы понять этот смысл, обратим внимание на тот факт, что фраза, служащая заранее оговоренным сигналом конца романа (оканчивающаяся словами «пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат») повторяется (с небольшими вариациями) трижды: после окончания повествования о Пилате (романа Мастера), после окончания основного действия (последней главы) и в конце эпилога. Это придает не только повести о Пилате, но и «внешнему» роману черты мифологической притчи, рассказанной в некоторых вставленных внутри романа рамках. Перспектива в эпизоде смещается, и Москва и Ершалаим оказываются не настоящим и прошлым (действительностью и притчей), но двумя планами прошлого. двумя планами притчи по отношению к эпилогу. То, что мы считали на протяжении всего романа «современной Москвой», выступает в эпизоде как

чем из финала «Мертвых душ» (о значении Гоголя в романе см. § 7.3). Амплуа этих двух гоголевских персонажей хорошо подходит к характеристике соотношения первого поколения революционеров-интеллигентов (типа Бухарина) и того нового поколения, которое с конца 20-х годов начало вытеснять, а затем и уничтожать своих «родителей». Ср. также в этой связи возможность подключения взаимноотнoшений Степана Трофимовича Верховенского и его сына (а также, еще более широко, — Герцена и «людей 70-х годов»).

легенда, притча, миф. Это заставляет внимательнее присмотреться к тому временному плану, который мы до сих пор недифференцированно рассматривали как «современный». И здесь выясняется, что этот план в свою очередь распадается на два пласта, между которыми «прошло несколько лет», как сказано в эпизоде. Первый из них соответствует основному повествованию, второй — эпилогу (вернее, второй половине эпилога), причем оба плана имеют ряд намеков-ассоциаций, рассыпанных по всему роману, из которых мы и получаем возможность определить их приблизительную датировку.

Первый план — это время, когда поэту Рюхину — Маяковскому было 32 года, время написания поэмы «Владимир Ильич Ленин» и обращения к Пушкину (то есть первого пушкинского юбилея), время пребывания Горького «на лоне природы» (тема Капри) — то есть 1924—1926 гг. Многочисленные детали, указывающие на расцвет эпохского быта, процветание Соловков и ВАППа, а также биографический подтекст травли Мастера с его романом — хорошо согласуются с этой датировкой.

Второй план — это время второго юбилея Пушкина, визитов в Москву знаменитых иностранцев (Андре Жида, Лиона Фейхтвангера — см. § 6) — то есть 1936—1938 гг. Это также время процесса Бухарина, смерти Горького и многих других событий, подключение которых придает специфическую окраску апокалиптическому звучанию «Мастера и Маргариты». Роман Булгакова — это притча о мире 20-х годов, рассказанная из 1937—1938 гг. Это рассказ о мире, который погиб, с а м о т о м н е в е д а я (подобно тому, как «нелепые» мысли о гибели проносятся в мозгу Пилата в момент совершаемого им предательства) и продолжая вести «нормальную» бытовую жизнь (в эпизоде ничуть не менее нормальную, чем на протяжении всего повествования). И тем самым — это пророчество о гибели, которое одновременно и сбилось, и сохранило свою актуальность на будущее — так сказать, конец света, не имеющий конца¹.

¹ В связи с этим выступает также мотив заповедного города, который погиб, исчез («ушел в землю» — у Булгакова) и в то же время полностью сохранил свой облик, перейдя в потусторонний мир. Это, в частности, мотив града Китежа, скрепляемый в романе фигурой финдиректора

A priori очевидно, что тема «тридцати сребреников» должна получить в романе большой вес. И действительно, в рассказе о Пилате «тридцать тетрадрахм» занимают важное место. Существенно здесь отметить не только общий смысл, связанный с этими деньгами (предательство, совершенное из-за денег, жадность к деньгам и т. п.), но и более конкретные детали, в которых идет разработка данного смысла в тексте романа в качестве мотивной структуры. Например, важно обратить внимание на то, что Аффаний предлагает после убийства Иуды версию, согласно которой Иуда очутился в Гефсиманском саду с целью спрятать полученные деньги; обратим внимание также на окружающую эти деньги тайну: никто не знает (даже начальник секретной службы), сколько денег получил Иуда; далее, эти же деньги оказываются подброшенными во дворец Каифы; наконец, интересен текст присоединенной к ним записки: «Возвращаю проклятые деньги».

Деньги («валюта») играют важнейшую роль и в основном повествовательном плане. Интересно, что на протяжении всего романа мы постоянно имеем дело с одной и той же денежной единицей: червонцами и золотыми десятками (аналогично тетрадрахмам). Деньги эти различные «граждане» всячески прятют, их местонахождение и сумма — единственное, что неизвестно до поры до времени «симпатичному молодому человеку» из сна Никанора Ивановича. Наконец, Никанор Иванович утверждает, что валюта к нему была «подброшена», и в связи с этим возникает (в том же сне) длинное рассуждение о том, что подбросить могут ребенка, прокламацию, адскую машину и т. д. — но никак не деньги, — явно иронически сопоставляемое с историей тридцати тетрадрахм.

Данные сопоставления придают особый смысловой вес теме «валюты» и всей суматохе, связанной с погоней за ней: это — проклятые деньги. Но такая оценка другой стороной вновь обращает нас к тому плану повество-

Р и м с к о г о [Римский-Корсаков] и связь последнего с мотивом петуха, который спас его от ульря-Варенухи («Сказка о золотом петушке» — еще одна опера Римского-Корсакова и одновременно еще одна нить, ведущая к Пушкину).

вания, который связан с «нечистой силой», сатаной и бесовским шабашем. Проклятые — то есть связанные с сатаной. И действительно, нечистая сила принимает самое активное участие в этом денежном ажиотаже, начиная с сеанса в Варьете (здесь опять вырисовывается центральная роль этого сеанса как «программы» более широкого спектакля-шабаша в масштабе всей Москвы) и включая далее многочисленные другие проделки, многократно повторяемые (и тем самым значимо выделенные) на протяжении всего романа: превращение денег в бумагу, червонцев в доллары и т. д.

Здесь вновь соединяются в единый комплекс те же линии, сплетение которых постоянно прослеживалось в изображении Москвы: преступление и казнь — связь с нечистой силой, подвластность сатане — театрализованность, балаган, — то есть линии, кульминацией слияния которых является образ Вальпургиевой ночи, бала сатаны. Рассмотрим данные линии в отдельности более подробно.

Погоня за валютой (вспомним также, что по этому поводу говорилось выше в связи с темой Рима времен Нерона¹) естественно связывает тему «золота», «сокровища» — с преступлением, карой, тюрьмой. Наиболее очевидным образом это выражено, конечно, в сне Никанора Ивановича, в котором пародийно воспроизводится популярный «сюжет» второй половины 20-х годов, когда «граждан», подозревавшихся в том, что у них имеется золото, драгоценности, иностранные деньги, — преимущественно представителей старой интеллигенции, — поголовно арестовывали и держали в тюрьме, подвергая различного рода «обработке» до

¹ Связь темы валюты с Римом, утверждается, в частности, в образе того безымянного персонажа в сне Босого, который сдает валюту из-за того, что не может оставить без присмотра своих гусей — «птица боевая, нежная». Эти гуси, благодаря которым «конферансье» получает искомую валюту, — по-видимому, иронический намек на гусей, «спасших Рим» — и одновременно еще одна отсылка к Крылову. Данная параллель подтверждается тем, что в той же сцене имеется и еще одна отсылка к Крылову: приговор, который «конферансье» произносит разоблаченному Дунчилю («Ступайте же теперь домой, и пусть тот ад, который устроит вам вашу семью, будет вам наказанием»), воспроизводящий сюжет басни о троеженце.

тех пор, пока они не «признавались» сами, либо не оказывались «разоблаченными» каким-либо иным способом.

Примечательно также, что свой сон Босой видит, будучи помещен в клинику Стравинского — еще один вариант тюрьмы (см. § 3.2). Тема тюрьмы и тема сокровища приводятся в ясную связь, и притом опять-таки на почве клиники, в сцене, когда Мастер тайком пробирается из своей палаты-камеры в соседнюю, к Бездомному, и рассказывает тому историю своей жизни. Перед нами параллель с «Графом Монте-Кристо» (сцена в тюрьме между аббатом и Эдмоном). Заметим также, что история Мастера начинается с обнаружения им «сокровища» — выигрыша ста тысяч. Образ з а м к а И ф в связи с клинкой хорошо соответствует не только идее тюрьмы вообще, но и тому легендарному, фольклорному и театрализованному ореолу, которым эта клиника окружена.

Тема Дюма вообще приобретает немалое значение в романе, репродуцируясь и в сцене сожжения романа Мастером, с упоминанием проступающих в огне букв (ср. сожжение записки в рассказе аббата Фариа), и в обнаружившемся впоследствии родстве Маргариты с королевой Марго. Интересна возникающая в данном ряду ассоциативная связь: сокровище — тюрьма — огонь (пожар) — Варфоломеева ночь. Ср. в этой связи ходячее выражение 30-х годов «золотые ночи» по поводу проводившихся обычно ночью операций массового «взятия» граждан, от которых надеялись получить ценности. Перед нами, таким образом, еще один вариант «ночи» (Варфоломеева ночь — «золотая ночь»), подключающийся далее к кульминационному синтетическому образу Вальпургиевой ночи (бала).

Вся эта линия «злодейства», совершаемого из-за денег (куда относится также кровь на кошельке Иуды, монолог Скупого рыцаря, читаемый Куралесовым в сне Босого, ария Германа там же и др.), хорошо передается формулой: «Люди гибнут за металл» — слова из знаменитой арии Мефистофеля, бывшие ходячей остротой 30-х годов по поводу «золотых ночей». Ария Мефистофеля соединяет тему «гибели» — «злодейства» с оперной театрализацией (не говоря уже об очередном подключении темы «Фауста»).

Действительно, яркая театральность сопровождает все истории с валютой — и сеанс в Варьете, и сон Никанора Ивановича, и даже сцену допроса Никанора Ивановича с театрально-речитативными восклицаниями последнего («Господь меня наказует за скверную мою» и т. п.) и с реминисценцией из знаменитого монолога Бориса («Борис Годунов» Пушкина и Мусоргского — снова литературно-музыкальный монтаж, и снова те же имена): «Вон он! Вон за шкафом! Вот улыбается! (ср. в опере: «Что это там, в углу? (. . .) Чур, чур, дитя!»)¹. Одновременно, однако, это место является цитатой из «Записок сумасшедшего» Гоголя; ср. «Вон видите, из ложи первого яруса она наводит лорнет. Вы думаете, она глядит на этого толстяка со звездой? Совсем нет, она глядит на черта, что у него за спиной. Вон он спрятался к нему за звезду. Вон он кивает оттуда к ней пальцем!» (в этой цитате соединение темы безумия с театральным антуражем).

Аналогично, в патетически-декламационном стиле, выдержана речь «конферансье» в сцене сна: «Эти глаза не лгут», «Пусть тот ад, который устроит вам ваша супруга, будет вам наказанием» и т. д. Да и история с деньгами Иуды заканчивается спектаклем, театральным эффектом, которым откровенно наслаждается Пилат.

Обратимся наконец к третьей ипостаси «проклятых денег» — их сверхъестественной «сатанинской» природе. Она прослеживается, во-первых, в сцене сна, где, как мы уже отмечали, наряду с театральными и горемными ассоциациями присутствуют мистически-апокалиптические мотивы: «голос с неба» (громкоговоритель), произносящий слова: «Сдавайте валюту», вспыхивающие на стене красные надписи

¹ Ср. еще один пример выхода на поверхность темы «Бориса Годунова» [в двойном музыкально-литературном освещении] в одной из ранних редакций романа, в которой Иванушка, в погоне за Воландом, вдруг оказывается на паперти у храма Василия Блаженного: «И сидел Иванушка, погримывая веригами, а из храма выходил царь. (. . .) — Студные дела твои, царь, — сурово сказал Иванушка, — ну, а дай денежку мне, царь Иванушка (. . .) помолюсь за тебя». [Ср. одновременно идею «машини времени» и перенесение в эпоху Ивана Грозного — мотив, использованный писателем в пьесе «Иван Васильевич».]

с теми же роковыми словами, чудо гибели и воскресения артиста Саввы Куролесова и т. д. Да и сами «номера», которые демонстрирует «конферансье», — это одновременно и фокусы и чудеса; наконец обстановка чуждого сна, в которой все это происходит, еще более усиливает мистическую окраску. Перед нами храм, но храм, в котором идет служба дьяволу-золоту, — капище сатаны. Мотив поклонения золотому кумиру скрепляется посредством все той же арии Мефистофеля, ключевой в проведении темы валюты:

На земле весь род людской
Чтит один кумир священный,
Он царит во всей вселенной:
Тот кумир — телец златой¹.

Все фокусы и превращения, совершаемые в романе с деньгами, тоже вливаются в данный мотив. Здесь существенно, что автором всех этих проделок с деньгами является Коровьев. Это обстоятельство проясняет смысл фамилии Коровьев — «златого тельца», царящего в сатанинском храме-балагане².

Для обрисовки мотива златого кумира важное значение имеют и золотые идола без глаз, окружающие дворец Ирода Великого (деталь, повторенная

¹ Сквозное значение этой арии в романе подтверждается, между прочим, тем обстоятельством, что Воланд коварно, но настойчиво представлен читателю как **о п е р ы й б а с**: сначала в сцене погони, в которой Ивана, как ясно дает понять автор, ведет нечистая сила и которая сопровождается пением баса («И на всем его трудном пути невыразимо почему-то мучил вездесущий оркестр, под аккомпанемент которого тяжелый бас пел о своей любви к Татьяне»); затем, при попытках дозвониться на квартиру № 50, в трубке возникает бас, поющий «Скалы, мой прият» [см. о данном мотиве также § 6 и 7.2]. Интересно, что пьеса «Зойкина квартира», в которой широко представлена тема денег и различных чудес с деньгами, напоминающих фокусы Коровьева, начинается под граммофонное пение «На земле весь род людской».

² Стремим попутно, что второе имя Коровьева — Фагот — явно связано как с надтреснутым тембром голоса, так и его шутовским амплуа («фагот-пересмешник»), то есть тоже является «говорящим именем» [ср. также содержащуюся в этом имени отсылку к «Горю от ума» — § 4]. О смысле регента Коровьева мы уже говорили [§ 2].

несколько раз). Интересна параллель, возникающая между этими идолами и фигурой «металлического человека» на Тверском бульваре — памятником Пушкину. Судьба самого Пушкина включена в один ассоциативный ряд с судьбой Иешуа и Мастера: гибель и бессмертие («Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие»). Но его памятник в Москве, рядом с Грибоедовым, превращен в «идол». Пушкин оказывается средством, при помощи которого добывает валюту «симпатичный молодой человек»: прослушав «Скупого рыцаря», совестливый Иван Канавкин тут же сдал золото, в женском отделении аналогичное действие оказывает рассказ о горестной судьбе Лизы и Германа. Пушкин, таким образом, оказывается таким же средством добывания денег, каким был Иешуа — для Иуды. В этой трактовке темы Пушкина несомненно сказалося обстановка пушкинского юбилея (1937 год).

Связь темы Пушкина с идеей «идола» («кумира») осуществляется также путем подключения в ассоциативный ряд «Медного всадника». В этом ряду важным звеном является и вторая часть «Фауста», с ее темой строительства каналов (о значении этого мотива в романе мы уже говорили) и осушения болот (последняя вновь приводит к «Медному всаднику» — мотив строительства Петербурга). В этом сложном ассоциативном ряду всплывает еще одна тема, очень важная для Булгакова (ср. § 1): судьба литературного героя (в данном случае Петра, превратившегося в «кумира на бронзовом коне») сливается с судьбой автора.

Между прочим, ассоциация памятника Пушкину с Медным всадником неожиданно всплывает в рассмотренном ранее стихотворении Маяковского «Юбилейное»: поэт разговаривает с ожившей статуей Пушкина. Но если Маяковский обращается к памятнику в фамильярно-доброжелательном тоне, то Рюхин разговаривает с памятником со злобой, в припадке неврастении — в точном соответствии с поведением «безумца бедного» — Евгения в поэме Пушкина. Ср. также еще одно «амплуа» Рюхина в романе — Молчалин («маленький человек»). Данные ассоциации, по принципу обратной связи, придают еще один аспект теме Маяковского в романе, присоединяя к ней мотив «безумца бедного».

Характерно также название, данное в романе памятнику Пушкину, — «металлический человек» (а также мотивно с ним связанные «золотые идолы») — ср. пушкинские заглавия: «Медный всадник», «Каменный гость».

Для характеристики темы Пушкина в «юбилейном» аспекте существенны также ходячие выражения, которые на каждом шагу употреблял домоуправ: «Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: «А за квартиру Пушкин платить будет?» или «Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?», «Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?» (ср. также еще более характерное: «Пусть Пушкин им сдает валюту»). Эти обстоятельства, с одной стороны, косвенно актуализируют для нас обстановку пушкинского юбилея (репродукция в среде, к которой принадлежит домоуправ, бесконечного юбилейного повторения имени Пушкина), с другой же стороны, оказываются точными параллелями выражения типа «Господи», «Боже мой» — параллель, связывающая дополнительно в романе образы Пушкина и Иешуа (а тем самым и Мастера) и их судьбу.

Все прослеженные в этом параграфе линии сливаются в адском карнавале, проходящем опять-таки как бы на фоне слов оперного Мефистофеля: «Сатана там правит бал». Тут и театральность, и тема преступления, и всевозможные чудеса-превращения, и, наконец, мотив но ч и и ночного шабаша. Мы уже видели, что образ бала сатаны распространяется на весь изображенный в романе мир; тема золота и «золотой ночи» еще более укрепляет и делает более многосторонним это отождествление. Под пение «тяжелого баса» (ария Мефистофеля) весь этот мир шествует на казнь (ср. «Фантастическую симфонию»), подобно тому, как в начале романа Иван Бездомный совершал свой «трудный путь» — путь на Голгофу. Мы знаем также, что путь этот действительно заканчивается Голгофой — Лысой Горой — Вальпургиевой ночью, где Воланд и произносит свой окончательный приговор.

Продолжение следует

КУЛЬТУРА И ДЕТЕКТИВ

I

Очень часто советские критики, рассматривая литературные произведения сугубо местного назначения, теряют ощущения масштаба, забывая, что на свете кроме . . .ской ССР (или АССР) существуют еще Западная Европа, США и Латинская Америка и что там, по всей вероятности, тоже есть литература.

Жанр детектива возник в середине — второй половине XIX века в США и Англии (Эдгар По, У. Коллинз, Г. К. Честертон, А. Конан Дойл) и дальнейшее развитие получил в XX веке. По сути детектив — это специфический жанр литературы и кинематографа XX столетия. Возникновение детектива именно на пороге нашего века связано, помимо урбанизации, роста преступности и применения научных методов в криминалистике, с резкими изменениями в культурном сознании, его релятивизацией — перемещением акцента с безусловной истинности каких-либо ценностей к процедуре поисков истинности. Именно в XX веке стало ясно, что истина как результат исследования зависит от тех методов, при помощи которых исследование проводилось. В этом плане прослеживается определенная зависимость между жанром детектива и философским направлением в культуре.

Западноевропейский детектив имеет три типологические разновидности.

1. Английский детектив. В этой разновидности жанр дан в наиболее чистом виде. В центре сюжета здесь сам про-

цесс поисков истины. Герой — сыщик-аналитик, который путем логических умозаключений в конце повествования «вычисляет» личность преступника. (В наиболее строгом случае вводится дополнительное условие — ограниченное число действующих лиц, на которых может упасть подозрение. Классические примеры — «Смерть под парусом» Ч. П. Сноу, большинство романов Агаты Кристи.)

2. Французский детектив. Здесь, как правило, жертвой является сам расследующий преступление. В качестве двигателя сюжета выступает некоторое смещение деталей, непонятное ни герою, ни читателю, которое создает острую экзистенциальную ситуацию и ощущение сверхъестественности происходящего. Развязка сюжета представляет собой рациональное объяснение тайны. Классические примеры — романы Буало — Нарсежака и Себастьяна Жапризо.

3. Американский, или «жесткий», детектив. Герой, занятый поисками истины не путем дедуктивного метода, а при помощи активных действий, находится в гуще событий. Акцент в этой разновидности жанра перенесен на само действие — драки, погони, бесконечные убийства. Герой борется один против всех, не разбирая дороги и не задумываясь над методами борьбы. Развязка, как правило, сопровождается тем, что убийцей оказывается лучший друг героя (классический пример «Стеклянный ключ» и другие романы и повести Дэшила Хэммита).

Англия — родина математической логики и аналитической философии (Бертран Рассел, Джордж Эдвард Мур), в центре проблематики которых логический анализ языка, нахождение истины путем строгого вывода. Соответствующим образом строится и ан-

Андрис Колбергс. Ночью в дождь . . . В автомобиле, под утро. — Р.: Лиесма, 1988; Ничего же не случилось. Роман. — «Родник», 1987, № 9—12; 1988, № 1—3.

лийский детектив, все действие которого может происходить в одной комнате или, в предельном случае, в кабинете сыщика-аналитика в рассуждениях, служа лишь поводом для демонстрации дедуктивного метода.

Господствующее философское направление во Франции XX века — экзистенциализм. Соответственно французский детектив ставит героя в острую экзистенциальную ситуацию выбора, а сюжет посвящен раскрытию психологических черт личности и обсуждению проблем истины и лжи.

Господствующая философская доктрина в США первой половины XX века (время классических образцов жесткого детектива) — прагматизм. В соответствии с ней истина познается в действии, а истинным принято считать то, что выгодно или полезно считать таковым. В соответствии с этим и построен американский детектив — для того, чтобы раскрыть преступления, необходимо активное вмешательство в происходящие события; обладатель истины тот, у кого больше денег или тот, у кого тяжелее кулаки.

Конечно, возможны сочетания из всех трех разновидностей. Наиболее интересный в этом плане пример «Три дня Кондора» (пожалуй, в большей степени фильм С. Поллака, а не его литературная основа). Герой одновременно является и аналитиком, зарабатывающим на жизнь чтением и машинным анализом детективов, и сам попадает в острейшую экзистенциальную ситуацию (всех его сослуживцев неожиданным и загадочным образом убивают), и активно вмешивается в происходящее. Существуют и другие гибриды, например романы Ж. Сименона о Мегрэ, синтез английского детектива и социально-психологического романа. Совсем недавно читатели журнала «Иностранная литература» познакомились со своеобразным культурологическим детективом, романом итальянского культуролога-структуралиста Умберто Эко, синтезом Конан Дойла и Борхеса. Действие происходит в средневековом бенедиктинском монастыре, количество подозреваемых ограничено, герой — средневековый Шерлок Холмс — последователь английского философа-аналитика XIV века Уильяма Оккама.

Почему детектив так тесно связан с философской традицией? По-видимому, вследствие того, что самое главное

в детективе — поиски истины. Понимание же того, что такое истина и как ее достичь, содержится именно в философской традиции данной национальной культуры. При этом ясно, что отнюдь не любая национальная традиция способна создать или активно развивать детективный жанр. Трудно себе представить, скажем, индийский или китайский детектив. Между тем принято считать, что советский детектив существует.

2

Мы будем говорить о романах Колберга как о явлениях литературного процесса на русском языке. Не рискуя с уверенностью сказать этого об оригиналах, можно тем не менее утверждать, что в этом качестве его романы представляют собой странное впечатление. Действие их растянуто, сюжет топчется на месте, герои то и дело ударяются в морализаторство, и, как водится в нашей словесности, богатые автоматически оказываются преступниками, труд облагораживает человека, а добро и светлое будущее в конечном счете побеждают.

Я начну с наиболее удачной публикации, романа «Ничего же не случилось», печатавшегося с продолжениями в семи номерах журнала «Родник». По правде говоря, название для детектива странноватое. И действительно, ничего не случается — ни автомобильных поворотов сюжета здесь нет. В общем, ничего того, ради чего люди обычно читают детективы. Хотя автор названием предупреждает об этом заранее, читатель все же вправе надеяться, что это ложное ожидание, которое будет хотя бы к середине действия обмануто. Нет. Все от самого начала до конца размеренно и неторопливо. Значит, должно быть нечто другое, чем компенсируется отсутствие увлекательного сюжета. Что же?

В центре повествования история девушки, современной городской Сандрильоны, которая, после того как отца сажает за растрату, а мать выбрасывается из окна, попадает в психиатрическую больницу. Впрочем, последнее обстоятельство никак почти на сюжет не влияет, лишь провалы в памяти заставляют героиню забыть лицо человека, находившегося в комнате в момент самоубийства матери. Но тайна эта великодушно раскрывается в се-

редине действия и в дальнейшем никак не работает на развитие сюжета. Героиня устраивается на работу в ресторан посудомойкой — потом становится танцовщицей в варьете (вариант достаточно классического киносюжета в советском кинематографэ 30-х годов. «Веселые ребята», например) — ее соблазняет директор ресторана, который и оказывается виновником всех бед, произошедших в ее семье, — она стреляет в директора, но лишь легко его ранит. Все участники преступления арестованы. Наиболее оригинальная линия в сюжете — это тема разрушенного дома героини (читай — погубленной Латвии) и мечта о его восстановлении, символизируемая портретом деда с орденом Лацплесиса третьей степени, который один продолжает висеть на стене в квартире, где все вещи проданы или конфискованы.

Роман написан в 1987 году, в нем отчетливо ощущаются следы злободневности, «нового мышления». Официанты открыто говорят, что после «сухого закона» 1985 года в ресторане работать крайне невыгодно (никакого навару), милиционеры обсуждают проблемы проституции и наркомании в Латвии.

Но наиболее радикальное художественное новшество заключается в том, что в текст романа вплетены отрывки из «Жизни животных» Брэма, повествующие о черных и серых крысах. Надо сказать, что это действительно удачный прием, по-своему высветляющий и комментирующий действие романа, хотя сам по себе он в высшей степени не оригинален. Моментально вспоминается фильм Аллена Рене «Мой американский дядюшка», в котором сюжет прерывается кадрами, рассказывающими об экспериментах на крысах. Крысы однозначно ассоциируются с бихевиоризмом («гонять крыс» — типичное выражение для бихевиористской психологии), хотя сам прием ведет, пожалуй, к фильму Бунюэля «Золотой век» со скорпионами в начале сюжета. Бихевиоризм — направление в американской психологии (явным образом философски окрашенное), которое рассматривает действия индивида по формуле «стимул — реакция». То есть личность не интересуется бихевиористов, она представляется черным ящиком, о внутренности которого можно судить только по входу (стимул) и выходу (реакция). Действительно, во многом

так и происходит в романах Колберга, автор не стремится проникнуть во внутренний мир персонажей, описывая только входы и выходы их сознания. Крысы, однако, создают у читателя довольно сильную атмосферу брезгливости, так или иначе влияющую на восприятие происходящего. Но и это, очевидно, входит в намерение автора. Действительно, симпатии не вызывают ни преступники, ни даже милиционеры (в советском детективе носители абсолютной истины и света).

В XX веке понятие истины тесно связано с категорией игры и, соответственно, с игровым отношением к миру. Ср. такие математические дисциплины, как теория игр Дж. фон Неймана, концепция языковых игр Л. Витгенштейна и, в особенности, теоретико-игровая семантика Я. Хинтикки, где процедура приписывания высказыванию значения истины или лжи строится как игра человека с Природой, когда каждое высказывание представляет собой ход в игре и при этом высказывание считается истинным, если выигрывает человек, и ложным, если выигрывает Природа. Классический английский детектив также строится как игра, разгадывание головоломки или решение кроссворда. Также отношение к миру в корне чуждо латышской литературе, где отношение к миру принципиально серьезное, эпическое. Исключение, пожалуй, составляет Маргер Зариньш, романы которого наполнены бурлеском и буффонадой — и в этом своем качестве Зариньш — писатель, наиболее близкий западноевропейской традиции.

Вероятно, Колберг (в отличие, скажем, от Имерманиса, детективы которого явно ориентированы на американскую традицию и поэтому занимательны, но столь же явно вторичны) стремится создать национальную разновидность детектива. Но дело в том, что в латышской культуре нет никаких предпосылок для возникновения острого нарративного жанра. В результате жанр теряет самое главное, что у него есть, — остроту и занимательность — и ничего не приобретает взамен — ни глубины философских обобщений и психологической достоверности новелл Честертона, ни мягкого гуманизма романов о Мегрэ. Повторяю, речь идет о том, как это воспринимается

на русском языке, ибо известно, что мнение культуры о себе самой и взгляд со стороны почти никогда не совпадают.

3

Но если в романе «Ничего же не случилось» явно чувствуется профессионализм, то книга, изданная «Литературной», производит просто угнетающее впечатление. Здесь тот же детектив без детектива, но на сей раз нет ничего решительно, что бы могло компенсировать отсутствие традиционных черт поэтики этого жанра. Нет даже крыс, хотя ощущение чего-то неприятного и здесь остается. Вот герои-следователи, их четверо. Безымянный подполковник, от чьего лица ведется рассказ, его Шеф, его помощник и дама-следователь из прокуратуры. Никакой драматургии в их отношениях нет. Разумеется, вовсе не обязательно, чтобы один из сыщиков был хитроумным, а другой — простозатым, хотя еще в 20-х годах Виктор Шкловский в «Теории прозы» показал, что это соотношение сил работает на сюжет стопроцентно. Умберто Эко в упомянутом культурологическом детективе «Имя розы» использовал этот прием, непосредственно цитируя Конан Дойла. В роли Шерлока Холмса здесь выступает монах-философ, а в роли Ватсона — его ученик-бенедиктинец. Повествование от имени тростника создает необходимый прагматический зазор между тем, что знает автор, что — герой и что — читатель. Но Колбергу, конечно, не до условностей. У него все, «как в жизни». О помощнике известно только то, что он неравнодушен к дамам, Шеф комично водит автомобиль. На следствие герои едут в электричке, ибо это только в низкопробных романах сыщики разъезжают повсюду на авто. Преступники тоже вполне жизненные: директор завода, директор магазина, завскладом, заводделом реализации. Все серые, ничем не выдающиеся люди, которые впадают оттого, что у них такая должность, на которой невозможно не воровать. Читателю должно быть совершенно безразлично, кто в конце концов окажется преступником: завскладом или заводделом реализации. В другом романе все то же самое: талантливый хирург-взяточник, его жена, его любовница, никаких неожиданностей, опять-таки все как в жиз-

ни. Их сыновья оказываются поддонками, так как богатство и безделье возвращают их и заводят на кривую дорожку. Жертва — чюмпен Грунский — личность настолько отвратительная, что сочувствия вызывать не может. А ведь по закону жанра читатель должен не только болеть либо за преступника, либо за сыщика но даже, более того, психологически отождествлять себя с кем-то из них.

Поклонники Колберга опять-таки возразят, что это особый жанр, бытовой, исключительно жизненный детектив, нарушающий условные рамки жанра.

Но представьте себе футбольный матч, на котором один игрок, удобно устроившись, играет в карты на травке, другие лениво катают мяч по полю, вратари подтягиваются на штангах, а зрители спят. Можно сколько угодно убеждать зрителей, что это такой особый, жизненный футбол. Но убедить в этом можно только советских зрителей. Их вообще можно убедить в чем угодно, как показывает наша славная история.

Когда мы говорим, что искусство отображает жизнь правильно или ложно, мы считаем, что нам известно, что такое жизнь. А этого на самом деле сказать мы не можем (подробно об этом см. интервью, данное Ю. М. Лотманом журналу «Кино», 1987, № 1).

Самое удивительное, что детективы Колберга раскупаются довольно быстро, в противоположность произведениям его собратьев по перу, латышских писателей-соцреалистов, которые солидно пылают на полках книжных магазинов по несколько лет.

Советский читатель не привередлив. Одни покупают для того, чтобы читать, другие — чтобы помянуться с первыми на Булгакова или Гессе. Куда-нибудь да сойдется, не пропадет.

Сюжет в классическом советском «детективе» обусловлен не философией, а идеологией. В нем миллионеры всегда бескорыстны и человечечны, а преступников, как правило, перевоспитывает и оздоравливает честный труд в местах не столь отдаленных.

Одним словом, какова культура, таков и детектив. Перефразируя название замечательной статьи искусствоведа Михаила Ямпольского «Кино без кино» («Искусство кино», 1988, № 6), можно сказать, что в советском искусстве господствует литература без литературы. Непризнание в СССР самого

феномена массовой литературы приводит к резкому падению профессионализма. Литература отображает реальность — эта злосчастная формула на протяжении 50 лет пожирала тонны бумажной халтуры. Советские писатели, по-видимому, давно забыли, что литература в некотором роде — это искусство слова. Такое впечатление, что они пользуются словами просто потому, что иначе никак не получится.

Следуя терминологии М. Ямпольского, «логоцентризму» советского кинематографа (то есть пренебрежительному отношению к киноязыку и диктату сценария) соответствует «идеацентризм» советской литературы (то есть пренебрежение к слову и диктат идеологии).

4

Как тексты, написанные на русском языке, рецензируемые произведения не выдерживают никакой критики. Можно понять переводчика этих романов, что в публикациях в «Роднике» он не поставил своей фамилии; так сказать, переводчик пожелал остаться неизвестным.

Ибо все это написано буквально на ломаном русском языке. Ощущение такое, что перевели чисто автоматически, слово за словом, не вдаваясь в смысл предложения. Привожу примеры из романа «Ночью в дождь...» — издательство «Лиесма». «Тогда полковник еще не был **произведен в начальники**» (с. 14). По-русски так сказать нельзя. Производят в чин, на должность назначают. «Сегодня я расспросил о Грунском **двадцать трех человек**» (76). В русском языке сложные количественные числительные согласуются в падеже — двадцать три человека, двадцати трех человек. Об этом написано в учебнике Бархударова и Крючкова для учащихся 5—8-х классов средней школы. «Коллегу, которому суд поручил защиту Винарта (...) адвокат таким образом **лишил слова**» (100). Лишить слова может только судья. Имеется в виду, что адвокат лишил коллегу возможности сказать нечто, поскольку он уже это сказал сам. Переводчик не владеет простейшей юридической терминологией. «**Что вы не помните?**» По-русски при отрицании винительный прилагательный актанта трансформируется в родительный:

«Что вы не помните?» Конечно, героимиллиционеры, да к тому же и латыши, могут этого и не знать, вопрос в другом: известно ли это переводчику? «Стол накрылся как по мановению волшебника: подкрахмаленная **скатерть спланировала** точно на место» (129). Можно понять, что спланировала — от слова «план», то есть что скатерть спланировала (запланировала) себе точно место на столе. «Потребую **расписку о невыезде**» (143). По-русски «подписку о невыезде». «Обоюдно аргументированный разговор заканчивался минут через пять» (189). Здесь вообще трудно понять, что означает «обоюдно аргументированный разговор». «В отличие от меня музыка не мешала ему работать». По контексту можно понять, что музыка не мешала тому, о ком говорят. Тогда это грубая синтаксическая ошибка. Второй вариант — музыка мешала тому, кто говорит. На взвешивание вариантов уходит слишком много времени. В результате книгу не хочется лишний раз брать в руки. Такое впечатление, что роман переводился в самом центре огромной коммунальной квартиры, под визг детей, ругань соседок и шипение примусов; когда же рукопись готовилась к печати, редактор ушел в отпуск, а корректора уволили и книга вышла, если пользоваться местным диалектным выражением, «так само».

По-русски так говорят русские, когда они хотят передразнить иностранцев. По всей вероятности, это не входило в задачу романиста. Просто переводчику явно было лень подыскивать эквивалентные русские обороты речи. И произошло это не потому, что переводчик не владеет русским литературным языком, а потому, что, как известно, и так сойдет. И действительно, сходит.

Все это не делает чести ни латышской, ни русской культуре. Существование массовой литературы — необходимость, с которой все давно смирились. Но при нормальном течении литературного процесса спрос на массовую продукцию определяется рыночной конъюнктурой. Очень сомневаюсь, что эта книга имела бы успех, если бы рынок мог удовлетворяться произведениями детективной классики или современными произведениями, авторы которых решают поставленные перед жанром задачи оптимальным путем.

Маргерис ЗАРИНЬШ,
народный художник СССР

ПРОБА НА ДОСТОИНСТВО

В зале известного всем рижанам здания «Арсенала», восстановленном по случаю организации картинной галереи, 8 сентября открылась ретровыставка «Изобразительное искусство Советской Латвии 1944—1957 годов». На ней представлены живопись, графика, плакаты, скульптура. И... оригиналы документов тех лет: протоколы заседаний, приговоры, не подлежащие обжалованию, разоблачительные характеристики, ценные указания руководящих чиновников невежам-художникам (между прочим, таким выдающимся мастером, как К. Убанс, Г. Элиас, Л. Свемп).

Впечатляет. Но есть, по-моему, один недостаток — ну что бы не повесить в золоченых рамах шедевры соцреализма, принадлежащие кисти Даненхирша, обер-прокурора живописного искусства той светлой поры (кстати, плакавшего навзрыд на похоронах Сталина), и его присяжных, вкупе с их фото- и биографиями. Не помешало бы — в качестве урока суетным юным карьеристам, ибо сказано еще в прошлом веке у Юриса Алунана, оплакавшего их незавидную участь:

Те, кто, чванясь без конца,
Торгует всякою трухой,
Гляди, выветриваются
Из памяти людской.

Большинство нынешних деятельных молодых художников воспринимают сию экспозицию как некую штучку, курьез, не более того. Приходят позавлечься. Мне же, свидетелю тех лет (хотя и питомцу иных муз), право

не до смеха — мороз по коже... Багрово-черное освещение зала навеивает кроваво-мрачные воспоминания, а люющиеся под сводами звуки песни «Широка страна моя родная» усиливают эффект. Как, впрочем, и выглядывающий из-за портьеры гипсовый бюст товарища Сталина. Чу! Рядом станется френч в медалях-орденах, ни головы, ни туловища, но слышно змеиное шипение: «Тогда и в искусстве была дисциплинка! Не сомневайся, товарищ, скоро наведем порядок». Теперь вижу — и голова при нем, а в ней планов громадье. Неплохо бы познакомиться, да он руки не подает, отшучивается: «Егор... Федот, да не тот!» — Это верно, для заключения пакта о дружбе и ненападении надобны двое. Мне он не доверяет... Ведь по части изобразительного искусства я весь гнилой с молодых ногтей. Лет двенадцать мне было, когда к отцу зачастил в гости какой-то кубист, всякое лето наезжал. А брат отца, дядя Янис, одно время в импрессионистах состоял. В Риге наш гимназический учитель рисования был явным пессимистом (насчет моих способностей). А классный наставник в Елгавском педагогическом институте латышский стрелок Карлис Балтгайлс, известный живописец, являлся аж экспрессионистом. Словом, считаю себя вправе напечатать разгромную рецензию на эту ретровыставку в «Арсенале».

В конце двадцатых — начале тридцатых годов рижские художники объединялись в бесчисленные группы и группочки. Выставлялись наперебой. Помню Обществу Монашеского остро-

Плакат

ва, Зеленую ворону, Независимых, Рижскую группу, экспериментальную студию Народной высшей школы... еще, пожалуй, выставки русского художника Богданова-Бельского, художественный салон ЛТА («Леты» — Латвийского телеграфного агентства); посещал я и салоны мадам Элли Розенталь и мадам Мэри Гринберг.

Еще в 1920 году, когда Советская Россия и Латвия подписали «вечный» мирный договор, большинство латышских художников вернулись на родину. Они привезли с собой новые веяния — футуризм, пролеткульт, революционные идеи. Гревели имена Кандинского, Малевича. Даже кубизм проник к нам не напрямую из Парижа, а кружным путем — через Петроград и Москву. Отто и Уго Скулме, Роман Сута, Никлас Стрункэ — знаменитейшие «модернисты» первых латвийских выставок. И тотчас заработали ярлык — «левые». Все, что было связано с кубизмом, супрематизмом, экспрессионизмом и прочими «измами», почему-то приписывалось коммунистам или, на худой конец, социал-демократам. Напротив, маститые академики — проф. Пурзентис, проф. Зариньш, проф. Тилбергс — автоматически попали в националисты,

то бишь «правые». И в прессе, и в академии между этими лагерями завязались острые дискуссии и жаркие бои. Едва ли не с идеологической подкладкой. Реалисты (передвижники) — консервативное, значит, крыло, модернисты (экспрессионисты, кубисты) — прогрессивное. К звездам «прогрессивистов» принадлежали Г. Элиас, Р. Сута, Л. Свемг, а также О. Скулме, Э. Швейц и др. В «оголтелых националистах» ходили Я.-К. Тилбергс, К. Миесникс, скульптор Т. Залькалн и др.

После Великой Отечественной войны, между 1944 и 1957 годами произошел крутой поворот. Внимательно присмотритесь к выставленным в «Арсенале» работам, вчитайтесь в представленные документы. Всевышнему угодно было перевернуть все вверх тормашками, на 180 градусов: «левые» внезапно стали буржуазными националистами, «правые» очутились в ставной когорте живописцев правящего класса — среди соцреалистов! Правда, кое-кто из «модернистов» ради чина и славы живонохко перекрасился в «реалиста». А вот полотна Элиаса, Свемга и Убэнса попросту были запрещены, и значенных профессоров вышвырнули из дружной, сплоченной семьи педагогов

Академии художеств Латвийской ССР. Зато «правая» профессура поднаторела в малевании «тематических» картин — они-то и висят сегодня в «Арсенале», для посрамления авторов (коли им:т срам) и к стыду их детей и внуков.

Поучительная выставка. В смысле пользы — сногшибательная. Из разно-го все-таки теста слеплены художники! Один постов и комфорта ради готов хоть самому дьяволу душу заложить. Полюбуйтесь: март 1949-го, год зверской сталинской депортации, — и пышущие счастливым румянцем щеки, безлозубые улыбки поющих людей, веселится и ликует весь народ... Другой, наоборот, вопреки всему упрямо твердит свое «нет!». Его картин мы и на этой выставке не увидим, зато ознакомимся с протоколами: к примеру, полотна Убанса — дышат пессимизмом, понимаете ли. Небось по кула-

честву тоскует! И Я. Лиепиньш, наивный человек, воображает, что мощными мазками можно компенсировать насквозь вульгарную тем; уничтожение латгальских памятников — природного креста и лика Спасителя. И Хилда Вика, чья комсомолочка — та же Мадонна, только нацепившая (для красоты, верно) значок передовика...

И поныне не изжита привычка угрожать начальству, слепо внимать «идейным» наставлениям, сулящим «материальную» выгоду. Вот Он и ждет упорно своего воскресения и требует, непреклонный, возврата старых порядков. Говорят, судей и палачей изобразительного искусства тех лет уже не призвешь к ответу. Срок давности истек. Но их имена и фамилии, фотографии и биографии следует все же опубликовать и выставить на всеобщее обозрение. В назидание нынешним карьеристам.

Янис-Робертс Тилбергс. Маркс и Энгельс за составлением Манифеста коммунистической партии. 1947 год

НЕТ КОМПАСА

Вот уже второй год я выписываю журнал «Даугава». Интерес к журналу возрастает с каждым номером. Объясняется это тем, что журнал не носит характер местнический, узкий, а выходит на интеллектуальный уровень лучших центральных журналов. Публикация материалов о Мандельштаме, Заболоцком, Шкловском, Тынянове, Каверине, о злодеяниях Сталина, а также лучших произведений латышских писателей заметно выделяет «Даугаву» среди других республиканских журналов.

Хочу поделиться и своими размышлениями. Необходим справочно-библиографический материал. Где, когда, какая книга, каким тиражом была издана, где ее можно приобрести, какие и где были рецензии. Нужен компас в мире книг.

Приведу пример: в июньском номере журнала за этот год опубликована статья нашего выдающегося современного писателя Вениамина Каверина о книге Михаила Зорина «Все, что суждено». В Одессе этой книги я не нашел, Ленинская библиотека книгу не высылает. Редакция, на мой взгляд, обязана была дать библиографическую справку о книге «Все, что суждено».

Думается, несложно и указать адреса книжных антикваров, для возможности закупки некоторых книг русских и латышских писателей в переводе.

С. Марко, г. Одесса (управление «Антарктика»)

Уважаемый тов. Марко!

Конечно, мы должны сообщать, где вышла книга, что мы и стараемся делать. Но где книгу купить... И адреса антикваров... Это за пределами наших возможностей.

ПОЧЕМУ?

Я давно выписываю ваш журнал, привык к оформлению и подаче материала. Но теперь вы решили «перестроить» свое издание. Кстати, большой нужды в этом я не вижу: «Даугава» и раньше не чуралась острых социальных проблем. Но это ваше дело, каждый в перестройке видит свое.

А вот на один вопрос я настоятельно требую ответить мне:

Почему в «Даугаве» нет (и не будет) ранее обещанных произведений А. Имерманиса «Сейфу требуется взломщик», А. Пуриньша «Золотой паук смеется», Е. Баренбойма «Война за погоду»?

Извините за резкость, но нас долго обманывали, и ваше поведение по крайней мере кажется странным.

Ваш читатель Олег Вячеславович Щеголевых.

Уважаемый Олег Вячеславович!

Что касается визуальных перемен, то мы стремимся к большей согласованности характера иллюстраций и проблемности публикаций, нарастающей, как нам кажется. Что же до конкретных и требовательных Ваших «почему», то, при всем уважении к Имерманису и Пуриньшу, чьи произведения были обещаны прежним руководством журнала, мы отдали предпочтение более болевым публикациям. «Война за погоду» Баренбойма остается в перспективе — автор заканчивает готовить для «Даугавы» журнальный вариант.

Отдел прозы

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДАУГАВА»

за 1988 год

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

ГИНЗБУРГ Евгения. Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. VII—3 (предисловия Анатолия Рыбакова, Василя Быкова. Статья Антонины Аксеновой «О матери»), VIII—9, IX—3, X—3, XI—3, XII—3. Продолжение следует.

ГОРЕЛОВСКИЙ Георгий. У отца. Рассказ. II—56.

ЗВИРГЗДИНЬШ Юрис. Единорог. Рассказ. Перевел Леон Гвин. VII—64.

ЗИГМОНТЕ Дагния. Проклятие. Роман. Перевела Вика Дорошенко. II—6, III—7, IV—11.

КОВАЛЬ Леонид. Корни дикой груши. Главы из романа. V—10.

КОЛБЕРГ Андрис. Рыболов и монумент. Рассказ. Перевел Зигфрид Тренко. V—74.

ЛЕВКИН Андрей. Казенный дом. Безумие. Свалка. Рассказы. III—63.

ЛУКАШ Иван. Часы Людовика. Гомункулус. Рассказы. Предисловие Романа Тименчика. VI—52.

НЕЙБУРГА Андра. Птицы в клетках и чучела птиц. Рассказ. Перевела Виолетта Семенова. I—13.

СНИПС Артур. Пигмалион и Галатея. Рассказ. Перевела Виолетта Семенова.

Тютя купит корову. Рассказ. Перевел Леон Гвин. VIII—68.

ФРЕЙМАНИС Айвар. Городок под репродуктором. Перевел Леон Гвин. VI—10.

ЧЕХЛОВ Александр. Расстрелянные звезды. Забытая битва. Рассказы. I—40.

ЭГЛИТИС Аншлавс. Фараон. Рассказ. Перевела Нина Бать. Вступление Ингриды Киршентале. X—73.

ЯКУБАН Андрис. Последняя жена Медвежатника. Рассказ. Перевел Юрий Абызов. XI—58.

ФАНТАСТИКА

ВАРШАВСКИЙ Илья. Последний кит. Кукла. Рассказы. Вступление Андрея Балабухи. IV—66.

НАБОКОВ Владимир. Истребление тиранов. Послесловие Романа Тименчика. IX—67.

ПОЛОЦК Илан. Рейд. Рассказ. IV—74.

ПОЭМЫ, СТИХИ

БРИЕДИС Леон. Реквием мотыльку. Перевел Алексей Королев. I—3.

ГУДАНЕЦ Николай. Элегия о человеке. I—8.

ГУТМАНИС Олаф. По глухим болотам журавли кричат. Перевел Александр Зорин. II—53.

ЕЛИЗАРОВА Валентина. В зеленом тереме земли. VIII—65.

КЛИМЕНКО-РАТГАУЗ Татьяна. Семь стихотворений. VI—46.

МОРЕЙНО Сергей. Ветви. XI—69.

НИЖЕВЯСОВА Марина. Туда, вдоль речки, где кричит зегзица... XII—69.

ОШУРКОВА Евгения. Город. V—71.

ПЕТЕРС Янис. Тема со свечой. Перевела Ирина Черевичник. VIII—3.

ПЛАУДИС Эгилс. За пролетевшей звездой. Перевела Ольга Петерсон. Вступление Леона Бриедиса. VII—59.

РАНЦАНЕ Анна. На пороге забытого дома. Перевела Ольга Петерсон. III—3.

САРАН Елена. Окно. III—60.

СКАЛБЕ Арвид. Небосклон мой светозарный. Перевел Александр Черевченко. XII—51.

СКУЕНИЕКС Кнут. Не оглядывайся! Поэма. Перевел Александр Матуль. Вступление Леона Бриедиса. VI—3.

ЧАКЛАЙС Марис. Gaviju roēta [Поэма ликования]. Фрагменты. Перевел Роальд Добровенский. V—3.

ЧЕРЕВЧЕНКО Александр. За лесом долгим и за лесом круглым. II—72.

ЭЛКСНЕ Ария. Звезда. Перевела Наталья Бэбickaя. II—3
ЯКАЙТИС Ингварс. Над полем и над лесом. Перевел Александр Шаталов. XII—90.

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

ДРЕЙКА Дагня. Свет вершин. Перевела Ольга Николаева. I—5.
ЛЮДЕКС Витаут. Дом ветра. Перевела Ольга Николаева. IV—3.
НИКОЛАЕВА Сльга. В том роднике — огонь. IV—7.

ВСТРЕЧИ

ГЯДА Сигитас. Семь стихотворенки и пауза. Перевел В. адимир Микушевич. III—95.
КАЛАНДИЯ Рене. Рифмованный Икар. Перевел Владимир Микушевич. Вступление Яниса Рокпелниса. VII—73.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

АДАМСОН Эрик. Кровавые слезы. Сострадание. Преодоление. Рассказы. Перевела Нина Бать. Предисловие Мариса Чаклайса. XII—55.
БЛАУМАНИС Рудольф. Может ли латыш избежать писания стихов и как этого добиться? Краткое наставление в любви. Перевел Леон Гвин. I—12.
ВАЦИЕТИС Оярс. Секретный указ короля. Перевели Людмила Азарова, Рольд Добровенский, Юрий Касянич. X—48.
НАБОНОВ Владимир. Ut p'stuta poesis. Стихотворение. VIII—3-я обложка.
РАЙНИС Янис. Иосиф и его братья. Фрагмент трагедии. Перевела Валентина Елизарова. Вступление Сандра Риги. IX—52.
ЧАК Александр. Поздний гость. Из книги «Осеннее в чистотке». Перевел Рольд Добровенский. Вступление Виктора Авотньша. X—54.

СТРАНИЦЫ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Дайны. Подгоню коня к порогу. Перевел Феликс Скудра. I—38.

ПУБЛИЦИСТИКА

АВОТИНЬШ Виктор. Свобода, равенство и . . . наше издалека. XI—84.
БОЯРС Юрис. Университетам — свободу печати! XII—93.
БРИЦЕ Л., МАКСИМОВ С. «А:дерграунд» выходит на поверхность. IX—95.
БУРТИН Юрий. Возможность всзразить. Из личного опыта. VI—66.
ГЕНРИ Эрнст. Предисловие к 3-му советскому изданию. Вступление Виталия Кобыша. VI—108.
ГОЛУБЕВ Борис. Сточная канава Юрмалы. VI—80.
ДОЗОРЦЕВ Владлен. Русские в Латвии. I—51.
ДЬЯЧЕНКО Александр. Разрывы в цеги. Интервью с Владимиром Боревым. II—99.
ЕГОРЕНКО Сергей. Вместо манифеста. VII—101.
ИЛЬИН Виктор. Почему остановилась социальная теория. V—91.
КОВАЛЕВСКАЯ Любовь. «Мы сами ничего не знали». Новоселье. IV—79.
ЛАПСА Янис. Этот мрачный пятьдесят девятый. . . Беседа с Вилисом Круминьшем и Индриксом Пинксом. XI—74.
ПОЛОЦК Илан. Олег Хлебников: Я мечтаю о поэзии «Огонька». XI—85.
Программа Народного фронта Латвии. XI—72.
СТРАДЫНЬ Ян. Красно-бело-красные цвета в истории культуры Латвии. X—90.
ЦИШКОВА Екатерина. От Варлама к Авелю и далее. Интервью с Леонидом Ионичым. II—86.
ЧЕВЕРС Зиедонис. Бумеранг догматизма. VII—105.
ЯКУБАН Андрис. О Народном фронте Латвии. XI—71.

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

ГЕЙМАН Илья. Убийство в дачном поселке. Размышления после приговора. VI—91.
ПОЛОЦК Илан. Наручники. XII—96.
РЕЙНИЕКС А. «Высший суд» — и не только о нем. IV—88.

ЖУРНАЛИСТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

ДЕМИДОВ С. Под единоедушно «осуждам». VII—98.
СОКОЛОВ А. Правдивая дезинформация. VII—99.

ШЕРШОВ Вадим. «Место смерти — Курапаты»... IX—105.
ЯУНЗЕМЕ Зента. Рубикон. VII—88.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЗАПРОС

ПОЛОЦК Илан. 1. Сокращение: функции или личности? 2. Рабочие руки и рабочие места: нехватка или избыток? 3. «Драйкндерсистем»! Беседа с И. В. Чевачиним. I—71.

ПОЛОЦК Илан. День реабилитации. Интервью с Янисом Шкапарсом. VII—83.

КАФЕДРА

КУДРЯШОВ Александр. «... всякого помилуй и от беды избави». VI—61.

НИКИФОРОВИЧ Григорий. Право быть другим. I—79.

НИКИФОРОВИЧ Григорий. В должности Вольтера. VIII—87.

СКУЕНИЕКС Кнут. Правда ближнего. II—76.

СТРАДЫНЬ Ян. Виновата ли наука! IV—62.

ШКЛОВСКИЙ Евгений. Чувство стаи. VII—78.

ОБЗОРЫ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

АРЬЕВ Андрей. Отступление в жизнь. VI—106.

ГАЙЛИТ Гарри. Скольжение вниз по восходящей вверх. II—80.

ГАЙЛИТ Гарри. Зачем Ноасу Ноев ковчег? XI—122.

ИВЛЕВ Алексей. Испытание словом. VII—112.

ЛЕВКИН Андрей. Воспоминания, время, реальность. V—102.

НИКОЛАЕВА Ольга. Поэзия-1987. X—112.

РОКПЕЛНИС Янис. «Годы помогают молодеть...» VII—115.

РОКПЕЛНИС Янис. К столетию эпоса Андрея Пумпура «Лачплесис». VI—99.

РУДНЕВ Вадим. Egate humanum est. I—82.

РУДНЕВ Вадим. Культура и детектив. XII—114.

СЕРГЕЕВА Эмма. Роман в рассказах: о прозе Зигмунда Скуиня. I—83.

СКУЕНИЕКС Кнут. Что мы унаследовали? Латышская поэзия 1987 года. IV—102.

ГОСТИНАЯ «ДАУГАВЫ»

ПОЛОЦК Илан. Доналд ван Атта: «Безработица мне не грозит...» VIII—109.

ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ, ВОСПОМИНАНИЯ

ЗОРИН Михаил. Последний чай со Шкловским. IV—115.

МАСТЕРСТВО ПЕРЕВОДА

АЙЗПУРИЕТЕ Аманда. Утерянная единственность. XI—119.

РУДНЕВ Вадим. Стих и перевод: латышская и русская поэзия. I—99.

ПИСАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЕ

КАВЕРИН Вениамин. Михаил Зорин: «Все, что суждено». VI—114.

ПОЭТ О ПОЭТЕ

НИКОЛАЕВА Ольга. Ояр. I—90.

МЕМОРИА

АДАМОВИЧ Георгий. Стихи. Публикация и вступление Романа Тименчика. I—112.

БЕЛОКОНЬ Сергей. Зырянский Фауст. Вступление Маргера Зариньша. V—112.

ГРИНФЕЛДЕ Милда, РУМНИЕКС Валдис. Почему я Чак! X—61.

ЗАБОЛОЦКИЙ Никита. Об отце. III—105.

ЗАБОЛОЦКИЙ Николай. История моего заключения. Публикация Е. В. Заболоцкой. Послесловие от редакции. III—107.

ЗАЛИТИС Янис. Лев Толстой в судьбе Карла Сиксне. IX—114.

КАРПОВИЧ Михаил. Мое знакомство с Манделштамом. II—109.

КЛИМОВ Евгений. Добужинский. VIII—122.

КРУПНИКОВ Петр. Остзейцы и Рудолфс Блауманис. IV—109.

ЛУГИН Герасим. Московские ночи. Эюд. Предисловие Юрия Абызова. XI—105.

- МАНДЕЛЬШТАМ Осип.** Главы из автобиографической книги «Шум времени». Публикация Романа Тименчика. II—96.
- МЕЦ Александр.** Незвестные стихотворения Мандельштама. II—104.
- МОРОЗОВ Александр.** История — биография — образ. II—101.
- МОЧУЛЬСКИЙ Константин.** О. Э. Мандельштам. II—112.
- ПРИЕДИТИС Артур.** Судьба не странного гения. IX—111.
- ПРИЕДИТИС Артур.** Райнис читает Марию Башкирцеву. I—108.
- САЖИН Валерий.** «Я дружбой был, как выстрелом, разбужен. . .» XI—112.
- ТАРНОВСКИЙ Юлиан.** Заполярные стихи. IX—83.
- ТИМЕНЧИК Роман.** Десять стихотворений Георгия Адамовича. I—111.
- ТИМЕНЧИК Роман.** Добужинский в Риге. VIII—114.
- ТИМЕНЧИК Роман.** Мандельштам и Латвия. II—94.
- ТИМЕНЧИК Роман.** Забытые воспоминания о Мандельштаме. II—107.
- ТОДДЕС Евгений.** Прибалтийский этюд Юрия Тынянова. VI—116.
- ТЫНЯНОВ Юрий.** Два перегона. Рига. Литовский перегон. VI—121.
- ЯКОБСОНС Валентин.** Мы так и не перешли на «ты». IX—90.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- БОРХЕС Хорхе Луис.** Каббала. Предисловие и перевод И. Петровского. VII—118.
- ГАСПАРОВ Борис М.** Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». X—96, XI—88, XII—105. Окончание следует.
- ЗОЛЯН Сурен.** «Вот я весь. . .» Вступление Вадима Руднева. XI—98.
- ЛОТМАН Юрий.** Текст и структура аудитории. I—93.
- МАУРИНЯ Зента.** Ложные пути преодоления скуки. Трагедия малых народов. Публикация Артура Приедитиса. Перевела Клара Приедите. VIII—103.
- ПРИЕДИТИС Артур.** На высотах метафизической культурологии. VIII—97.
- РУДНЕВ Вадим.** Поэтика деформированного слова («Война и мир» и «Анна Каренина»). X—107.
- СОКОЛОВА Ингрида.** «Держать — прекрасно!» VIII—91.
- ЦИВЬЯН Юрий.** Исторический фильм и динамика власти: Троцкий и Сталин в советском кино. IV—98.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- ЖУРАВСКИЙ Анатолий.** Отзвуки сердец. I—117.
- ИВЛЕВ Алексей.** Кто живет в этом доме! II—120.
- ИСУПОВ Константин.** Поэтика хронотопа. II—123.
- ЛЕВКИН Андрей.** «Ученые должны правильно учить, как жить надо». II—115.
- ЛИННИК Юрий.** Пространство культуры. VI—123.
- НИКОЛАЕВА Ольга.** 1. «И ничего со мной не происходит. . .» 2. Зачем нужны стихи. III—121.
- САЖИН Валерий.** Повторное приглашение. IV—125.

ИСКУССТВО

- БУЖИНСКАЯ Ирена.** «Алло!» — «Артконтакт» к вашим услугам. IX—118.
- БУЖИНСКАЯ Ирена, ГОЛТЯКОВ Альберт, ИВЛЕВ Алексей, ЗАРИНЬ Индулис, РУДНЕВ Вадим.** «Одна неправда нам в убыток. . .» Подборка суждений. III—117.
- МАРГЕРИС Зариньш.** Проба на достоинство. XII—119.
- ИВЛЕВ Алексей.** Изломанности. IX—122.
- ЛУСЕ Модрите.** Каким быть сельскому дому! V—125.
- РОКПЕЛНИС Янис.** К столетию эпоса Андрея Пумпура «Лачплесис». VI—99.
- РОКПЕЛНИС Янис.** Александр Чак и латышские художники двадцатых-тридцатых годов. X—67.
- ФОГТ Роланд.** Мастер цветовых контрастов. I—115.
- ЯКУБАН Андрис.** Карикатура защищает природу. IV—123.

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- ШАЙТЕРЕ Текла.** II—79.

ПОЧТА «ДАУГАВЫ»

- VI—127, VII—127, VIII—126, IX—128, X—126, XI—127, XII—122.

ИЛЛЮСТРАЦИИ НА ОБЛОЖКАХ И ВКЛЕЙКАХ

I — Художник Рудольф Пиннис в своей мастерской; Рудольф Пиннис. Мир; Портрет Эльвиры; Цветы — тебе; Дружба и любовь; Вещи и люди. Фото Роланда Фогта.

II — Латвийский плакат. Вилнис Дидрихсонс. Методам управления — радикальную реформу! Юрис Димитерс. Какова работа — таково и вознаграждение; Гунар Кирке. Где тонко — там и рвется; Иварс Майлитис. Без подписи; Марис Субачс. Упростить управленческий аппарат; Лаймонис Шенберг. Звездным войнам — нет! Земля — бомба! Фото Роланда Фогта.

III — С выставки «Осень-87». Бирута Делле. Цветущие каштаны; Альберт Голтяков. Эпитафия-посвящение невинно осужденным во время сталинского культа; Даце Лиела. 8¹⁵; Леонид Мауриньш. Вечер у реки; Андрей Розенбергс. Старая рыбацкая лодка; Юрис Утанс. На остановке; Хелена Хейрихсоне. Обращение. Фото Атиса Иевиньша и Айвара Лиепиньша. Сигисмунд Видберг. Одеваясь. Фото Мары Брашмане.

IV — С выставки «Карикатура защищает природу». Владимир Береснев [Каунас]; Линас Делтува [Каунас]; Вилнис Дидрихсонс [Рига]; Саулус Мадженис [Каунас]; Анатолий Орехов [Москва]; Сергей Савилов [Донецк]; Александр Сергеев [Ленинград]; Игорь Смирнов [Москва]; Владимир Уборович-Боровский [Москва]; Борис Хотин [Ленинград]; Геннадий Чегодаев [Челябинск]. Фото Гунара Яяйтиса.

V — Сельская архитектура Латвии. Здание общественного центра колхоза «Тервете». Архитектор Андрис Вайновскис. Дом культуры, административное здание в Рундени. Административное здание колхоза «Ренда». Здание комбината бытового обслуживания в Пампали. Интерьер комбината. Архитектор Лаймонис Тикманис. Фото Андриса Криевса; Жилой дом в поселке колхоза «Марупе». Архитектор Аусма Скуиня. Фото Андриса Тенаса; Клеть и жилая рига-школа из окрестностей Валмиеры [Этнографический музей]. Фото Угиса Ниедре; Поместье Пелчи. Фото Яниса Зилгалвиса; Административное здание колхоза «Кекава». Архитектор Лиесма Скуа; Административное здание в Мадлиене. Фото Индрикса Стурманиса; Открытая эстрада. Современный хутор. Дом бытового обслуживания в колхозе «Падомью Латвия». Архитектор Заига Гайле. Фото Роланда Лакиса; Исторически сложившийся сельский центр Яунпилс. Реконструкция ансамбля Эргельниекс. Фото Валериана Шайцанса; Перепроектировка типового проекта детского сада. Архитектор Аусма Скуиня. Фото Гунара Яяйтиса.

VI — Иллюстрации к эпосу А. Пумпура «Лачплесис». Волдемарс Валдманис [2]. Гирт Вилкс. Андрей Гончаров. Эмиль Мелдерис. Сувенир «Лачплесис». Фото Роланда Фогта; Ансис Цирулис. Победа у Даугавы. Карлис Зале. Горельеф памятника Свободы. Фото Юриса Криевиньша.

VII — Юрис Димитерс. 1937 год. Плакат. Фото Атиса Иевиньша и Айвара Лиепиньша; 8 снимков Бориса Голубева, отображающих экологическую ситуацию, созданную Словским ЦБЗ в Юрмале; Янис Кнакис. Соло; Митинг против строительства метро в Риге. Фото Улдиса Бриедиса.

VIII — М. В. Добужинский. Уголок набережной. Старая Рига. Четыре эскиза декораций к неосуществленной постановке «Волшебной флейты» Моцарта. Два эскиза к постановке «Сказок Андерсена». Рига. Гримасы города; Е. Е. Климов. Мозаика на часовне Покровского кладбища в Риге; Е. Е. Климов, Ю. Г. Рыковский. Роспись надальтарной части стены храма Иоанна Крестителя в Риге. Фото Роланда Фогта.

IX — Обломок памятника Лачплесису в г. Елгаве. Скульптор Карлис Янсонс. Фото Улдиса Бриедиса; С выставок «Артконтакта». В. Андреев. Композиция; Ю. Биндеманис. Натюрморт; Г. Богомолос. Композиция; В. Гаврильчик. Бой Руслана с головой. Зима; В. Глушенков. Река времени; Л. Гуревич. История парада; А. Лебедев. Кора земли; В. Овчинников. Изгнание из рая; С. Сергеев. Новый стиль; Тимур. Красная площадь. Дворцовая площадь. Фото Валта Клейнис; Митинг памяти жертв сталинизма 14 июня 1988 года в Риге. Фото Юриса Криевиньша.

X — Чак и его время [латышские художники двадцатых-тридцатых годов]. Карлис Тидеманис. Маски. В порту; Янис Пласе. Серенада; Янис Лиепиньш. В корчме. Поздние гости; Волдемарс Ирбе. На базаре; Карлис Балтгайлс. Навессала [Остров

смерти); Роман Сута. Бал на природе; Волдемарс Топе. У окна; Карлис Падегс. В пути. Смерть художника. Фото Мары Брашмане.

XI — С выставки «Искусство и революция». Иван Пуни. Гимнастка и жонглер; Василий Шухаев. Натюрморт со сковородкой; Александр Древинь. Автопортрет; Густавс Клуцис. В кремлевском саду. Пушечное мясо; Василий Масютин. Агитатор. Фото Мары Брашмане; Оярс Вацетис. Фото Вильгельма Михайловского.

XII — С выставки изобразительного искусства Советской Латвии 1944—1957 годов. Аста Бржезицка. Родина; Владимир Андриенко. Молодожены на колхозном рынке; Семен Гельберг. Друзья мира; Теодор Залькалн. Бюст И. В. Сталина; Василий Кирилов. С сенокоса; Янис Лиепиньш. Латгалия; Янис Паулукс. Фелицита; Фрицс Рождарс. Лесные братья карают предателя; Отис Скулме. Сборы на Праздник песни; Янис Робертс Тилбергс. Портрет генералиссимуса И. В. Сталина. Фото Валта Клейнса. 8 и 9 октября 1988 года — дни учредительного съезда Народного фронта Латвии. Фотоколлаж Гунарса Янайтиса.

В оформлении № 1—XII использованы работы художников А. Бетини, Эдуарда Бренченса, А. Вермишева, Сигисмунда Видберга, Семена Гельберга, Андрея Гончарова, Олега Дергачева, Мстислава Добужинского, А. Жебелика, Зигурда Зузе, Владимира Козиня, Михаила Курдюмова, Василия Масютина, Эмилса Мелдериса, А. Никитина, Николая Новикова, Карлиса Падегса, Александра Пшеняникова, Дайниса Рожкалнса, Яниса Саукумса, Тамары Сергиенко, Никласа Стрункз, Романа Суты, Зелмы Тальберг, Яниса Робертса Тилбергса, О. Царука, Д. Шагина, Павла Шиллинговского, Александра Юнкерса. В нем также приняли участие художники Илгнессе Авотиня, Гунарс Виндедзи, Атис Иевиньш, Раулс Лиепиньш, Кирилл Шмельков, Эгонс Штейнбок.

Авторы снимков в тексте: Лаймонис Блодниекс, Мара Брашмане, Марис Богустов, Улдис Бриедис, Харийс Бурмейстарс, Борис Голубев, С. Григорьев, Виктор Гулбис, Язел Дановскис, Лайма Жургина, Мартиньш Зелменис, Атис Иевиньш, Валтс Клейнс, Юрис Криевиньш, Надежда Лебедева, Айварс Лиепиньш, Оярс Мартинсонс, Мойсей Наппельбаум, О. Падеяйтес, Эдуард Петерсонс, Янис Пойшс, Имантс Пределис, Марк Рабкин, Валяя Станкевица, Владимир Тимофеев, Роланд Фогт, Гунтис Эниньш, Гунарс Янайтис.

Авторы снимков в тексте: Харийс Бурмейстарс, Лайма Жургина, Валтс Клейнс, Оярс Мартинсонс, Янис Пойшс, Гунарс Янайтис.

На первой странице обложки: Аста Бржезицкая. Родина.

На четвертой странице обложки: Теодор Залькалн. Бюст И. В. Сталина. 1949 год.

Фото Валтса Клейнса

Сдано в набор 13.10.88.

Подписано к печати 16.11.88. ЯТ 00150.

Формат 60×90/16. Типогр. бумага № 1,

мелованная бумага. Офсетная печать.

8,0+0,25+0,25 усл.-печ. л., 15,75 усл. кр.-отт.,

10,61 уч.-изд. л. Тираж 47 000.

Заказ № 1318. Цена 45 коп.

Адрес редакции: 226081, Рига, ГСП,

Баласта дамбис, 3.

Телефоны: гл. редактор 466049,

зам. гл. редактора 465913,

отв. секретарь 465996.

отд. прозы 465992,

отд. поэзии 465998,

стд. критики и публицистики 465990,

техн. секретарь 465993.

Отпечатано в тип. Издательства ЦК КП Латвии,
226081, Рига, Баласта дамбис, 3.

Технический редактор
Мудите АРАЯ.

Корректор
Любовь СОКОЛОВСКАЯ.

Янис Паулюкс. Фелицита. 1946—1947 годы

Василий Кириллов. С сенокоса. 1953 год

Фото Валта Клейнса

Фрицис Рождарс. Лесные братья карают предателя. 1957 год

Владимир Андриенко. Молодожены на колхозном рынке

Отис Скулме. Сборы на Праздник песни. 1948 год

Семен Гельберг. Друзья мира. 1950 год
(см. материал на стр. 119)

Янис Робертс Тилбергс.
Портрет генералиссимуса
И. В. Сталина

Янис Лиепиньш. Латгалия. 1950 (?) год

Фрагмент экспозиции плаката.

Фото Валта Клейнса

45 коп.

Индекс 77123

